

Александр СОЛОВЬЕВ
ПУТЬ ОГНЯ

Чтоб мы сумели добрые,
Благие, благодушные,
С надеждою и радостно
Преодолеть вражду
Врагов — людей и дэвов,
И ведьм, и колдунов,
И кавиев-тиранов,
И злобных карапанов.

Авеста

Зар шел на восток, считая востоком сторону, в которую дважды указывал Митра. Надо поскорее убраться с территории храмовника. Если Елена уже в Аншане, ночь – не самое подходящее время для поисков. Лучше где-нибудь пересидеть до утра.

Возвращаться в убежище не хотелось – там все кровью залито. Зар решил дойти до селения и провести остаток ночи в первой попавшейся лачуге. Дойдя до хижин, он передумал и отправился дальше. Обошел селение, стал пробираться по пустырю вдоль восточной дороги. Обожженные, исколотые ступни зудели от боли. Он старался не замечать этого. Главное – не прозевать шорохи крадущихся волков, а то и каких-нибудь тварей поопаснее. Отделавшись от «блокатора», едва ли ты заслужил милость Невидимого. Коли уж дух захочет стереть в порошок, то сделает это, не задумываясь. Ничто его не остановит. А уж повода для того, чтобы разбушеваться, ему предостаточно, ведь за ночь ты вместе с Митрой такого наворотил! Одно дело скорпиона поганого сжечь или пускай даже зверя хищного, другое – против всесильного духа восстать. Признайся себе: обо всех возможностях Невидимого ты до сих пор представления не имеешь.

Иногда Зар останавливался и смотрел назад. Аншан был погружен в морозящую тьму. Толща черных облаков скрывала небо, сдерживала наступление рассвета.

Как не почувствовать в этом сумрачном унынии тяжелый взгляд Невидимого: он сверлит, испытывает, гнетет...

И все же чутье подсказывало Зару, что он выберется. Не иначе, чудовище и на этот раз дает ему возможность уйти.

Часть I

1

Дождь перестал барабанить по подоконнику. Не отрываясь от подушки, Зар глянул на электронное табло часов. Без семи шесть. Десятое октября. Сегодня – на работу.

С наступлением тишины пропала сонливость. А лежать в постели, когда ты уже проснулся, блажь. Пора в реальность. В скучную, однообразную, лишенную непредсказуемых событий, явь.

Хм... Что за настроение сегодня такое?

Он резко сел. Потянулся. Помассировал «чудодейственные точки» на голенях – когда-то давно научил Фазан, тренер по айкидо. По ногам пробежали слабые электрические разряды, растаяли где-то возле щиколоток. Встав, по армейской привычке откинул одеяло – чтобы постель проветрилась.

Туалет, ванная, бритье с кремом «Жилетт», умывание холодной водой, горьковатый вкус зубной пасты...

Пять минут спустя, взбодренный, заглянул на кухню. Тут шумела вытяжка, пахло жареным. Мать хлопотала у плиты. На ней халат ярко-синего цвета. Каштановые волосы собраны в хвост: он похож на большую запяточку.

«Чуть свет встает, – подумал Зар. – А ведь из-за меня. А может оно нехорошо для Мишки?»

– Привет, – обнял ее за плечи. – Ну че?

– Все – хоккей, – отозвалась. – А ты с какого перепугу? Не готово еще.

Он чмокнул ее в щеку, вернулся в комнату, подобрал с пола спортивный костюм, швырнул на стол. Фен-шуй ни к черту, бардак словно сам по себе образуется.

Открыл форточку, вышел на середину комнаты. Ну, оживай! Стал разминаться, присел на каждой ноге раз по десять, отжался сороковник.

На коврике выстроено «железо» – несколько разнокалиберных гирь и гантелей. Зар хотел было ухватить двухпудовую гирю, как тут внутри у него что-то ухнуло.

Проклятье!

Он замер, таращась на гири. Нелепые болванки... Тьфу!

«Все. Пора!»

Послав утреннюю гимнастику к черту, он заходил взад-вперед по комнате, бормоча под нос ругательства и безжалостные издевки над собой. Что может быть паршивее застоя, если тебе двадцать один, ты здоровенный бык, а весь твой образ жизни воплощен в дурацкой фразе: сутки через трое? Идиотизм!

«Нужен план, – решил он. – Срочно. Сейчас! Никаких завтра».

Он плюхнулся на пол, сложил ноги в лотосе. Закрыв глаза, приступил к дыхательным упражнениям. Надо уравновесить состояние духа.

Через десять минут, широко раскинув локти и низко опустив голову, Зар сидел за кухонным столом. Он был мрачен.

– А я масло креветочное купила, – сообщила мать. – Вспомнила, как ты любил раньше – с гренками. Открывай коробочку.

Она придвинула тарелку с гренками, положила подставку из бамбука, сверху поставила дымящуюся турку, пожелала приятного аппетита.

– Эй, что это с тобой? – Мать на секунду прищурилась и тронула Зара за плечо.

Тут на плите что-то зашипело, и она снова вернулась к кастрюлям.

Зар налил густого кофе, отхлебнул. Все не так, даже кофе безвкусный. Зар намазал гренку маслом, откусил и стал угрюмо жевать.

Он думал о героях.

Герои – не вымысел, они существуют, и – мало того – в эту самую минуту они совершают подвиги!

Что за блажь! Тупо сидишь в квартире, жуешь завтрак, а часы отбивают начало нового этапа в жизни путешественников, скалолазов, гонщиков и прочих любителей экстрима. У них – романтика, а у тебя – непролазные будни.

Зар поглядел в окно. Почему такая несправедливость? Впереди у этих счастливиц – приключения и непокоренные вершины, а у тебя – все обстригано и предрешиено: дом, работа, выходной. И весь твой экстрим увяз в драгоценном льготном стаже. Очередная галочка в документах – лучшее, что тебя ждет! Вот здорово-то!

Серое октябрьское небо светлело. Пробуждались дома напротив. В одном из окон торчала, покачиваясь, чья-то башка, – кто-то там, видно, тоже завтракал. Неожиданно эта малозначительная деталь вызвала новый прилив раздражения. Захотелось грохнуть кулаком по столу, да так, чтобы посуда подпрыгнула. Если бы не мать, он так и сделал бы. Да что толку беситься?

Надо разобраться, что не так. Чем плоха работа бойца пожарной части? Геройства вроде как достаточно: как ни крути, профессия пожарного – в десятке самых опасных. Было и чувство гордости, когда выносил из огня зареванную малявку, мамаше передавал... Только рутинное оно какое-то, геройство это. Риск есть, но слишком уж он предсказуем, что ли, а это не то. Совсем не то, что нужно! Сколько бы в ней ни было плюсов, драйва никакого: большую часть времени сидишь в четырех стенах. Плановые занятия, дежурка, затертая столешница, болтовня... А текущий ремонт оборудования, походы в спортзал... Пока все в наряды режутся, пытаешься себя черт знает чем занять. За все время только три или четыре пожара и было.

«Время не ждет», – говаривал боевой друг Борька. А ведь Зар с Борькой по характеру – как две капли воды.

– Завернула тебе бутерброды с паштетом, колбасой и сыром. – Мать держится за круглый живот. От затаенной улыбки на щеках проступают ямочки. – Да чего ты молчишь-то? Назар!

Эх, хорошая ты, мама, добрая, единственная на свете. Но твоя каждодневная забота эту хандру только усиливает.

По-нормальному надо бы их с Иваном наедине оставить. Пускай себе новую семью строят, Мишку рожают. В общежитии комната освободилась. Хоть сейчас туда перебирайся. Только сдерживает что-то. Словно переезд в общагу поставит жирную точку на том будущем, которое призраком маячит в воображении.

Зар откусывает пол-гренки, топит ее в большом глотке кофе.

Чтобы изменить жите-бытье, надо разобраться, чего ты на самом деле хочешь. Не мешало бы к Борьке в Москву смотаться, посоветоваться. По телефону – не то. Пожить бы у него денька три, пивка попить, старое помянуть. Борька наверняка что-нибудь толковое присоветует. Он – настоящий друг. Немало вместе пережили. Как-то просидели три месяца на блокпосте под Хасавюртом без единого выстрела. Зубами от напряжения скрежетали. Спасло сильное желание выжить. Да еще вера в окончательную победу.

Борька – безногий. Таким он с войны вернулся. Ему особая судьба уготована. Была у него своя трудность (другие бедой назвали бы, но для реального мужика вернее сказать: трудность), и Борька с ней отменно справился. Поступил в вуз, занят в общественной организации, работа есть. По горам ему не лазить, но и годы прожитые Борька не станет на бумаге складывать, льготы высчитывать. А ты, мужик здоровенный, а раскисаешь? Тьфу!

Мать присела на край стула. Не поднимая на нее взгляда, Зар принялся усердно намазывать гренку.

– А мне сон снился, – вспомнила вдруг мать. – Символический. Слышишь?

– Угу, – отозвался Зар.

– Интересный такой сон. Хотя и кошмарный. Какое-то чудо-юдо пакостное ко мне прицепилось. Мужик – не мужик. Здоровенный, черный, а вместо лица – пятно. Представляешь?

Матери после того, как забеременела, то и дело снятся «интересные, кошмарные» сны.

– Представь себе, – продолжала она. – Это чудо-юдо поганое Мишку маленького хотело забрать. Прямо как в ужастике каком. – Мать бережно погладила живот. – Так я знаешь что? Решила драться с ним, с этим чудом-юдом. Да только под рукой ничего нет. Ну, не полезу же я с кулаками на огромного мужика! Ни сбежать не могу, ни отвернуться: а вдруг, думаю, он сзади набросится? Тогда стала заговаривать его: зачем, мол, тебе ребеночек, он еще не родился даже. А сама себе потихонечку назад отступаю.

– Ну, и? – Зар размазал по куску гренки креветочное масло. Оно начало таять, стало похожим на краску, подошедшую олифой.

– А поганец меня не слушает. Он сам хитрый. Говорит: дай ребенка, я знаю, что с ним делать. Я ему: не дам. А он: нет, дашь. И наступает. И вдруг на всю стену дверь распахивается, и парнишка молодой выходит. Светловолосый такой, чем-то на тебя похожий, но вроде как и не ты... За ним яркий свет. Парень руки к небу. Вижу, в одной то ли меч, то ли сабля, а в другой... – Она прервалась, посмотрела на Зара большими, удивленными глазами, такими же голубыми, как у него самого.

– Что в другой-то?

– А в другой... книга.

– Не... – покачал головой Зар. – Это точно не я был.

Такие сны мать всегда символическими называет. Всякий раз в деталях пересказывает. Если тут же не дать убедительное опровержение, потом аргументами замучает.

– Сон-то добрый, – уверенно заключила мать. – Чудо-юдо удрало. Стало быть, добро победило. Только вот свет меня смущает, такое яркий был, как от... сильного пожара.

Мать задумалась на минуту, а потом вдруг переменяла тему.

– Слушай, Назар, шел бы к Ивану, а? Давно ведь тебя зовет. Поработаешь сначала каким-нибудь помощником или курьером, а погодя, когда освоишься с их делами, менеджером тебя сделает.

– Только проблем создам, – пробурчал Зар. – Сама знаешь, не мое это.

– Ага, стало быть, менеджером не твое, а пожарным – твое? Что за радость по балконам лазить, дым глотать?

Зару этот разговор не нравился. Он быстро допил остаток кофе, окончательно потерявшего вкус.

– К концу недели в общагу перейду, – заявил, вставая и отворачиваясь. – Пора комнату готовить под детскую. Мишке жилплощадь нужна.

Мишкой будущего Зарова брата мать собиралась назвать в честь своего любимого Лермонтова, так же, как и Зару дала имя Назар в честь узбекского поэта Усмана Насыра: две его книги, «Сердце» и «Моя любовь» с выпцветшими автографами, когда-то привезенные дедом из Ташкента, хранились в ее личной библиотечке.

– Да как же ты в общежитии-то? – всплеснула руками мать. – Не спешил бы, сынок. Места всем хватит. Иван тебя уважает. Да и Мишка, пока маленький, все равно возле меня будет.

– Нет, по любому съеду, – отмахнулся Зар. – Нечего вам мешать. Да и надоело туда-сюда через весь город мотаться.

Но идея о переходе в общагу пожарки только головной боли прибавила. Что, собственно, это изменит? Придумал бы лучше себе занятие по душе. Но ничего путного в голову не лезло.

Зар посмотрел на часы – шесть двадцать одна. Вошел в свою комнату, на минуту застыл перед зеркалом. На лице тень, брови сошлись над переносицей, губы плотно сжаты. Нет, таким он себе не нравится. И вот еще ерунда: над ушами появились завитки. Значит, пора стричься, еще неделя, и Петрович замечание сделает.

Зар пригладил волнистые, пшеничного цвета волосы, внимательно посмотрел в глаза. В их глубокой синеве заиграли искорки, и тень сошла с лица. Теперь оно выглядело почти беззаботным.

Значит так, – сказал он себе. – Завтра после смены – разведка боем. Приедешь домой, поставишь скутер в гараж – и чеши в город. Сперва прошвырнись по Невскому. Затем двигай в Гостиный двор. Гляди в оба, не зевай. Плакаты, объявления, битборды, люди, идеи всякие-разные... Все подмечай, на все обращай внимание. Можешь наведаться на Московский вокзал. Там народу – тьма, значит, и идей валом. Держи ухо востро, нос – по ветру. Помни: если будешь внимательным, наверняка не пропустишь важный знак или человека, который тебя сориентирует куда надо. Да-да, именно так оно и будет. Завтра тебя ждет сюрприз, братец! А пока нечего загадывать и голову ломать. Никогда не знаешь, с чего она начинается – новая жизнь.

От этих мыслей Зару стало весело. Решительным движением он стащил спортивный костюм, натянул джинсы и черную футболку. Положил в карман ключи от гаража и скутера с брелоком-фонариком. Затем кое-как заправил постель, захлопнул дверцу шкафа. Снова на мгновение застыл у зеркала, еще раз глянул себе в глаза и наткнулся на взгляд человека, одержимого маниакальной идеей.

– Эй, расслабься, – сказал он.

Воинственное выражение на лице сменилось уверенно-насмешливым.

Подмигнув двойнику, Зар накинул джинсовую куртку и вышел.

Зайдя на кухню, схватил со стола сверток. Мать трясла в руках трехлитровую бутылку, наполненный пеной.

– Береги себя, – сказала она, не оборачиваясь.

Зар шагнул к ней, чмокнул в плечо и, бросив «бай-бай!», выскользнул в прихожую.

Очутившись на лестничной площадке, Зар с облегчением вздохнул. Наконец, свобода!

Сваливать – и как можно скорее, решил он. Хорошо бы съехать не в конце недели, а прямо завтра. Или послезавтра. Хватит заикливаться на дурацких фантазиях.

Выбежав во двор, Зар несколько раз глубоко вдохнул. Утренняя хандра стала рассеиваться.

Свежий воздух умыл лицо, забрался за распахнутый ворот куртки. Зар пошагал к гаражу.

Через пять минут колеса «Хонды» рассекали надвое мелкие лужи. Легкое внутреннее существо Зара рвалось вперед из телесной оболочки и несло навстречу зарождающемуся дню. Время не ждет!

2

Как попадают в пожарные? Кто как. Одни – на спор; другие – случайно; третьи – следуя традиции династии; кто-то – по рекомендации и так далее. Зар в пожарные попал сознательно и планомерно, по собственному выбору. Начало этому было положено еще в школе.

Учился он с интересом до тех пор, пока не увлекся японской борьбой айкидо. После первой же тренировки тяга к наукам превратилась в пар, и учеба отошла на второй план. Временами Зар ее совсем забрасывал, особенно в те недели, когда усиленно готовился к соревнованиям. Тренировки не проходили напрасно: силы и мастерство с каждым днем умножались. Зара неудержимо влекло к победе. Он грезил ею днем и ночью, стремился достичь любой ценой. Уже в девятом классе на секции равных ему не было, а он все равно рвал жилы. Тренер Василь Василич, маленький, худой и носатый, прозванный ребятами Фазаном, приветствовал такое отчаянное рвение. Он и сам отличался непреклонностью, а от Зара требовал еще большего. Зар готов был терпеть все притязания и с достоинством выполнял растущие требования. Среди приятелей он завоевывал все больший авторитет, и мало-помалу стал проявлять качества лидера – руководил разминками, проводил теоретические занятия в младших группах. Но в один роковой день, а именно семнадцатого ноября две тысячи первого, все внезапно закончилось. Зар остановил двух типов, грубо цеплявшихся к девчонке из соседнего дома. Парни решительно запротестовали против такого поворота событий, и потому пришлось их немного привести в чувство. В результате оба оказались прилично помятыми. Вечером того же дня, когда Зар возвращался с тренировки, его подкараулила шайка. Схватка была короткой и кровавой: ткнули в живот раскладным ножом, зацепили артерию. До квартиры он дополз сам и лишь тогда позволил себе отключиться. Рана оказалась серьезной и осложнилась перитонитом. Доктора потом трижды кромсали. Зар провалялся в больнице пять месяцев и пропустил все соревнования, к которым готовился полгода.

По стечению обстоятельств он оказался в одной палате с Николаем Петровичем Галушко, пожарным в третьем поколении.

В ту пору Петровичу едва перевалило за сорок, он был крепок и жизнерадостен, и внешность у него, с точки зрения Зара, соответствовала образу пожарного: голова крупная и курчавая, щеки красные, почти пунцовые, а глаза – как сверла. Во время тушения пожара в жилом доме он упал со второго этажа и угодил на бетонную урну. От удара лопнула селезенка, и ее пришлось удалить, однако живчик Петрович не только не упал духом, но и как мог веселил и поддерживал своего юного соседа. И оказался он

первым реальным мужчиной, с которым Зару посчастливилось сдружиться. Реальным – в полном смысле слова.

До этого он толком не знал, что такое мужественность и мужская дружба. Судил о них по нескольким мужчинам. Среди них был и отец – неизменно пьяный, пивший в долг, по-бабски истеричный, трусливый и безвольный. Другим представителем сильного пола, которого Зар хорошо знал, был Фазан – самовлюбленный деспот. Внешностью и повадками он вполне соответствовал своей кличке. Умел Фазан куда меньше, чем мог наплевист, а небывицы изо дня в день повторял одни и те же. Еще тогда, в четырнадцать лет, Зар превосходил его в силе, а чтобы преуспеть в теории айкидо, ему довелось перелопатить кучу руководств и инструкций. Были также учителя по физкультуре и трудовому обучению, да еще дядя Жора – брат матери, и дядя Витя – сосед по площадке. Из всех этих дядь в сознании парня сложился образ усталого диванного существа, и стать похожим на него Зар не желал.

Тем мужественнее и героичнее казался на их фоне Петрович.

Койки стояли рядом. Зар выпытывал, а Петрович без усталости травил байки о жизни пожарных. Лицо Петровича, – мясистое и красное от пожаров, – редко покидала добродушная улыбка, и рассказывал он так живо, что хотелось вскочить с койки и мчаться тушить пожары.

Из-за травмы Зару пришлось остаться в девятом классе на второй год. Он вернулся в секцию, только, несмотря на претензии Фазана, уже не проявлял прежнего рвения. Теперь чемпионство казалось бессмысленным. Зар общался с Петровичем, навещался в часть, помогал ремонтировать оборудование, а по вечерам кое-как выполнял домашние задания.

Через пять месяцев по окончании школы Зара призвали в армию. После учебки направили в Ханкалу, затем распределили в часть за Хасавюртом, оттуда на блокпост, где судьба предоставила возможность испытать психику. Там Зар и познакомился с Борькой. Война подходила к концу, боев практически не было, зато случались обстрелы, в том числе и минометные, в одном из которых Борька потерял ноги. Еще Зар некоторое время служил в Кизляре и дважды участвовал в операциях по задержанию боевиков.

Вернувшись из Чечни, несмотря на протесты матери, он исполнил свою давнюю мечту, – подал заявление, и на следующий же день был принят на работу в пожарную часть – ту самую, где служил командиром отделения чуть поседевший, но такой же бодрый и неунывающий Петрович.

После боевого крещения (на пожаре дома по Трамвайной) его поставили подствольщиком, а спустя три месяца Зар умело маневрировал стволом, бросаясь в самое пекло и удивляя новых товарищей. Еще через пару месяцев стал чемпионом городских соревнований по газодымозащитной службе, а со второго года работы его стали направлять в разведку пожара. Тут Зар проявил себя безупречным бойцом: дважды отличился на пожарах второй категории сложности, причем оба раза об этом сообщали в городских газетах. Начальник караула предлагал направление в Воронежское пожарно-техническое, а затем и в Питерский противопожарный университет, но что-то сдерживало, и Зар отвечал: «Сперва опыта наберусь, товарищ капитан». С другой стороны налегал Петрович: «Иди, учись, ты ж башковитый пацан», – но Зар только отшучивался.

А сегодня ему вдруг стало совершенно ясно: с пожарным делом придется расстаться, и жизнь надо решительно изменить.

Зар свернул с Кубинской и поехал по переулку, огибая лужи. Через две минуты он уже въезжал в ворота части. Подрулил к стоянке, примыкавшей к плацу, остановил скутер у кромки газона.

Облака на небе рассеялись. Мокрая от ночного дождя трава заблестела на солнце.

Надев шлем на руку, Зар направился к зданию пожарного депо.

Дверь распахнулась перед самым носом. Навстречу вразвалку вышел старший пожарный Рябуха. В руках у него было ведро, – в сравнении с Рябухой оно казалось игрушечным.

– Будь здоров, герой, – кивнул Рябуха.

– Привет, Михалыч. Ну, как оно?

– А-а... – Рябуха махнул рукой. – За ночь два вторых и несколько ложных. Семь раз Сашке продул. Достали уже все. Ну их к бесу... Там тебя это... Петрович разыскивает. – Он подмигнул и поковылял дальше.

Зар привычно шагнул в коридор, вдохнул знакомый запах – краска, машинное масло, пенообразователи. Свернул в раздевалку.

Маленький, коренастый Леня Зуев и худой рыжий Кравцов были уже здесь. Эти двое всегда первыми приходят. Зар кивнул.

– Привет, пацаны!

Они – друзья, с ними не раз приходилось работать в одной связке, плечом к плечу.

– Ба! – Леняка расплылся в улыбке. – Лучший из лучших!

Леняка вынул из красного шкафчика сверток, протянул Зару: новая спецовка.

– Держи, – сказал Леняка. – Кладовщица в отпуск ушла, я за тебя расписался. Обновишь?

Обновить – значит потоптаться. Чти пожарный ритуал! Зар ко всяким суевериям относился скептически, но демонстрировать пренебрежение, особенно перед товарищами, не любил. Даже в таком неровном настроении, как сейчас.

Бросил сверток на пол, наступил обеими ногами и глянул на приятелей: ну как, довольны? Леняка с Кравцовым довольно улыбались.

В эту минуту в раздевалку, запыхавшись, влетел Петрович, за ним Гудин. Помещение наполнилось запахом курева. У Петровича лукавая усмешка, глаза-буравчики выискивают жертву. Гудин с трудом прячет усмешку – он вообще любитель посмеяться.

– Ага, вот ты где! – загремел Петрович. – Ну, что, Степанов? Уже в курсе?

– Насчет чего? – не понял Зар.

– Когда обмывать-то будем? – подмигнул Гудин.

– Чего обмывать-то?

– Да тут кое-что сорока на хвосте принесла... – Петрович явно был доволен тем, что первым сообщит радостную весть. – В таком случае как непосредственный руководитель довожу до сведения: тебе, Степанов, медаль дадут. «За отвагу на пожаре». Молодец!

Все, кто был в раздевалке, зааплодировали. Зар улыбнулся и промолчал. В другой раз по такому поводу он наверняка толкнул бы небольшую речь. А тут и двух слов не нашел.

– Не рад, что ли? – Петрович расставил ручищи. – Дай-ка обниму.

Зар позволил себя облапить, затем по очереди пожал руки товарищей.

– Давно уже наградить надо было, – заметил Кравцов.

– Согласен, – подтвердил Гудин.

Леняка спросил:

– А за какой выезд, мужики? На Пулковской?

– Вот-вот! – кивнул Петрович. – За ту девчущку.

Зару вспомнилась мордашка – бледная, перепуганная. Хрупкое тело едва ощущалось через толстые рукавицы. Вынося девочку из опасной зоны, он боялся, что она выскользнет, но и прижимать сильнее боялся – как-бы не придушишь.

– Так что, Степанов, будь готов, когда майор на построении объявит, – предупредил Петрович.

Зар молча кивнул.

Петрович посмотрел с прищуром, затем перевел взгляд на часы.

– Ого-го! – спохватился он. – Ну, все, мужики, марш к смене готовиться!

К Зару подходили сослуживцы, похлопывали по плечу, поздравляли: все уже знали о награде.

В восемь тридцать началось построение. После доклада летехи на середину вышел начальник части майор Ларкин и прокашлялся перед выступлением. Зар приготовился выслушать поздравления, но вдруг яростно заревел сигнал тревоги, и майор не успел сказать ни слова.

Пожарная часть принимала боевую готовность.

На сборы – тридцать секунд. Пожарные один за другим ныряли в люк и, едва касаясь отполированной до блеска трубы, слетали вниз.

Схватив шлем и «акваланг», Зар помчался в гараж, первым запрыгнул в машину. Через несколько секунд заполнились и остальные места. Двери захлопнулись.

Начальник караула капитан Зайцев коротко сообщил:

– Потемкина, двадцать три. Фирма «Арселор» и музей зороастризма.

Яростно взвыла сирена, и машина помчалась по улицам.

Зайцев принялся изучать какие-то бумаги, разложив их на коленях. До приезда все молчали. Так заведено – молчать по дороге к месту пожара.

Зар напряженно всматривался в окно. Сердце ускоряло ритм, хотя уже и не было так тревожно, как в первые разы. Опасность, которая тебя ждет, в основном предсказуема: огонь, дым, смерть.

Через пару минут впереди показался столб дыма. Толпа еще не успела собраться, и у горящего здания маячило несколько зевак. Боковые окна на третьем этаже выбиты, через проемы взмывают к небу языки пламени.

– Пошли ребята! – распорядился капитан.

Заскрипели тормоза. Бойцы один за другим выскакивали из машины. Началось боевое развертывание.

– Обесточить здание! – крикнул капитан.

Между двумя подъездами около джипа сутился толстяк в дорогом костюме, по всем признакам, владелец фирмы. Петрович кинулся к нему: надо узнать план помещений.

– Гудин, Барков! – заорал капитан. – Перекрывной ствол «Б»! Лестницу ко второму окну! – И тише добавил в рацию: – Пожар два. Разведку начинаю.

Он шагнул к толстяку, о чем-то спросил, затем повернулся к машинам и прокричал:

– Петрович! С Киселевым – за мной.

Капитан указал на другую дверь и кивнул Зару.

– Степанов! Берешь Зуева с Кравцовым. Все втроем во второй подъезд. Имей в виду: уникальные ценности! Информировать по ходу. Я с другой лестницы займусь эвакуацией.

Зар отстегнул рацию и, махнув рукой Ленке, метнулся к подъезду. Ленка с Кравцовым бросились доставать из машины ствол, проворно поволочили его к дому. Остальные бойцы занялись подключением к подземному гидранту.

Заскочив в подъезд, Зар наткнулся на пожилого широкоплечего мужчину.

– Я охранник! – сказал тот и зашелся кашлем. По его бугристым щекам катились крупные слезы – верный признак того, что наверху, где много дыма, он уже побывал. – Третий этаж горит, братцы! Музей!

Ствольщик Ленка вместе с Кравцовым бросились к настенному гидранту, тревожно зазвенело разбитое стекло.

– Дед, где план третьего этажа? – спросил Зар и, придерживая шлем, глянул вверх: задымление было изрядным.

– Вон, за тобой, – охранник указал на стену и закашлялся. – И наверху такой же имеется...

Зар повернулся к чертежу.

– Так-так... все ясно. Люди есть наверху?

– Леночка, экскурсовод... Час назад пришла... Закрылась там. Я дверь хотел выломать... Не имел права ее пускать...

– Имел, не имел – разберутся. Это и есть музей? – Зар ткнул пальцем в три жирные прямоугольника.

– Он... – убитым голосом ответил охранник. – Передняя и еще два больших помещения...

«Передняя... Деятнадцатый век, – подумал Зар. – А планировка довольно простая...»

– Сколько всего людей наверху?

– Только она, Леночка. И еще экспонаты...

– Все, ребята, выводите его! – Зар натянул шлем. Вдохнув кислорода, бросился вверх.

Он знал: ребята за несколько секунд разберутся с рукавом и сразу за ним.

Металлическая дверь на второй этаж закрыта. Здесь какие-то офисы.

Зар бежит дальше, перепрыгивая через две ступени. На третьем этаже дверь распахнута. Валит плотный дым, круто заворачивается вверх, столбом к потолку лестничной шахты.

Зар бросает в рацию:

– Сильное задымление, – и тут же ныряет в вестибюль.

Свет фонаря упирается в дымовую стену. Внизу дыма еще нет. Зар пригибается. На полу брошенный лом, щепки около двери. Вот откуда дым валит: охраннику удалось высадить широкую доску из филенчатой двери. Потом, видно, задыхаться начал и отступил.

Откинув край куртки и выхватив из-за пояса топор, Зар начинает им орудовать. Движения быстры и точны. Несколько секунд и дверь распахивается.

– Где люди? – в рацию. – Ствольщика сюда! Ленка! Ты где там? Товарищ капитан! Это Степанов. Вхожу в среднее помещение. Тяга умеренная. Похоже, дальний зал горит. Задымленность. Огня пока не вижу.

Становится жарче. Одежда уже успела пропитаться потом, начала неприятно липнуть. Зар прислоняет топорик к стене, быстро осматривается.

В среднем помещении светлее. Как будто все заполнено молоком. Дым колышется на уровне метра.

Зар выключает фонарь, становится на четвереньки. Вдоль стен – ряды стульев, между ними кое-где огромные вазы. Посреди помещения несколько каменных тумб. Нет, были бы каменные, провалили бы пол. Значит, муляжи.

Огня по-прежнему не видно. Выходит, не ошибся: горит следующее помещение. Черт возьми, зал с экспонатами! Дым через вентиляционное отверстие валит. Так-с... Если второе звено сработало нормально, Гудин уже полосует тугой струей с лестницы.

Тут взгляд через запотевшее стекло шлема натывается на женские ноги. На секунду внимание задерживается на неуместных деталях: лакированные туфли на шпильках, изящные подъемы, гладкие икры, обтянутые колготками...

До женщины метров восемь. Разумеется, она дезориентирована, не знает, где выход. Ей нечем душать. Да она давно должна быть без сознания!

Зар готов к броску... Только, черт возьми, что-то здесь не так! Иначе ведут себя бабы во время пожара. Орут во все горло... А тут странное спокойствие! Какого хрена, спрашивается, она стоит в дыму? Но, кажется, она уже и сама об этом подумала. Левая нога отрывается от пола. Да куда ж ты идешь?.. За миг до того, как ринуться к женщине, Зара осеняет, что она действует по плану. Будь она жертвой, давно бы в обморок упала. Если бы до этих пор, как и он, не сидела на полу, к самому низу прижимаясь, наверняка

уже задохнулась бы. Но, несмотря ни на что, она сохраняет абсолютное спокойствие, что просто невозможно в этой ситуации.

– Стой! – но маска глушит крик.

Прыжок! Зар погружается в молоко. До двери женщине шага три, ему нужна секунда, чтобы догнать ее. Он не промахнется, если успеет.

– Стой!

Время замедляет ход. Белизна сгущается, – полторы секунды полета сквозь дымящееся молоко, – мысль превратилась в стрелу. Надо остановить ее, повалить на пол. Во что бы то ни стало. Если успеет открыть дверь, пламя вырвется из горящего помещения огненным валом, сметет все на пути. Если у него и есть вероятность не сгореть заживо благодаря защитной одежде, то женщина точно уж превратится в обугленную головешку. В почерневший скелет, опознать его можно будет разве что по пломбам в зубах.

Всего три прыжка, ноги едва касаются пола. Справа сквозь дым светлеет окно. Впереди проявляется силуэт женщины. Руки тянутся к ней. Важно успеть изменить направление движения, чтобы инерция (ведь на спине «акваланг» весом пять килограммов) не бросила их обоих на дверь.

И тут – маска!.. Лицо! Огромное, как панно на стене. Лицо арабки. Оно прямо в воздухе, в нескольких сантиметрах от Зара, но странным образом его можно видеть целиком.

Черные бездны глаз. В ноздрях – по золотому кольцу, на висках – коричневые татуировки.

Это длится не секунду – миг. Один черт, скорость уже не замедлишь. Рвется ткань призрака, распахиваются провалы черных глаз.

Где та женщина? Ее не видно в дыму...

Молочную белизну прорезает огненная вертикаль. В следующую секунду – вспышка, – на ее фоне возникает женский силуэт. А дальше – полет в пустоту.

3

Шорохи. Непрерывный шум в отдалении. Гулкое потрескивание где-то рядом. Чье-то частое, тяжелое дыхание.

Зар открывает глаза. Темный край шлема, за ним мутным потоком ползут цветные пятна. Грудь поднимается в такт вдохам и выдохам. Неужели они твои собственные? Дышать трудно из-за того, что сместилась маска. Надо бы поправить. Ну же, давай, заставь себя двигаться! Но мозг пассивен, тело обмякло...

Он все помнит – ноги женщины, прыжок, лицо другой женщины – видения, вспышку огня... А что было потом? Должно быть, его отбросило назад волной огня. Он упал плашмя, стукнулся башкой. Кажется, огонь уже проник во второе помещение. Перед глазами такая пляска вспышек и пятен – ни хрена не разберешь... Валяться здесь долго нельзя – пропадешь к черту. Это понятно, вот только волю что-то парализует. Оттого и продолжаешь лежать, таращась в потолок, этот странный сферический потолок...

Ну, дела! Куда это тебя закинуло? Дыма что-то не видно... Поясница и локти саднят от удара. Руки-ноги, вроде, слушаются. Защитил-таки костюмчик... Наконец, события в голове складываются в единое целое. Женщина! Можно представить, что с ней стало.

Зар бормочет ругательства. Только что у него на глазах погиб человек. Такое бывает. Нельзя себя корить. Сейчас надо встать и действовать дальше.

Лицо заливают пот. Но это не из-за горячего воздуха, а из-за одежды.

Зар озирается. Пятна перед глазами все еще ползут, но совершенно очевидно, что стены здесь не горят.

Где он, черт побери? Может, рухнул пол, и он угодил на нижний этаж?

Зар попытался поправить маску. Мешал шлем. Он стащил рукавицы, расстегнул ремешок на подбородке; шлем откатился назад.

Наконец удалось стащить маску. Зар глубоко вдохнул.

Дымом не пахло. Воздух был прохладный, даже немного влажный, хотя где-то совсем близко потрескивал огонь. Но нет, это не пламя пожара. Звук ровный, однообразный. А шум в отдалении похож на издаваемый струями дождя.

Цветные пятна рассеиваются. Опершись на локоть, Зар осматривается.

Он в большом темном помещении. Стены выложены из грубого камня. На сером куполе потолка отблески огня. Помещение разделено на две части простенком. Перед простенком каменная чаша. Она установлена на тумбе, похожей на те, что были в задымленном зале. В чаше горит огонь. Сверху, в куполе, выступ с боковыми отверстиями. К нему тянутся языки пламени. Потолок цел. Значит, он не мог провалиться сюда сверху.

Зар поворачивает голову и встречается взглядом с какой-то девчонкой. Она сидит на полу, опершись спиной о стену. Знакомые ноги, колготки, туфли на шпильках... Нет, это невозможно... Но это – факт. Стало быть, ему удалось ее вытащить!

Красивая, черноглазая девчонка. Она смотрит на Зара сначала с непониманием, затем до нее словно что-то доходит, она беспокойно подхватывается и тут же, утратив равновесие, расплывается на полу.

Значит, ему удалось ее спасти. Просто перенапряженный разум в последний момент переврал действительность. Рефлекторная мысль: подняться, подбежать к девчонке, взять на руки, вынести на улицу. Девчонка запрокидывается набок. Жуткая одержимость в ее взгляде остужает порыв.

– Ашам Воху! – раздается чей-то хриплый голос.

Из-за простенка выходят двое в длинных медицинских халатах. На головах высокие колпаки. Должно быть, это врач скорой помощи с фельдшером или санитаром. Видимо, после взрыва кто-то перетащил его и ту девчонку в безопасное место.

«Да у меня все в порядке, мужики...» – хотел сказать Зар, как вдруг блики огня упали на вошедших.

Черт возьми! Никакие это не врач с фельдшером. На самом деле на незнакомцах не халаты, а дурацкие серые рясы до пят, все в разноцветных лентах. На головах цилиндры – то ли матерчатые, то ли войлочные, с мелкими рисунками. Край широченных рукавов – чуть ли не до колен.

Зар уселся и исподлобья уставился на вошедших.

Странные типы, до чертиков странные. Один из них – высокий старик с темным мясистым лицом, огромным горбатым носом и выпученными пепельными глазами. У него курчавые седые волосы до плеч и длинная борода, перехваченная посередине лентой. Батюшка?

Другой – лет тридцати, тоже с бородой, низенький, смугленький, пухленький, черные брови дугами, глазища вытаращены. Короче говоря, лицо кавказской национальности.

Блин, да что за хрень? Пустая комната, чаша с огнем, целая и невредимая девчонка, попы диковинные... Все это как снег на голову. Если бы не боль в спине и локтях, можно было подумать, что попал... на собственное отпевание! Только вот попы ненатуральные какие-то. Крестов на шеях нет. Да и вообще видок у них забавный. Где, спрашивается, вы встречали попа с бантом на бороде?

– Ну, и кто вы такие, уважаемые? – не выдержал Зар.

В ответ старик улыбнулся, а «кавказец» странно натопорщился.

Ладно. Первым делом надо заставить себя подняться.

Зар перенес центр тяжести вперед, уперся кулаком и коленом в пол, с трудом встал. В теле была такая слабость, словно на больничной койке месяц провалялся.

В голове, правда, стало мало-помалу проясняться. Слава богу, никаких признаков сотрясения.

Зар утер с лица пот, откинул со лба упавшие волосы.

– Тразтаон? – с тревогой вскрикнул «кавказец», указывая пальцем на Зара, и тут же выдал какую-то тарабарщину.

Девчонка отозвалась на незнакомом языке, она отвечала с затруднением, подбирая слова. Она тоже попыталась встать. Ноги и руки двигались вразнобой, болтались, как на шарнирах. Но девчонка оказалась упрямой. Черт! – а та ли это, которую он хотел спасти, или она только похожа на нее? Зар прищурился. Вроде та: те же туфельки, такие же точеные ноги. Но как ей без защитного костюма выжить в той огненной лаве?

Ей удалось подняться. Она надежно прилипла к углу. Запинаясь, заговорила вновь – снова на том же языке, – кивнула головой в сторону Зара.

Незнакомцы смерили его внимательными взглядами. Младший шепотом спросил что-то у старшего.

Зар стряхнул оцепенение:

– Эй, ну чего уставились?

Старший снова что-то шепнул своему спутнику.

Зар почувствовал, что краснеет. А кому понравится, когда на тебя станут таращиться, как на дикого зверя, да еще на неизвестном языке обсуждать и пальцами тыкать? Да еще если это делают два клоуна в колпаках.

Одежда под несгораемым костюмом промокла от пота. Скинуть бы костюм, но только не при них. Да и присесть тут негде.

– Эй!.. Ну че? Так и будем пялиться?

Старик усмехнулся в пышные усы и заговорил:

– Полагаю, молодой человек, вы – пожарный.

– Какой наблюдательный, – сухо отозвался Зар. Между тем, ему полегчало: слава богу, хоть старик русским оказался. – Где это мы?

Старик погладил бороду. Морщины на лбу углубились.

– Видите ли, произошло чрезвычайное происшествие. Так сказать, ляпсус. – Он вопросительно посмотрел на девчонку, словно просил у нее помощи. Девчонка вместо того, чтобы прояснить ситуацию, улыбнулась старику во все тридцать два зуба и проворковала:

– Я так переволновалась! Вы не представляете. До последнего момента не верилаю. Думала, с ума сошла. Было жутко.

– Было от чего сробеть, – вздохнул старик. – Сквозь такую толщу времен... Пришлось подключать дополнительные источники. Ох, моя девочка. Прости уж старика, выхода не было. Э-хе-хе... – Он шагнул было к ней, но остановился, замялся, обернулся к напарнику. – Как же мы, Сраош, не предусмотрели с тобой этого ляпсуса?..

– Я добровольно пришла, – твердо сказала девушка. – Вы мне очень помогли со страхом справиться. Спасибо.

– Помилуй, все это твоя заслуга. Если бы я мог просто взять и перебросить текст из будущего в прошлое, я бы это сделал. Но не вышло, понимаешь? Ведь надо, чтоб слово в слово... Есть и другие, кто знает текст наизусть, но ни с кем из них я не смог наладить такой прочный контакт, как с тобой.

Второй незнакомец прятал взгляд. Старик наоборот смотрел на девушку с такой теплотой, точно она ему дочерью приходилась. Собственно говоря, некоторое сходство между ними и в самом деле улавливалось – оба смуглые, южного типа.

– Не оправдывайтесь, ради бога! Я рада, что пришла. Мне есть что сказать. Я много до чего и сама додумалась... Все ваши старые записи разыскала, – и те, что бабушка сохранила, и те, что друзья с ваших слов сделали... Все по несколько раз перечитала. И еще потом многое отыскала касательно текста... Дэвы! Это все они, верно?

И есть три точки доступа, правильно? Но хорошо бы обо всем по порядку... Ох, как мне не терпится...

Бред какой-то, – решил Зар. Кажется, здесь он был лишним. Пора валить. Только ноги по-прежнему как ватные, не хотят идти по-нормальному. Как бы не грохнуться. Неохота перед этими придурками обложаться.

– Отрадно слышать, милая, – ласково сказал старик. – Как же и мне хочется узнать побольше о твоём времени, но сейчас вам обоим отдых нужен, – и тебе, и молодому человеку, который по воле судьбы оказался рядом с тобой.

Девчонка даже не глянула на Зара. Она стала с интересом рассматривать чашу с огнем, осторожно коснулась стенки пальцами.

– Как вас зовут? – вежливо поинтересовался старик.

Зар хотел демонстративно проигнорировать вопрос, но раздумал и назвал имя. Затем добавил: – Мне на улицу надо выйти?

Старик замялся.

– Вы спрашивали: что это за место, – напомнил он осторожно. – Это, видите ли, культовое сооружение... Храм Огня. Но в некотором смысле это еще и, так сказать, станция для перемещения физических тел... А Зар – это, простите, от Зарян, да?

– Зар – это Назар.

Старик отвесил поклон.

– Что ж, разрешите отрекомендоваться, а также позвольте представить вам тех, кто сейчас в святилище. Я – Дмитрий Максимович. Это мой верный помощник, Сраош. Эта чудесная девушка – моя внучка, Елена. Признаюсь, я в замешательстве оттого, что вы здесь, в Аншане. Поверьте, это никоим образом не входило в наши планы. Не знаю, как и объяснить то, что с вами приключилось. Полагаю, путь назад существует. Теоретически... Но сейчас об этом говорить по меньшей мере бессмысленно. К тому же вы оба слишком утомлены, требуется отдых. Утро вечера мудренее. Сраош, будь любезен, принеси напиток!

Из всего сказанного Зар понял одно: чудаковатый старик приходится девчонке дедом. Но ему-то какое до этого дело?

Помощник поклонился, ушел за простенок, тут же вернулся с глиняным кувшином и пиалой. Наполнив ее, подал старику. Тот, взяв пиалу обеими руками, подошел к Зару.

Не буду я ничего пить, – хотел сказать Зар, но какая-то посторонняя сила, завладела его волей, заставила смолчать. Внутренне сопротивляясь, он взял пиалу, машинально понюхал. Кажется, обычное молоко.

Молока Зар не пил с детства: он терпеть не мог его запаха.

– Пейте-пейте, – сказал старик. – Это поможет вам быстрее успокоиться.

Я и так спокоен, – хотел возразить Зар, но слова и на этот раз будто застряли в горле. В странном наваждении он поднес пиалу к губам, сделал глоток. Молоко было горьковатым. Прерывисто дыша, захлебываясь, глоток за глотком, Зар выдул молоко.

Приняв пиалу обратно, Дмитрий Максимович подал ее напарнику и, когда тот ее вновь наполнил, подошел к девушке.

– Теперь ты, внучка. Пей. Это полезно, это хаома. Во имя Ахурамазды.

Девушка выразительно посмотрела на деда, кивнула и, прикрыв глаза, стала пить маленькими глотками.

Зар все не уходил, медлил, он невольно засмотрелся на девушку. Ее черные волосы едва достигали плеч. По мере того, как она запрокидывала голову, они скользили, переливались, отражая блики огня.

– Во имя Ахурамазды, – повторил старик, сверкнув выпуклыми глазами, и Зару почему-то тоже захотелось произнести эти странные слова.

Он почувствовал, как по телу разливается тепло. «Девчонка очень даже ничего», – подумалось ему. И впрямь, что-то озорное и одновременно неуловимо грациозное было в ее профиле. «Сколько ей? Двадцать три? Двадцать пять?».

– Любопытная форма у вас, – заметил старик. – В наше время пожарные носили другой фасон.

«А что мне до вашего времени?» – подумал Зар. Но уже прежнего раздражения не было. Странное дело: и с чего это он вдруг раскипятился? Самолюбие задето? Ну, неприятность случилась. Ляпсус, как сказал этот старик. С кем не бывает? Зато ведь нашелся кто-то, кто вытащил тебя и приволок сюда. Видно, это какой-то отдельный зал музея. Ну, и правильно. Зачем скорую вызывать? Крови-то нет. И ожогов. Бывало и раньше: кого-нибудь треснет рухнувшей балкой, видишь, все вроде в порядке с товарищем, до того, как чем врач спасательного отряда или скорая придут, усадишь в машину – и все дела. Реальный мужик, он не любит, когда с ним доктора возятся и со всех сторон обхаживают из-за царапины или синяка. Так и сейчас: нет ни ожогов, ни крови, ни переломов. Отлежался пять минут – и вперед.

– У вас тоже рясы здоровские, – отозвался Зар. – Наверняка посетители в восторге. – Зар дружелюбно хохотнул. Почувствовал, что к нему возвращаются силы и, как ни странно, настроение. – Ну, ладно, пора мне. За молоко спасибо, хоть я и не пью его. Так как отсюда на улицу-то выбраться?

Он увидел под самым потолком маленькую амбразуру. Свет огня высвечивал падающие за ней струйки воды. Вдали темнело ночное небо.

Опа! Это что же выходит, он без памяти весь день провалялся, что ли? Зар потряхнул головой. Как же, встал бы ты на ноги после такого! Да нет, такого никак быть не может. И все-таки на дворе ночь. А ведь только что утро было...

Зар оттянул рукав, посмотрел на часы. Девять двадцать две. Утра или вечера?

Стоп! Дождь и ночное небо за окошком – это, скорее всего, имитация! Как и многое другое в этом музее. Если так, то все становится на свои места.

Найдя ответ, Зар перестал интересоваться увиденным и двинулся к перестенку.

Его стало покачивать, как от стопки водки натошак. Нахлынула лавина положительных чувств. Захотелось пошуметь. Чтобы не демонстрировать незнакомцам неожиданной перемены настроения, Зар постарался сделать серьезное лицо.

Тут пришло новое открытие: стены в помещении могут оказаться голограммой. Они не помеха, чтобы выйти. Странное, конечно, дело, но почему бы и нет? На дворе все-таки двадцать первый век. Современные технологии могут что угодно. Наверняка, в этом музее все поддельное.

– Хитро! К чему выход, если можно напрямик в стену? – огласил он догадку. – Слушай, уважаемый... как бишь тебя? Я верно говорю?

Он подмигнул молодому бородачу, подошел к стене, изготовился, собираясь толкнуть плечом. Затея казалась до чертиков забавной, Зара разбирал смех.

«Молоко виновато, – подумал он. – А может, я кислороду в "акваланге" надышался?»

Он обернулся и дружелюбно сообщил:

– А я вас, ребята, сперва за попов принял.

Не сдержавшись, он прыснул. Девчонка подхватила смех. По залу разнеслось дружное эхо.

– Кажется, немного переборщил, – донесся откуда-то голос старика.

– Все, все... Ухожу! – объявил Зар, и тут вспомнил, что шлем и фонарь по-прежнему лежат на полу. Продолжая давиться смехом, он подобрал их. Подмигнул хохочущей девчонке и сквозь смех пожаловался: – Там ребята наверняка уже все потушили, так что самое неинтересное осталось. Ха-ха!.. Проливка мест горения, так это называется. Охо-хо!.. Это чтобы пожар не мог снова начаться. Скучное дело... Ну да ладно, я пошел. ушибся о твердую поверхность и едва удержался, чтобы не упасть назад.

Надо же, обманулся! Однако, это его нисколько не расстроило, а напротив, развеселило еще больше. Он закатился так, что из глаз брызнули слезы, а в животе заныло. Схватившись рукой за стену, он стал ждать, пока пройдет приступ, дергаясь при этом всем телом и слушая, как за спиной звонким эхом вторит Елена.

«Да ведь я хмельной в стельку, – ворочалось в голове. – Напоили какой-то хреню... И меня, и девчонку».

Интересно, а зачем им это? – поинтересовался внутренний голос.

«А чтоб я тут остался?» – догадался Зар.

Точно! – подтвердил голос.

«Да бред это! – возразил Зар. – Они меня не смогут остановить. Вот возьму и уйду. Им со мной не сладить. Сейчас, только вот трясти перестанет».

Мало-помалу смех унялся. Девчонка тоже успокоилась и судорожно вздохнула. Зар пьяно оттолкнулся от стены.

– Ну, бывайте, уважаемые! – сказал он, смахнув слезу.

Старик со Сраошем расступились. Бросив прощальную улыбку Елене, Зар прошел за простенок, свернул в темноту.

Понадобилось включить фонарь. Помещение было узким и длинным. Зар поводил лучом по стенам. В конце высветилась арочная дверь. Подойдя, он толкнул ее коленом. Дверь распахнулась. Пахнуло свежестью, и луч уперся в стену мелкого дождя. Впереди было много темного пространства, заполненного бесчисленным количеством падающих капель.

Выключив фонарь, Зар, все еще улыбаясь, всмотрелся в густой сумрак. Вдали, на фоне темно-серого неба едва заметно выделялись холмы с уплощенными вершинами. От порога до холмов пролежала степь, покрытая то ли кустарниками, то ли пучками высокой травы – в сумраке трудно было разобрать.

«Нет, это не имитация, – подумал Зар. – Такое разве симитрируешь?»

Он почувствовал, как улыбка сама собой сползает с лица.

Зар снова включил фонарь, осветил под ноги. Трава возле порога была вытоптана, дождь размыл это плешиное пятно. В грязи виднелся одинокий след, заполненный водой.

Смешливость прошла окончательно. В голове стало ясно. Опьянение оказалось другого рода, чем то, что бывает от спиртного.

Зар резко вдохнул и так же резко выдохнул. Он почувствовал, что может без труда выстроить логическую цепочку между тем, что сейчас видит, и моментом, когда входил в подъезд горящего здания.

Первым делом он вспомнил о рации. Он повесил ее на пояс, когда выламывал дверь.

Зар отсоединил рацию.

– Товарищ капитан! Это Степанов. Прием.

В ответ – слабое потрескивание. Сейчас Зайцев, конечно, громыхнет на него сурово: куда, мол, делся? Какого хрена не на боевом посту? Но рация молчала.

– Товарищ капитан! – снова позвал Зар, вглядываясь в темные холмы.

Местность вокруг мало походила на улицу Потемкина, где стоял музей.

– За город вывезли, гады, – процедил он сквозь зубы.

Рация молчала. Но дело было не только в ней. Непривычная вокруг природа, да и воздух теплый не по-осеннему. Все это чертовски озадачивало.

Неожиданно в рации затрещало.

– Алло! – в надежде выдохнул Зар.

– Говна полкило! – отчетливо произнес незнакомый женский голос.

Зар малость опешил. Чего он не мог терпеть, так это грубых женщин.

– Вали, откуда пришел! – добавил голос.

К Зару вернулся дар речи.

– Я тебе покажу «вали»! А ну быстро соединила меня с капитаном Зайцевым.

– Не уйдешь – кровь прольешь! Уйдешь – один хрен помрешь! – пригрозила рация.

– Тьфу ты, зараза!.. – Зар смекнул, что над ним трунит одна из пожарных диспетчеров. Видно, не на ту частоту вышел. – Кто это? Машка? Ты, что ли? Отвечай. Все равно вычислю.

Нет, должно быть, это Ирка. Обе поступили на работу в прошлом месяце, и обе были чокнутыми. Мало того, что не могли по голосам отличить ложный вызов от настоящего, так все время чушь всякую в эфир несли.

– Ирина, ты? – сурово спросил он.

В ответ – тишина.

– Эй! Отвечай, черт побери? Ты кто такая?

Рация по-прежнему молчала. Зар собирался заткнуть ее за пояс, но тут неожиданно близко послышалось:

– Хочешь познакомиться? Я – Аз! Ну, вот и познакомились. А теперь вали отсюда! Ты мне тут три тысячи не нужен. Ясно?

Зар едва не отшвырнул рацию в сторону.

– Черт! – выругался он. – Эй, девушка, а теперь отодвинься подальше от микрофона и внимательно слушай. Говорит рядовой Степанов. Семнадцатая часть. Свяжи меня немедленно с начальником караула капитаном Зайцевым.

Но тут рация окончательно сдохла. Исчезли даже потрескивания, наступила абсолютная тишина. Зар подставил рацию под луч света. Лампочка горит, на табло цифры – вроде все в порядке.

Он снова поднес рацию к уху, позвал:

– Эй!.. Аза, или как тебя там?.. Ответь.

Бесполезно. На том конце невидимого провода никого не было.

Вот чертовщина! Рация «Драгон» безотказна. Запросто обеспечивает связь на двадцать километров. Отлично берет по всему Питеру, даже в окрестностях. В какую же дыру тебя завезли эти психи в балахонах?

Гремя тяжелыми ботинками, Зар решительно двинулся обратно в зал.

Старик и девчонка стояли рядом. Они держались за руки и пристально глядели друг другу в глаза. Сраош стоял к ним спиной и подкладывал в огонь дрова из плетеной корзины. При каждом движении тонкая ткань балахона натягивалась на его спине, облекая и подчеркивая толстые складки сала.

При виде этой идиллической картины Зар фыркнул. Вот угораздило попасть в компанию сумасшедших сектантов (ну, или кто они такие?)...

– Ти ни ухады, – флегматично произнес Сраош, обернувшись к Зару. – Ми нашел тебе, где спать. Мой дом подвал. Или Митра дом подвал. Там хорошо спрятать.

Спрятать? Черта с два – спрятать! В заложниках он еще не бывал. Ну-ну, посмотрим, как ты меня в подвал посадишь.

– Митра, – повторила девушка. – Они вас отождествляют с божеством, дедушка?

Тот покачал головой.

– Нет, внучка. Им еще не ведом этот культ. Митра – это от Дмитрия. Им так проще выговорить.

– Послушайте, уважаемые, – вклинился Зар. – Со мной тут казус вышел. Вырубился ненадолго. Теперь, вроде, очухался. Никак не догоню, что к чему... Мы че, за городом, что ли? Вы это... молоко – молоком, но за дверью место незнакомое.

Старик с девчонкой отвлеклись друг от друга и поглядели на Зара: старик – с интересом, девчонка – едко.

– Ну! Живо колитесь, куда приволокли меня, – потребовал Зар. – Я что, по-вашему, похож на человека, над которым изгаляться можно? Я ведь и рассерчать могу.

Предупреждаю: станете лапшу вешать, не посмотрю, что хилые. Накостыляю, скручу и в ментовку сдам. Всем ясно?

Старик с девчонкой переглянулись.

«Мошенники», – смекнул Зар. Он стал поспешно вычислять, что за каверзу задумали эти странные типы? И на кой им нужно было бог знает куда везти здорового мужика, да еще «в отключке»? А что, если действительно помочь хотели? Если так, то спасибо, конечно, но не вяжется как-то... Так что, ежели какой-то подвох, то тогда пускай уж пеняют на себя.

Голова немного кружилась. И на хрена только было соглашаться их молоко пить?

Он сжал кулаки, на всякий случай готовясь к решительным действиям.

– Пожалуйста, не горячитесь, – вежливым тоном попросил старик. – Никто не собирается причинить вам вреда. Вы здесь по случайности, уверяю. Будь на то моя воля, я не задумываясь вернул вас обратно.

Зар недовольно фыркнул.

– Нефиг мне лапшу вешать, де дуля. Я щас сам всех вас отправлю куда нужно! Показывай, где тут телефон, живо!

– Помилуйте, тут нет телефона, – удивленно сказал старик.

– Тогда гони мобилу!

Старик непонимающе пожал плечами.

Ишь, дурачком прикидывается, решил Зар.

– Мобилу давай, говорю! – потребовал он. – Мне с начальником поговорить надо. Или назад меня вези!

– Но как? Это невозможно...

– Как-как? Так же как сюда привез. А еще лучше – прямо в пожарку на Кубинскую. Это за Ленинским...

«По любому тачка нужна, – решил Зар. – Не на метро же в защитном костюме и со шлемом добираться, толпу веселить».

– Поймите же, наконец... – сказал старик. – Мы с вами не в Ленинграде. Это другая страна и другое время. Сейчас Сраош проведет вас в надежное место. Там переночуете. Утром принесу вам одежду, хоть никак сообразить не могу, кем же таким вас представить... Постепенно начну вводить в курс дела. Предупреждаю, что большую часть времени, мне придется проводить с Еленой. Нам предстоит серьезная работа. – Он сделал паузу и добавил: – Безусловно, то, что я говорю сейчас, вызывает у вас отторжение. Чуть позже последует догадка, за ней период шока. Естественно, нормальному человеку нужен определенный срок для того, чтобы привыкнуть. Вы должны пройти адаптацию. Тут нас с вами ожидают трудности.

Дмитрий Максимович говорил не спеша, старательно подбирая слова. Сраош внимательно следил за каждым его словом, во взгляде его читались обожание и полная покорность господину. Зар, в свою очередь, не мог решить, что делать: сердиться или удивляться.

– Пока могу сообщить вот что, – продолжал старик. – Место, где вы находитесь, называется Аншан. Это вотчина царя Сурвана Хакаманиша. При дворе его по милости царевича Аураму я состою лекарем. Не знаю, насколько вы знакомы с традиционной историей, скорее всего, не очень знакомы, но это и хорошо, ибо лучше вам ее вовсе не знать, поскольку в реальности все несколько иначе. В настоящий момент местность Аншан – политический центр государства Элам. Одиннадцать лет назад царь Сурван покорил Мидийское царство. Все земли, принадлежавшие Мидии, достались маленькому Аншану. Теперь это центр империи. Скоро вся захваченная территория будет провозглашена Великой Персией. Вы, Назар, попали в это время по удивительному стечению обстоятельств. Это отчасти магия, отчасти наука... Елена рассказала нам, как самоотверженно вы пытались спасти ее от огня. Очень благородно с вашей стороны.

Но... – Тут старик вздохнул. – Если бы вы ненароком на несколько минут замешкались, было бы лучше для всех нас. Однако вы здесь и...

– Эй, хорош! – перебил Зар. – Я вам не пацан, чтобы лапшу всякую вешать. По-вашему, я похож на идиота? Думаете, стану ваши сказки выслушивать? Где телефон?

Старик грустно улыбнулся, покачал головой.

– Никто не считает вас идиотом, но... боюсь, вам придется сделать большое усилие над собой, чтобы принять ту реальность, в которой пришлось оказаться.

– Телефон! – снова потребовал Зар.

– Здесь нет телефонов, – мягко сказал Дмитрий Максимович. – И не будет еще три тысячи лет без одного века. Как это для вас ни фантастически звучит, по моим предположениям, дорогой мой, сейчас либо девятьсот восемьдесят второй год до рождения Христа, либо шестьсот пятнадцатый. Одно из двух. Разница между двумя этими датами большая, и в достоверности своих догадок я несколько не уверен. Такая значительная погрешность связана с ошибками в летоисчислении, которые будут допущены будущими историками. Будь я астрономом до того, как попал сюда, тогда мог бы более точно высчитать нынешнюю дату по звездам. Теперь я худо-бедно разбираюсь в светилах, но будущее туманно, и у меня нет данных о небесах того времени, откуда вы, Назар, явились.

Зар почувствовал, как от злости теряет над собой контроль. Руки непроизвольно сжались в кулаки. Елена смотрела на него во все глаза. Сраош тоже выпучился и стоял неподвижно, держась за тумбу и отклонив голову от огня. Замер и старик. Все стояли, ожидая от Зара слов и действий.

Наконец Зар сорвал с пояса рацию и потряс ею перед лицом старика.

– Я только что с диспетчером говорил. По этой вот штуке. Не верите?

– Вы ошибаетесь, – сказал старик. – В Аншане нет ни телефонной связи, ни телеграфа, ни радио. А по этой штуке вы могли говорить разве что только с дэвом. Их здесь хоть отбавляй.

Решив, что с сумасшедшим стариком разговаривать бесполезно, Зар повернулся к девушке.

– Послушайте. Вы тут вроде знаете местность, да? – Он заговорил спокойнее. – Как мне выбраться? Я сейчас устав нарушаю тем, что сижу в этом каменном амбаре!

Он заметил, как сверкнули глаза Сраоша. Ага, вот и хорошо! Злись, злись, раз помочь не хочешь.

– Успокойтесь, – попросила Елена. – Не впадайте в истерику.

– Я и не впадаю! – ошетинился Зар. – Это по вашей милости я сейчас стою тут, в костюме парюся.

– А вы думаете, все остальные здесь на экскурсии? – с ответным раздражением спросила Елена.

– Хорошо, – сказал Зар. – Я все понял. Это – Персия. Я пытался вас вытащить, а потом каким-то образом попал сюда. Что ж, остается вздохнуть, развести руками и сказать: надо же, как бывает!

– Ну, наконец-то! – обрадовалась Елена.

Зар не сдержал нервный смешок. И впрямь истерика начинается.

Тут в голову пришла толковая мысль. А ведь пожар-то она устроила. Пожар – это только прикрытие. Цель – спереть из музея ценные экспонаты. Несмотря на то, что в этой версии что-то явно не клеилось, Зар с возмущением набросился на девушку:

– Музей загорелся, когда ты в нем находишься, так? Кроме тебя внутри никого не было. Стало быть, твоих рук дело!

Она посмотрела с разочарованием.

Зар заметил, как Сраош сунул руку за пазуху.

Пистолет!

– Врешь! – он метнулся к Сраошу.

Одним ударом шлема сбил бородача с ног. По полу с грохотом разлетелись дрова из перевернувшейся корзины.

– В подвал, значит, да? А вот хрен тебе!

Сраош перевернулся набок, с кряхтением поднялся на четвереньки. Он словно предлагал Зару треснуть себя по ребрам носком ботинка. Зар не стал отказываться от возможности. На миг сосредоточился, чтобы не переборщить с силой удара и не сломать ребро, однако чтобы при этом носок ушел под дых и вырубил Сраоша. «Минут на пять», – подумал злорадно.

Но тут что-то схватило Зара за плечи. Именно что-то, а не кто-то, потому что он отчетливо видел всех троих – и стоящего на четырех точках Сраоша, и мечущую молнии из глаз Елену и вытянувшего вперед руки старика. Ладони последнего словно толкали перед собой невидимую стену.

Поочередные мощные удары то в правое, то в левое плечо стали грубо отшвыривать Зара назад. Чтобы не грохнуться, он попытался отпрыгивать, но когда спина коснулась каменной стены, невидимая сила прижала так, что Зар едва мог шевельнуться. Шлем выскользнул из внезапно онемевшей руки и покатился по полу. Пытаясь оттолкнуться от стены, Зар согнул ноги и с изумлением понял, что совсем не касается пола.

«Вот дерьмо, – подумал он. – Да это же их проклятое пойло мне всякие глюки нагнало».

Пытаясь вырваться из железной хватки невидимки, он начал яростно извиваться. Но борьба была неравной. Лопатки словно прилипли к стене и никакие усилия не могли заставить их оторваться хотя бы на миллиметр.

Сраош натянул свалившийся колпак, поднялся и не спеша подошел к Зару. Тот ожидал, что сейчас последует удар мести, но Сраош не бил; он стоял, свесив руки вдоль туловища, и просто смотрел.

– Ладно... – тяжело дыша, прохрипел Зар после нескольких минут бесполезной борьбы. – Пустите... Дела ваши меня не колышут. Ну вас к черту с вашими царями и державами... Дайте мне уйти. Скажите только, в какую сторону к городу.

– Опять я совершил промах, – огорченно заметил Дмитрий Максимович, не опуская рук. – Это хаома так на вас с непривычки подействовала, дорогой мой. А я ведь приготовил ее в качестве успокоительного. Всего-то пять капель на кувшин молока.

– Пустите! – снова потребовал Зар, не веря до конца, что это старик каким-то особым гипнотическим воздействием мог держать его в парализованном состоянии. Но в эту минуту старик выглядел именно как гипнотизер или даже словно какой-нибудь жрец; он стоял, держа спину прямо и высоко подняв голову, и на половине его смуглого лица играли блики пламени.

– Если отпущу, обещаете вести себя спокойно, как полагается разумному воспитанному человеку, – строго спросил Дмитрий Максимович.

– Да черт с вами! – рывкнул Зар. – Буду воспитанным. Только отпускайте скорее.

Старик испытующе посмотрел ему в глаза и опустил руки. Тут же давление на плечи пропало, и Зар едва успел выпрямить ноги, чтобы не рухнуть на колени.

Было ощущение, словно под защитную куртку ему вылили ведро воды. Натренированным движением Зар скинул через голову куртку. В этот момент сработало что-то рефлекторное, выработанное еще много лет назад на айкидо, усовершенствованное в армии и затем во время работы пожарным. Не было ни мгновения для раздумий, просто внезапно взгляду открылась возможность, которой можно было либо воспользоваться, либо не воспользоваться. Естественно, он избрал первое.

Швырнув куртку старику в лицо, Зар мощным толчком рук, усиленным резким разворотом туловища, сшиб с ног Сраоша. Тот обиженно охнул и во второй раз грянулся на пол.

Используя энергию отдачи, Зар ринулся на старика. Вход в Ма-ай противника. Старик отбросил куртку и уже выставлял вперед одну руку. Схватив запястье его руки в замок, Зар провел прием, и старик, описав дугу, рухнул рядом со Сраошем.

Приземлившись между упавшими на одно колено, Зар занес руку, чтобы добавить старику в солнечное сплетение, но тень, вставшая между ним и пылающим огнем, заставила на миг поднять взгляд.

Он едва успел отбить удар, который шлемом нанесла Елена. Шлем стукнулся о тумбу и разлетелся на куски.

Руки старика потянулись к Зару, и он двинул тому в плечо. Старик застонал, но руки не опустил, и вновь Зар почувствовал прикосновение невидимки, хоть и не такое сильное на этот раз. Он рубанул ребром ладони по рукам, но в эту секунду Елена вцепилась ему в волосы, а Сраош, успевший подняться на колени, схватил его обеими руками за локоть и стал оттаскивать от старика.

Сделав рукой молниеносную спираль, Зар освободился от хватки Сраоша, и тот повалился назад. Из всех сил сжав запястья девчонки, Зар заставил ее присесть. На миг взгляды их встретились. Глаза Елены сверкали гневом, губы были плотно сжаты, пытаясь удержать крик боли. Оттолкнув от себя девчонку, Зар вновь принялся за старика, который опять выставил руки перед собой и уже придал взгляду гипнотическую силу. Схватив старика за грудки, Зар мощно его встряхнул, затем, выпрямившись, поставил рядом, заломил старику руку, и сделал вместе с ним несколько шагов по направлению к разбитому шлему. Наклонившись, Зар подобрал один из острых обломков, приставил его к шее старика и стал ждать, пока Сраош и девчонка поднимутся с пола.

Первым поднялся Сраош. У него был такой вид, будто он не мог поверить своим глазам. Старик, которого он, вероятно, почитал за живое божество или что-то в этом роде, стоял в неподобающей позе с растрепанными волосами, выкрученной за спину рукой и задранной рясой, из-под которой торчали кривые волосатые ноги. Подавленным тоном Сраош произнес несколько слов на непонятном Зару языке.

– Заткнись! – велел Зар. – Или конец старику. Говорить по-русски и только после того, как я разрешу. Всем ясно?

Сраош закивал. Девчонка, держась обеими руками за затылок, высунулась из-за тумбы и впиалась в Зара взглядом, полным ненависти.

– Идиот, – прошипела она. – Скоро жалеть будешь. Это – дурацкий поступок...

Ее взгляд остановился на шее старика. Тут ее лицо окаменело. Не нравится? Тот... Зар с еще большей силой надавил пластиковым обломком. Он не видел, но, наверняка, в том месте, где обломок уперся в кожу, выступила капелька крови.

Губы Елены вздрогнули, но она не проронила ни слова. Сраош тоже молчал как истукан. Стало даже слышно, как за окошком шелестит дождь.

– Ладно, – проговорил Зар, смягчив тон. – Теперь старик и его помощник молчат, а ты понятным русским языком объясняешь, что к чему. Только по делу. Советую царей не упоминать. Разных там храмов и прочих древностей – тоже. Ясно тебе?

Она кивнула.

– Тогда начинай. Только не пытайся хитрить. Постарайся говорить так, чтобы у меня оставалось как можно меньше подозрений.

Девушка еще раз потерла ушибленный затылок, взялась за край тумбы и встала на ноги.

– Если вы его убьете, у вас не останется шансов выжить в этом мире, – сказала она.

Зар не отвечал, только хмуро сверлил ее глазами. Какое-то время девушка пыталась играть в гляделки, но в конце концов не выдержала. На лице ее отобразилась мука – она сдалась. Елена вопросительно посмотрела на деда. Видимо, получив немое согласие, произнесла:

– Да, это действительно я подожгла музей. Там, в зале экспонатов, стоит чаша вечного огня. Она из настоящего древнего зороастрийского храма. Этот храм был обнаружен в тысяча девятьсот тридцать втором году в горах Туркмении. Мало кто знает о настоящем назначении чаши. Ей около шестисот лет. Чашу создали средневековые маги. Она не такая мощная, как эта. – Елена указала рукой на каменный сосуд, что стоял рядом с ней на тумбе. – Но все же долгое время чаша участвовала в великом процессе, а главное, она по-прежнему функциональна.

Сделав короткую паузу, девушка впилась взглядом в деда: все ли я правильно говорю? Старик едва заметно кивнул.

Елена продолжила рассказ:

– Кроме той чаши в зале экспонатов ничего ценного и подлинного нет. Я принесла с собой уголек из костра, подготовленного особым способом. При помощи него и бумаги устроила пожар. – На щеках у нее выступил румянец. – В глубине души я, конечно же, надеялась, что пожар потушат до того, как провалится пол, и люди не пострадают... Пока огонь разгорался, я готовилась к переходу. Когда пошел дым, легла на пол. Дождавшись, когда пламя наберет силы, я открыла дверь. За секунду до этого появились вы.

Елена вздохнула, покосилась на каменную чашу. В ней с новой силой запылал огонь.

– Теперь попытаюсь объяснить, зачем устроила пожар, – сказала девушка. – Видите огонь? Это священный огонь Светлого Атара. Он связывает времена и пространства. Для того чтобы ритуал имел достаточно сильное действие, необходима группа подготовленных людей. В Питере есть община последователей традиционного зороастризма. С некоторыми из них я знакома. Но для того, чтобы оказать мне помощь, нужны были люди другого рода. Шаманы, даже маги, – хоть на самом деле зороастризм и не приемлет подобного ремесла. И поэтому нам с дедушкой пришлось обойтись своими силами. Но дедушка находился в далеком прошлом. Это – Храм Огня. Между этим местом и тем, что в музее, надо было установить сильную энергетическую связь. Та чаша, о которой я только что вам говорила, сама по себе не в силах создать столько энергии. Слишком долго ее не использовали. Поэтому огня потребовалось много...

Елена говорила, не отводя взгляда от шеи старика, но Зар так и не ослабил давление обломка. Он внимательно слушал, ловя каждую интонацию. В голосе Елены не было той притворной искренности, которую приходилось слышать в возбужденных уговорах уличных жуликов. Елена говорила сбивчиво, но с серьезностью, за которой чувствовалась вполне понятная тревога.

– Ритуальное действо совершилось, – сказала она. – Все прошло успешно. Как это ни фантастически звучит, наши с вами тела пронизали толщу времен. Теперь мы действительно находимся в древнем государстве – Эламе. Я прибыла сюда с важной миссией. Что это за миссия, каким образом попал сюда дедушка и как он связался со мной, к данному разговору отношения не имеет. Мы пока не знаем, как вас вернуть обратно. Некоторое время вам придется находиться в этом мире. Но вам надо перестать набрасываться на людей, которые не желают вам зла. Господина Сраоша я, как и вы, вижу впервые. Знаю о нем только то, что он дедушкин помощник. Убеждена, что Сраош не собирался вам причинить никакого вреда и пострадал безвинно, так же как и дедушка. Теперь прошу, отпустите дедушку.

Нет уж, – подумал Зар, – надо бы связать их всех. И пойти в разведку. Другого выхода нет. Надо самому разузнать что там и как. Попытаться выяснить, что за местность. И главное – исключить эту сумасшедшую версию, которую ему навязывают девчонка и ее сообщники, и которая уже, черт побери, начала сеять в душе сомнения: а что, если и вправду?

– Как насчет доказательств? – спросил Зар.

Елена медленно кивнула.

– За стенами храма их предостаточно. А пока – просто поверьте.

Нет, мошенники таких историй никогда не придумывают. Версия с перемещением во времени не годится для того, чтобы мозги пудрить и ослаблять внимание свидетеля. Вряд ли уважающий себя аферист стал бы рассказывать кому-нибудь подобные бредни. И с каких это пор мошенники начали грабить музеи, а затем перетаскивать бессознательных свидетелей в свое логово, выражаться попами и поить молоком?

Из слов девушки, интонации, с которой она говорила, вполне можно было заключить: убедить она не пытается, – просто констатирует факт. Безумный, невероятный факт.

И все же связать их не помешает. Так будет легче контролировать ситуацию. Зар порыскал взглядом по одеждам ряженных, пытаясь сообразить, из чего бы смастерить веревку.

В голове тем временем коварно запульсировала мысль: а что, если все это действительно правда, черт побери?

– Смиритесь, – тихо сказал Дмитрий Максимович. – Нет другого выхода. Если вы свяжете нас и пойдете в разведку, это может закончиться плохо для всех нас. Вы не знаете территории дворца. Не представляете его внутреннего устройства, существующих правил, языка.

Он читает мысли! – Зара словно ударило.

– По ночам на территории храмовника и обсерваторий комендантский час, – продолжал старик, – Мы здесь вне закона, но наш храм стоит на отшибе, сюда стража не заходит. Однако если вы приблизитесь к пригороду, не говоря уже о дворцовой площади, царских конюшнях и храме Варуны, вас заметят, и вам придется либо спастись бегством, либо вступить в драку, но охранники в отличие от вас вооружены луками, стрелами, мечами и копьями. Даже если вам удастся бежать, объявят тревогу. Начнется расследование, поиски. Рано или поздно вас поймают и убьют. На этом все и кончится. Кроме нас в этом мире у вас нет ни одного знакомого человека, ни одного вашего современника, ни одного русского, даже ни одного славянина. Вы в чужом мире, Назар. Поймите это и смиритесь.

Последнее перышко упало на чашу весов, нагруженную безумными, нелепыми сведениями; другая чаша, наполненная вполне естественными сомнениями, неожиданно оказалась легче и медленно поползла вверх.

4

Зар отпустил руку старика. Тот с негромким кряхтением ее выпрямил. Елена немедленно бросилась к нему, обняла, но Дмитрий Максимович, ласково улыбнувшись в усы, отстранил ее.

– Часа через два будет светать, – сказал он. – Пора уходить.

Он повернулся к своему компаньону и проговорил:

– Прости своего потомка, мой дорогой Сраош. Поверь, если бы тебе довелось очутиться в двадцать первом веке, твоя реакция была бы не менее бурной.

Сраош подал Дмитрию Максимовичу упавший колпак и смиренно поклонился.

– Итак, Сраош, ты отводишь Назара к себе, – сказал старик, обращаясь ко всем, – а я веду Елену к себе, как и решено было раньше. Поскольку игрою случая у нас появился еще один подпольщик, мне надо будет прямо с утра заняться обустройством его быта. У Назара должна быть пища, одежда, кров. Так как он не просто иноплеменник, а пришелец, непохожий своей речью ни на кого из известных в Аншане чужеземцев, то до тех пор, пока худо-бедно не овладеет эламским, персидским или арамейским, Назара нельзя выводить в свет. Я предчувствую, что с возвращением царевича Ханры из Египта

политическая ситуация в Эламе может стать другой. Тогда изменится и мое положение при царском дворе, поэтому всем нам надо поторопиться и проявить усердие. Обо все остальном поговорим утром. А теперь, Сраош, подбрось-ка дровишек в огонь, и покинем храм.

Ни малейшим намеком старик не подал виду, что сердится на Зара.

Сраош подобрал с пола упавшие дрова и подложил их в костер. Дмитрий Максимович водрузил головной убор на прежнее место и подал руку Елене. Повернувшись к Зару, сказал:

– Возможно, вам понравится в Аншане. По крайней мере, здесь есть, где себя приложить, а по вам видно, что риск и борьба – ваша стихия. Желаю всем спокойной ночи.

«Что тебе еще по мне видно?» – хотел спросить Зар, но промолчал.

Дмитрий Максимович и Елена зашли за простенок, и через несколько секунд шаги их стихли.

Сраош робко взглянул на Зара.

– Я подумал, ти Траэтаон, когда увидел. Такой белий и такой сильный.

– Это еще кто такой? – угрюмо спросил Зар.

– Герой. Очень великий. Царь-туран. На твой язык скиф.

– А-а... – Зар кивнул. – Да нет, я русский.

Сраош унес корзину в соседнее помещение, вернулся с веником, быстро вымел мелкие щепки, насыпавшиеся с дров, снова скрылся за простенком и через секунду опять появился в зале.

– А теперь пошли мой дом подвал, – сказал он, отряхивая руки. – Там хороше тебя спрятать.

Зар поднял куртку и вышел вслед за ним.

На улице стало светлее, но небо по-прежнему было затянуто тучами. Дождь едва моросил, но почву, густо покрытую пучками травы, настолько напитала влага, что при каждом шаге раздавался неприятный чавкающий звук.

«Тепло, как летом», – поразился Зар.

Когда обогнули угол здания, слева, метрах в двухстах, он углядел ряд невысоких сооружений. Среди них возвышалось одно побольше, с каким-то нагромождением сверху. В стороне располагалось еще несколько десятков домов, поодаль тоже вроде наблюдались какие-то постройки.

– Что за селение? – вполголоса спросил Зар.

– Аншан, – отозвался Сраош. – Дворец – там. – Он указал в сторону построек.

«Сараи какие-то, а не дворец», – подумал Зар.

– Дворец идти далеко, – сказал Сраош, видимо угадав его мысли. – Тут храмы. И еще дома смотреть зывезды. – Он указал на небо. – Дворец дальше. Он большой, красивый. Туда идти нельзя тебе так. Стража. Они все охраняют. И дворец, и храмы, и дома смотреть зывезды.

Зар оглянулся, чтоб посмотреть на здание, которое они только что покинули. На фоне темного неба оно напоминало корпус разъездного цирка, какой ему пришлось однажды видеть, когда он гостил у тетки в Щебетовке.

– Это царевич Аурам построил, – сказал Сраош. – Царевич Аурам любит Митра и помогает. Если бы не царевич, жрецы-кави изгонял бы Митра из Аншан.

– Какие жрецы? – не понял Зар. – А вы разве не жрецы? Или кроме вас здесь имеются и другие.

– Нет, мы с Митра не жрецы, – сказал Сраош. – Главный жрец Аншан зовут Нахат. Он толстый кави. Он не любит Митра. Он хочет его убить, а не может. Потому что Митра заговорений.

– А-а... – протянул Зар. Он почувствовал странную, неприятную пустоту внутри. Захотелось вернуться в караульное помещение пожарки. Сколько сейчас времени на его часах? Зар достал фонарь и щелкнул кнопкой.

Сраош сдавленно вскрикнул и рухнул как подкошенный прямо в грязь. Не обращая на него внимания, Зар посмотрел на часы. Всего-то половина одиннадцатого. Ребята, наверное, уже вернулись, привели оборудование в боевую готовность и приступили к занятиям. Он выключил фонарь.

Сраош вскочил, схватил его за руку и, крикнув шепотом: «Бежать!», – потащил куда-то. Зар вырвал руку, но решил не отставать.

Черт с тобой, подумал он. Не буду больше ни о чем не спрашивать. Кипешной он какой-то, этот Сраош Ничего толкового из него не вытащишь. Ладно, потерпи. Скоро сам обо всем узнаешь.

Через несколько минут они добежали до деревянной ограды: она внезапно возникла перед ними из темноты. Сраош остановился и, запыхавшись, сказал:

– Не надо было свет. Стража увидеть – стрелять из лука.

– Да ладно тебе, обошлось же, – отозвался Зар.

Он по-прежнему не мог убедить себя в реальности происходящего. Впрочем, теперь его предположение о том, что случилось, разделилось на две версии и каждая пошла своею дорогой.

В одной из версий он по-прежнему видел огромный лабиринт музея с голограммами, панорамами, декорациями, переодетыми актерами, с какими-нибудь запрещенными галлюциногенами, в конце концов. В другой перед ним сам собой начал разворачиваться план действий в условиях проникновения в иную эпоху. Пытаясь идти где-то посередине, по той самой грани между нормой и безумием, Зар все сильнее понимал, что с каждым шагом теряет почву под ногами, и потому надо немедленно выбрать одну из версий.

– Куда теперь? – шепотом спросил он.

Немного отдышавшись, Сраош указал вправо. Они свернули и пошагали по дороге, посыпанной чем-то мелким и шуршащим – то ли измельченной корой, то ли перегоревшими углями. Скоро и с другой стороны появилась ограда. Теперь дорога, по которой они шли, стала напоминать сельскую улочку. Через несколько минут Сраош остановился и толкнул руками изгородь. Отворилась калитка, и Зар вслед за Сраошем вошел в небольшой дворик.

Наклонившись к самому уху Зара, Сраош прошептал:

– В доме отец. Только он не ходить. Я заботиться за ним. Если бы Митра его не лечить, отец уже умирать... Больше в двор никого. Я проводить тебя подвал. Приносить теплый ткань и еда.

Он пошел вперед, Зар последовал за ним. Обойдя небольшой домик, они оказались у входа в подвал. Сраош отодвинул деревянный, как показалось Зару, щит и сказал:

– Не бойся, идти вниз. Твой свет гореть.

Зар снова щелкнул фонариком и осветил ступени.

Это был самый обычный подвал. Ступени из каменистого грунта. Пахло прохладой.

Опустившись вниз, Зар разглядел четыре стеллажа, на одном из которых стояло несколько керамических кувшинов разного размера. Стены были помазаны глиной и выбелены. Утопанный пол влажен. Зар присел и посветил вниз. Красноватая глина, мелкие кусочки известняка.

Персия... Девятьсот какой-то год до рождества... Бред какой-то.

Положив куртку и фонарь на стеллаж, Зар поднялся по ступеням вверх, собираясь отлить. Выйдя во двор, он увидел, что слой облаков в нескольких местах

порван и на землю смотрят звезды. Дождь совсем перестал. Видимо, до того, как он пошел, земля была хорошо прогрета, и теперь вовсю испаряла влагу.

Помочившись, он прошелся по двору, наткнулся на маленький заборчик, отделявший дворик от огорода. В темноте было трудно разглядеть, где огород заканчивается, но прямо за заборчиком начинались ровные грядки.

Зар обернулся, посмотрел на дом. В стене проделано три небольших отверстия, крыша покрыта соломой или очеретом – в темноте не разобрать. С двух сторон от дома высокая изгородь, отделяющая от соседних дворов. Вот и все. Больше во дворе не оказалось ничего, что могло бы привлечь внимание.

Он вернулся ко входу в подвал, осторожно опустился вниз, снова включил фонарь.

В эту минуту вверху послышался негромкий шум. Спустился Сраош. На нем уже не было ни колпака, ни рясы, а только длинная рубаха до колен. В руках он держал большое грубоотканое одеяло и корзину.

– Все. Я уходить, – сказал Сраош, поставил корзину и быстро взбежал по ступеням.

В корзине оказалась лепешка, какие-то вареные овощи и кувшин с водой.

Зар еще раз внимательно изучил помещение подвала. Обнаружил в потолке круглое отверстие вытяжки, а в одном из углов, под стеллажом, большую глиняную бадью, закупоренную деревянной пробкой.

– Я – попаданец, – пробормотал Зар.

Он присел на корточки – в такой позе Зар имел привычку отдыхать, – и задумался. В подвале ночевать не хотелось, но других вариантов не было. Спать не охота, ведь для него не было еще и полудня. Вспомнилось утреннее настроение, которое толкало в Москву, к Борьке. А еще собирался прогуляться завтра с утра по городу в поисках знаков, которые должны судьбу изменить. Здесь завтра для него уже наступило, и все круто изменилось, не оставляя шанса на сомнения.

Ну что ж, коль все равно придется утра дожидаться, разумнее будет прилечь.

Зар разложил куртку на дощатом стеллаже, влез на него, укрылся одеялом и выключил фонарь. В темноте нащупал в корзине лепешку, отломал от нее кусок и стал жевать. Почти как лаваш, только грубее.

Пожевав немного, закрыл глаза.

– Я – попаданец, – шепотом повторил он.

Остатки опьянения, вызванного дурманящим молоком, до сих пор еще чувствовались в теле. Через несколько минут Зару почудилось, что он проваливается. Зар не стал сопротивляться ощущению. Наоборот, захотелось чуток забыться, чтобы с восходом солнца почувствовать себя бодрым и с ясной головой. Он сильнее натянул жесткое одеяло. На миг в воображении возникло лицо Елены – и тут же растаяло. Он задремал.

Неизвестно, сколько времени прошло в забытии. Неожиданно громкий шум заставил проснуться.

Кто-то отбросил с грохотом щит, служивший дверью, и подвал наполнился предрассветными сумерками.

– Рафтан! – крикнули сверху высоким резким голосом.

Зар откинул одеяло.

Сраош? Да нет, вроде голос не его.

Зар спрыгнул со стеллажа, протер глаза. В дверном проеме темнел мужской силуэт.

– Рафтан! – требовательно повторил чужак.

– Чего надо? – отозвался Зар.

Чужак гневно закричал и топнул ногой. Рядом показался другой, провопил несколько слов и ударил по стенке чем-то металлическим.

– Да не орите вы, иду, – буркнул Зар.

Он взял фонарь и, прицепив его к поясу, стал подниматься.

На выходе его схватили и вытолкали во двор, где полукругом стояло шесть или семь смуглых бородатых мужчин, вооруженных короткими мечами и дротами длиною в человеческий рост. На головах у ратников были кожаные шлемы конической формы; шею каждого облегал медный ворот; на груди, предплечьях и бедрах поверх шерстяных одежд имелись желтоватые войлочные латы.

Более детально Зар не успел рассмотреть пришедших. Его сильно толкнули в спину. «Кажется, у меня неприятности», – только и успел подумать он. Стараясь не упасть, Зар пробежал несколько шагов и едва успел увернуться, чтобы не налететь на выставленный кулак одного из ратников. Зато другой ратник схватил его за телогрейку и попытался швырнуть на землю, но Зар механически провел прием, и ратник вместе с дротом грянулся на землю.

В следующее мгновение по меньшей мере четверо держали Зара за руки и за волосы. Голова была запрокинута, и он мог видеть только небо, на котором все еще поблескивала утренняя звезда.

– Суки! – процедил он сквозь зубы.

В эту минуту послышался шум неподалеку; похоже, из дома выволокли сопротивляющегося Сраоша.

– Просить, чтобы тебя привести царевич Аурам! – выкрикнул Сраош. – Когда будешь тюрьма, просить...

Прозвучал звук удара. Сраош охнул и умолк. Зар хотел на него взглянуть, но волосы на голове затрещали; он заскрежетал зубами. Один из ратников что-то заорал в ухо. Тут же последовал удар по ребрам. Зар дернулся, пытаясь вырваться, но не смог. От ярости и бессилия он зарычал. Сзади огрели по ногам, отпустили, и он рухнул на колени. Чья-то подошва толкнула между лопаток, и Зар оказался в грязи. Кто-то наступил на шею, другие набросились сверху, вывернули руки, стали вязать чем-то жестким. Потом его перевернули на спину, с трудом сняли ремень и с не меньшим трудом – ботинки. И снова поставили на ноги.

Подошел один из ратников, по всем признакам, начальник. Посмотрел с безразличным любопытством.

– У йавани! – сказал, ощерившись.

Сраоша уже нет во дворе, его куда-то увели. Калитка на улицу открыта, там стоят гнедые кони.

Что за вонь от этих ратников! Где тот старик, что притащил тебя в этот грязный мир? Почему не предупредил о бородатых козлах с копьями? Да нет же, братец, предупреждал он, черт тебя дери, еще как предупреждал! Но ты не хотел в это верить! Ты и сейчас готов поверить во все, что угодно, но только не в перемещение во времени. Так что же тогда происходит с тобой? Пусть кто-нибудь ответит, пускай подтвердит, что ты в самом деле провалился в прошлое, а не в собственное сдвинувшееся сознание. Тогда ты с чистой совестью станешь бороться за выживание, сопротивляться, кусаться, но только пусть тебе скажут, что ты не чокнулся, что все это наяву.

Начальник что-то прокричал. Ратники расступились. Один из них вышел вперед, перехватил дрот обеими руками, размахнулся и хлестко ударил Зара по голени – чуть пониже коленных чашечек. Зар взвыл от боли, но устоял.

Ратник ухмыльнулся и повторил удар. На этот раз ноги подкосились, и Зар повалился наземь. Послышался чей-то одобрительный возглас. Зара подняли. Ратник с дротом повторил изуверскую процедуру. Боль обожгла ноги, земля тяжело стукнулась в грудь. Дыхание куда-то пропало. Пытаясь схватить воздух ртом, Зар завертел головой. Его вновь вернули в вертикальное положение, встряхнули, заставили стоять. Ратник обошел с другой стороны, прищурился, снова резко ударил. Боль, падение, рыжая грязь...

Нет, не может этого быть... Дурацкий сон!

События последних часов стремительно проносятся в памяти. Стражники, персы, комендантский час, царь, царевич и все прочее... Черт возьми! Нельзя воспринимать всерьез то, что болтали ночью эти ряженные, и то, что происходит сейчас. Проснуться бы... Но пробуждение не приходит, потому что это не сон, не идиотский розыгрыш, а самая настоящая жестокая и такая болочная реальность! Здесь – действительно твое далекое прошлое!

Лежа в грязи, Зар протяжно застонал; он понял, что теперь трудно будет остановить этот страшный стон, потому что разумом овладевает шок. Он сужает сознание.

Ад! Верно, так себя чувствуют грешники, внезапно очутившись в пекле: вот ты жил и вдруг умер, тебя похоронили, но ты продолжаешь себя ощущать. Это невозможно!.. Ведь прошлого нет, оно окончилось, в него невозможно вернуться – ни с помощью магии, ни с помощью науки.

Внезапно болью обожгло пятки. Зар перевернулся набок; не переставая стонать, согнул ноги, подтянул колени к подбородку.

Еще несколько ударов по бедрам и коленям. Зар взвыл от новой боли. Когда же проклятый палач остановится? О нет, наверняка, ты чокнешься раньше! Чокнешься оттого, что тебя колотит человек, умерший тридцать веков назад. Кажется, этот идиот в латах собирается превратить твои ноги в тряпки.

Нет... Удары мучительны, но на самом деле они в полсилы; похоже, ратник не ставит целью сломать тебе ноги, а лишь намеревается сделать их непригодными к побегу. Если тебя не убьют, то сделают рабом. Вот как.

Когда Зара поставили на ноги в третий раз, он не стал испытывать судьбу, и сам рухнул на землю, – так, словно не мог больше устоять. Кто-то выкрикнул невнятную тарабарщину, его подняли в очередной раз, придержали до тех пор, пока он не смог стоять, не падая. Начальник кивнул. Ратники выстроились: двое впереди, остальные сзади.

Куда-то собираются вести... И что случилось с Сраошем?

Под лопатку и в поясницу ткнулись острия дротов. Начальник отдал какой-то приказ; ратники, стоявшие впереди, двинулись. Резкие уколы в спину вынудили Зара поковылять следом. Ноги после избиения отказывались слушаться: на втором шагу Зар споткнулся и едва не упал. Но надо терпеть. Терпеть и подчиняться. Подчиняться и ждать момента, когда можно будет вырваться.

На улице оказалось двое всадников и несколько лошадей в сбруе. Четверо ратников, включая начальника, запрыгнули в седла, двое продолжали подпирать Зара дротами. Начальник дал команду, и Зара торопливо погнали по дороге. Четверо всадников быстро поскакали вперед, двое остались сопровождать.

Мелкие камешки, которыми была усеяна дорога, стали яростно впиваться в босые подошвы. Тут же стало ясно, что предстоит собрать волю в кулак: немота и боль в ногах мешали идти; уже через несколько шагов ноги начали путаться, но нет никаких сомнений в том, что, если остановишься, тебя ждет жестокое наказание.

Зар не узнавал местность, но смекнул, что скоро изгородь с одной стороны закончится, потом откроется вид на пустырь, куда выходит территория святилищ. Скорее всего, его проведут по пустырю в ту сторону, куда указывал Сраош. Тогда он увидит каменное святилище, из которого вышел...

Где-то неподалеку замычала корова; то там, то здесь пели петухи. Ветерок доносил запахи чужого мира, – пахивало мокрой глиной, скотом, сеном, цветущими травами.

Дошли до развилки. Один из всадников что-то проговорил, и все остановились, видимо, решая, какой дорогой двигаться дальше.

Зар осмотрелся. Тучи совсем развеялись. Солнце еще не выглянуло из-за горизонта, но на востоке вот-вот должно было порозоветь.

Вон и пустырь. И кажется, среди тех построек, что на окраине пустыря, виднеется святилище, из которого ты явился в этот мир.

В полукилометре от этого места в травах паслось большое стадо овец, среди стада стояло два пастуха с длинными палками.

Внезапно все, что ночью говорил старик, стало важным. Зар попытался вспомнить, как называется эта местность. Ашван?.. Апшан?.. Вроде бы они говорили: это центральная область Персии.

Может, проскочить между крупами лошадей и изо всех ног броситься к святилищу? Домчаться и кинуться к потухшему огню в надежде, что он вернет тебя обратно?

Нет. Уже на третьем шаге ты получишь дрот между лопаток, рухнешь как подкошенный и останешься здесь навеки.

В эту минуту Зар увидел горы вдалеке. Ночью он принял их за холмы. А ведь в тех местах, где ты живешь, то есть, где раньше жил, нет таких гор. Только какого черта сейчас об этом думать? Руки связаны за спиной, тело избито; почившее много веков назад прошлое – вот твоя новая реальность. Разве тебе по-прежнему недостаточно подтверждений? Да нет же, больше, чем достаточно. Вот-вот последние сомнения развеются. Что за чувства придут им на смену?

Заметив, что пленник вертит головой, один из всадников нагнулся и отвесил тяжкий подзатыльник. Зар склонил зашумевшую голову, стал посматривать исподлобья. Стоит ли запоминать дорогу? Кто знает, может, его ведут на казнь?..

Ратники двинулись дальше. Не в направлении пустыря, а вперед, по той же дороге: с одной стороны ограда, из-за которой торчат двускатные крыши, с другой ряд деревьев – не слишком высоких, с редкими ветвями и сочной, по-весеннему юной листвой.

Как же имя того царевича, о котором говорил Сраош? Надо попросить стражников, чтобы отвели к нему.

– Мне к вашему царевичу надо, – заявил Зар, повернувшись к одному из всадников. Тот даже не поворотил к нему головы, зато идущие сзади нетерпеливо кольнули в спину.

Зара качнуло. Только бы не грохнуться, подумал он, мысленно выругавшись, – не то снова начнут делать из него отбивную. Сколько же еще осталось? Найдет ли его старик там, куда его приведут? А может, ты сразу попадешь на допрос, где тебя уже поджидают изощренные восточные пытки?

Персидская Империя... Древняя Персия... Что он знает о ней? Каким был этот народ?

О нет, ни черта он не знает о Персии. Никаких представлений, даже самых общих. Одно только название.

Зар заметил, что ратники внешне напоминают европейцев, разве что более смуглые. А ведь прежде он считал, что персы – народ восточный, обитающий где-то в районе Ирана. Да нет, Иран вроде бы и есть Персия. Значит, жители должны быть черноволосыми, чумазыми, вот как Сраош, например.

Вспомнилось лицо-призрак, явившееся за секунду до того, как Елена открыла дверь в пылающий зал. Тогда ведь он тоже неосознанно вспомнил о Персии. Женское лицо показалось ему словно из персидской сказки. Выходит, он ошибался.

Зар увлекся мыслями, и не заметил, как влез в коровью лепешку; ноги враз пошли не в ту сторону. Сильные уколы в спину тотчас напомнили ему о дороге. Он рванулся вперед и почувствовал, как треснула телогрейка, а по спине потекло что-то теплое.

Через пару сотен шагов дорога свернула влево. Ограда осталась позади, деревья тоже окончились, и они вышли к постройкам. Все вокруг было посыпано мелким щебнем, грязи не было, зато больно было идти босиком.

Поодаль, на пустыре, стояли небольшие сооружения, выложенные из тесанного камня, а здесь, возле дороги, были высокие бревенчатые избы, некоторые из них стояли на каменном цоколе. За одну из таких изб Зара и завели.

Он почувствовал холодок: неужели его так далеко волочили только для того, чтобы потом заколоть?

– К царевичу отведите... – снова потребовал он. Только как же зовут этого царевича, черт бы его побрал?.. Авраам, что ли?

Вдруг ему пришло в голову другое имя.

– Я – Тразтаон! – заявил Зар. – Царь скифов.

Но слова не произвели на ратников никакого впечатления: то ли это имя было неизвестно им, то ли он неправильно его произнес. Его развернули лицом к стене и толкнули так, что он стукнулся лбом. Для убедительности сзади его вновь пощупали острием дрота. Зар плотно прижался к стене, стал ждать.

Один из ратников ускакал куда-то. Остальные остались стеречь. Они стояли тут же, о чем-то тихо переговариваясь.

Зар настороженно вслушивался, пытаясь понять или запомнить хоть одно слово, но речь была незнакома, она не походила ни на один из тех языков, которые ему доводилось слышать.

Как же его будут допрашивать, если никто здесь не знает русского? Зар стал отгонять навязчивые представления о восточных изувечьях.

Но, может быть, старик все же рано или поздно объявится? Ведь он что-то там говорил о своем положении при царском дворе. Значит, есть у него, возможно, какая-то власть.

Один из ратников подошел и что-то спросил. Зар пожал плечами: не понимаю. Тогда ратник похлопал его по спине и отошел, но через секунду резкая боль в икрах заставила Зара вскрикнуть. Следующий удар пришелся по сухожилиям. Зар упал на спину. Его подняли, снова поставили к стене. Последовала минутная перебранка между ратниками: видимо, кто-то склонялся к продлению наказания, а другой предлагал повременить.

Наконец, его оставили в покое. Но Зар затылком чувствовал, что острое жало дротика по-прежнему на него нацелено. Правая нога теперь изрядно саднила в голеностопном суставе. Кажется, на там лопнул сосуд, и образовалась гематома, либо повредилась связка.

Через несколько минут раздался приближающийся конный топот. Зар осторожно повернул голову и увидел, что вместе с ускакавшим всадником едут еще двое – оба на белых конях и одетые иначе, чем ратники.

Конь остановились. Один из прибывших сказал что-то вполголоса. Зара грубо развернули.

Судя по обмундированию, на белых конях восседали ратники из привилегированного войска. На головах вместо кожаных шлемов красовались медные, начищенные до блеска. Такими же медными же латам обвешены и войлочные жилеты, одетые поверх желтых хитонов, украшенных лентами, – латы были и на плечах, и на груди. На ремнях висели короткие мечи, из-за спины выглядывало по два копья – короткое и длинное. О чинах всадников ничего сказать было нельзя.

Тот, что заговорил, был постарше и имел короткие рыжеватые волосы и бороду, его спутник выглядел совсем еще юным, длинные каштановые волосы его спадали на плечи.

Старший снова что-то проговорил. Тут же один из пеших ратников подошел к Зару, схватил его за плечо и толкнул к прибывшим всадникам.

Рыжебородый достал откуда-то веревку, бросил один конец ратнику. Тот ловко перетянул связанные запястья Зара.

Почувствовав натяжение, Зар, чтобы не упасть, поторопился стать поближе к всаднику. Тот круто развернул коня и заставил идти шагом. Молодой поехал рядом.

Веревка была коротка. Зар все время опасался угодить под копыта и, припадая на больную ногу, старался держаться на одинаковом расстоянии от коня.

– Пос сах линэ? Лалос эллати? – медленно спросил молодой всадник, повернув лицо к Зару. – Дува семла? Зан?

Старший что-то неодобрительно воскликнул, но младший, кивнув, опять спросил:

– Канн фрикиа?

По разнице в звучании фраз Зар понял: перс говорит на разных языках. Зар отрицательно замотал головой. Тут же подумал: привычные для него жесты здесь могут быть истолкованы иначе.

– Хаухас? – не унимался молодой всадник. – Хал? Тва земля?

– Моя земля – Россия, Русь... – оживился Зару. – Понял? Славяне мы... Скифы...

Но по задумчивым глазам всадника было видно: русского он не знает, и названия эти ему ни о чем не говорят. Да и не было в его времена-то никакой России-Руси. И славян, черт возьми, тоже не было.

– Скиф я... – проговорил Зар. – Из будущего.

Больше к этому добавить было нечего. Понуро опустив голову, он продолжал свое мучительное ковыляние.

Зар едва поспевал за лошадьми. С каждым шагом все труднее было переставлять исколоченные ноги.

Проехав между двух длинных деревянных сооружений, всадники вывели пленника на небольшой пустырь, окруженный несколькими глиняными домами, над крышами которых тянулся дым.

Хотелось остановиться хотя бы на минуту: нога болела теперь нестерпимо. Но стоило немного замедлить шаг, как веревка натянулась, развернув его боком, и он едва не повис на ней.

Пот бежал по лицу, смешиваясь с грязью; подошвы горели. Сосредоточившись на том, чтобы не упасть, Зар уставился взглядом в открытые ворота, в направлении которых они двигались. Тем временем на пустырь стали выходить люди, некоторые просто выглядывали из домов, но не было возможности их рассматривать.

Вошли в деревянные ворота, оказались на узкой улочке, мощеной брусом. Справа и слева возвышались обшарпанные двухэтажные здания с грубой архитектурой. Кинув на них взгляд, Зар сосредоточенно уставился в конец дороги. Там была арка, а за ней виднелась ровная площадка.

Откуда-то сверху прозвучал голос, – возможно, заговорили с всадниками, – но ответа не последовало.

За домами слушались возгласы, где-то стучали молотом, за стеной кто-то на кого-то кричал. Чем дальше вглубь поселения, тем плотнее был букет запахов – вонь нечистот, дух какого-то варева, аромат незнакомых специй.

По брусчатке идти было не легче: Зар не всегда успевал наступить на камень; иногда нога съезжала в щель. Распухший сустав работал все хуже, при ударе о камни стопа гудела.

Навстречу начали попадаться прохожие: две женщины в длинных бледно-зеленых рубахах с кувшинами, черномазый старик со связкой хвороста. Зар ловил на себе удивленные взгляды: в телогрейке и защитных штанах, с копной пшеничных волос на голове, светлокожий, в пожарных штанах с двумя ярко-желтыми полосами он выделялся среди местных жителей.

Прошли под аркой, вступили на площадь, свернули налево. Зар повернулся, быстро огляделся. Площадь – большой прямоугольник, выложенный крупным брусом;

три-четыре улицы вливаются с разных сторон; дома все двухэтажные, серо-желтые, такого же топорного вида, без украшений, с террасами и черными дырками вместо окон. Никакой восточной роскоши, но зато всюду кучи строительных материалов, леса и опалубки, – полным ходом идут реконструкции.

Всадник дернул за веревку. Скривившись от боли, Зар пробежал несколько шагов, споткнулся, стукнулся плечом о ребра коня, потерял равновесие и стал заваливаться набок, но рука молодого всадника успела ухватить его за телогрейку. Старший что-то злобно выкрикнул. Молодой ответил вполголоса и коротко.

Любопытные стали выглядывать из террас. Двое мальчишек, похожих на цыганят, побежали следом. Прикусив губу, Зар собрал остатки сил, и зашагал, думая только о том, чтобы снова не упасть. Кажется, путь подходил к концу: впереди стена с дверью, больше никаких поворотов. Справа коновязь, возле нее стоят три белые лошади.

Перед входом оба всадника спешили. Старший позвал кого-то. Спустя несколько секунд из двери вышел пожилой темнокожий толстяк с каплевидным носом, взял коней за поводья, гаркнул на приблизившихся зевак.

– Ал-ал! – сказал рыжебородый и втолкнул Зара в темный проем. Оттуда свернули в темную комнатуху с земляным полом и стенами, которые обмазаны чем-то шершавым. Свет проникал через две дырки в стене. В углу лежала куча барахла.

Зар шагнул в полумрак, прислонился плечом к стене. Что это? Комната пыток? Да не похоже. Может, тюремный распределитель?

Рыжебородый выхватил из-за пояса меч, и Зар стиснул зубы. Но ратник, грубо развернув его, перерезал веревку. Затем, указав Зару на телогрейку и штаны, что-то выкрикнул.

– Не понимаю, – начал было валять дурака Зар. Он намеревался потянуть время, но тут перед ним открылась *возможность*, и дальше все произошло само собой.

Защита от боккэна. Пропуская клинок подмышкой, Зар широко шагнул и тут же, прижав меч к туловищу, круто развернулся, одновременно нанося рыжебородому удар локтем и перехватывая рукоять.

Щелкнув зубами, ратник отлетел к стенке. Пока молодой хватался за рукоять, Зар успел двинуть рыжебородому той ногой, что поздоровее, в незащищенный живот. От удара ратник сложился пополам. В следующую секунду меч второго соперника просвистел над ухом Зара. Но Зар среагировал за миг до этого. Второй удар он блокировал мечом, при этом едва удержал его в руках, – в сравнении с деревянными боккэнами, что использовались на тренировках, медный меч был тяжеловат.

Зар проворно отступил назад, прыгнул к стене – так, чтобы между ним и молодым ратником оказался рыжебородый, который все еще с пыхтеньем барахтался на полу. Над ним Зар попытался атаковать соперника, но ратник легко ушел от удара и провел контратаку. Зар едва успел отскочить назад: в драке на мечах ему явно не хватало опыта.

Молодой хотел обогнуть рыжебородого, но тот резко вскочил на ноги, выхватывая из-за пояса кинжал, и с ревом, – его явно не устраивало положение дел и участь побежденного, – бросился на Зара, но наткнулся на новый удар ногой, который пришелся ему в грудь. Отлетев назад, он сбил молодого ратника и оба, загремев доспехами, повалились на пол. Подскочив к ним, Зар дважды плашмя ударил мечом рыжебородого – по животу и по шлему, затем выбил меч из руки второго ратника. Теперь ему ничего не оставалось, как заколоть обоих. Он вскинул меч вертикально, но в последний момент наклонился, оттянул медную жилетку на груди рыжебородого, пронзил и медь, и край хитона, а затем с силой вдавил меч в землю чуть ли не по самую рукоять. Рыжебородый оказался пригвожденным.

Подобрав второй меч, Зар кивком головы заставил молодого ратника выбраться из-под рыжебородого.

– Снимай доспехи, – сказал он, подкрепляя свои слова жестами.

Молодой смотрел внимательно, словно пытался прочитывать в глазах Зара его дальнейшие планы.

– Давай-давай, – поторопил Зар.

Ратник нехотя повиновался. Вначале он снял шлем, затем расстегнул медный жилет, скинул ворот, латы с предплечий, ремень с ножнами и кинжалом и остался в хитоне.

– Это тоже снимай, – сказал Зар. – И башмаки, – заметив, что из-под хитона выглядывает кожаная обувь.

Когда перс остался в одной набедренной повязке, Зар заставил его отойти в угол комнаты и повернуться. Подобрал хитон, оборвал с него ленты, – они оказались сотканы довольно прочно, – и, подойдя к ратнику, крепко связал ему руки.

– Сисето, – произнес перс, когда руки его были связаны.

– Сисето-масето, – сказал Зар, похлопав его по плечу.

Затем он кое-как отер телогрейкой грязь с лица, быстро переоделся, нахлобучил шлем, натянул кожаные бутсы до лодыжек, – правда, правая нога так распухла, что шнур пришлось просто обмотать вокруг голени. Сунув меч в ножны, Зар осмотрел себя, мысленно сравнил со своими незадачливыми конвоирами и понял, что теперь ему для полного марафета не хватает только бороды.

Зар выскочил в коридор и сразу же наткнулся на толстяка. Тот замер, отступил к стене и вытаращил глаза. Схватив толстяка за рубаху, Зар швырнул его в комнату. Толстяк упал и, закрыв голову руками, замер.

Захлопнув за ним дверь, Зар выхватил из ножен кинжал, глянул на него: белый, – не медь, но и не серебро. Присев, Зар с размаху воткнул кинжал в расщелину камня у края двери, распер. Теперь ратникам придется потрудиться, чтобы выбраться отсюда.

Волоча больную ногу, Зар бросился к выходу. На площади было уже много народу. Он решил не рисковать и выбраться через задний ход, если таковой имеется. Зар устремился обратно, миновал вход в комнатку, где он оставил своих пленников и поковылял по темному коридору мимо ряда закрытых дверей. В конце коридора зиял квадратный проем. Зар остановился, прижался спиной к стене, осторожно подобрался к краю.

Перед ним был внутренний двор. Зар быстро оценил обстановку. Барак полукругом. Два входа, у одного несколько ратников в таком же обмундировании, как на нем; один из них что-то объясняет остальным. Барак примыкает к высокому одноэтажному дому. В этом доме кроме входа, имеются два небольших окна, затянутых чем-то малопрозрачным. С другой стороны от дома несколько небольших деревянных сооружений. Похоже, что здесь расположена казарма караула. Тут ему не пройти. Придется возвращаться.

Хватаясь на бегу за стену, Зар пересек коридор в обратном направлении. За дверью, которую он только что подпер, слышалась возня.

Замедлив движение у выхода, Зар наклонил голову, взялся рукой за подбородок, чтобы скрыть отсутствие бороды, и, стараясь меньше хромать, вышел.

Уже совсем рассвело, и город, судя по усилившемуся шуму, активно пробуждался. Не глядя ни на кого, Зар приблизился к ближайшей лошади и стал отвязывать поводья, но тут же рядом резко закричал мальчишка. Обернувшись, Зар увидел оборванца, а за ним троих мужчин, один из которых держал в руках перекладины небольшой тележки, груженной глиняной посудой. Все трое смотрели на него в то время как мальчишка, отступая и тыча в Зара пальцем, что-то яростно кричал.

Зар положил ладонь на рукоять меча, ожидая, что горожане попытаются его задержать. Но мужчины, перекинувшись парой слов, отвернулись, а тот, что держал перекладины, гаркнул на мальчишку, и маленький оборванец заткнулся. Однако шум привлек внимание тех, кто находился поодаль, пару десятков человек повернули головы в направлении Зара, но никто не собирался бежать к нему. Зар вернулся к поводьям.

Наконец ему удалось справиться с узлом, и он перебросил поводья через голову коня. Теперь предстояло самое сложное – вскарабкаться на коня и заставить его двигаться. Зар попытался вспомнить, как это делали герои вестернов и фильмов про рыцарей; он схватился за седло, но вместо седла оказался лишь толстый шерстяной выюк, а стремяни и в помине не было. Взявшись за этот выюк, он подпрыгнул и лег на спину коня животом; подтянув полу хитона, перекинул ногу и сел.

Не зная, куда теперь податься, Зар решил все же избрать то направление, где находились уже знакомые места. Надо было заставить коня скакать к повороту на улицу, откуда Зар прибыл.

– Но! вперед, белогривый... – вполголоса скомандовал Зар, похлопывая жеребца по лопаткам.

Конь встряхнул головой и двинулся вперед – сперва по кругу, а затем, когда новый всадник принялся неумело подергивать за правую половину поводьев, поворотил в нужную сторону. Некоторые горожане, не понимая, что происходит, провожали Зара взглядами, другие предпочли отвернуться.

Приближаясь к проему, Зар наклонился, припал грудью к шее коня. Выглянув за угол, он заметил двух всадников, скачущих в его направлении. Резко поворачив коня, Зар ударил его ногами по круглым бокам. Жеребец дернулся и поскакал. Следя за тем, чтобы не слететь, Зар начал маневрировать поводьями. Ему удалось направить коня в сторону одной из улочек. Несколько человек, стоявших на пути, шарахнулись в разные стороны.

Белогривый нырнул в узкую улочку, где было бы трудно разминуться двум всадникам, и понес Зара вдоль глухих глиняных стен, глядящих друг на друга пустыми глазницами окошек-отверстий. Одиноким пешеход, заведя его издалека, тотчас поставил свою ношу на землю и прижался к стене.

Метров через сто попался переулок, но Зар не стал тормозить: что толку петлять по городу? – только прямая дорога может вывести обратно к пригороду.

Уже на следующем перекрестке Зару показалось, что улочка постепенно сворачивает влево, а пересекающие ее поперечные улицы где-то в отдалении сходятся воедино.

Следующий переулок подтвердил его предположение. Зар свернул вправо и погнал коня по широкой улице, убегающей вниз и имеющей углубление в середине, – похоже, для сточных вод. То там, то здесь открывались двери домов и мастерских, выходили на улицу бородатые мужчины, расставляли столы, им помогали женщины, выкладывали на столы какую-то утварь. Иногда попадались нищие. Они сидели или спали прямо на дороге. Во многих местах лежали груды строительных материалов – песка, глины, камней и бруса. Некоторые дома были окружены лесами: видно, здесь всюду шло строительство.

Впереди улица расширялась, образуя площадь. Деревянный забор огораживал довольно большую территорию, двое ворот были распахнуты со стороны примыкающих улиц. Заведение напоминало современный рынок. Внутри виднелись согнутые спины торговцев, раскладывающих свой товар. В одном месте из-за забора поднимался дым, и на всю площадь распространялся запах жареного мяса.

Если бы у Зара был план, он поступал бы согласно ему, но, не имея представления о своих дальнейших действиях, он мог повиноваться только интуиции. Чутье в данную минуту подсказывало ему дернуть за левую половину поводьев, что Зар и сделал. Конь вбежал в ворота и остановился.

Трое бородачей неподалеку тут же оторвались от своего занятия, посмотрели на всадника и почтительно поклонились. Зар отвернулся от них, что, возможно и надлежало сделать ратнику в доспехах, при оружии, да еще на белом коне. Впрочем, в душе Зар не испытывал той уверенности, которую должен на его месте испытывать гвардеец-кавалерист. Все было как во сне – и его задержание, и кара за то, что незаконно вторгся в

чужое время, и драка с двумя вооруженными воинами, и кража коня. Чужеземец, не знающий ни языка, ни нравов, был обречен на гибель, но Зар не собирался так скоро сдаваться. Он решил играть в эту игру до конца.

Придумать было нечего. Но инстинкт все-таки что-то нашептывал. Что именно? Сбежать из города, попытаться исследовать близлежащие земли? Нет, за равниной – горы; там могут водиться дикие звери; не исключено, что где-нибудь скрываются разбойники, нападающие на путников. Наверняка, он и сам мог бы примкнуть к ним, если бы сумел найти общий язык. Но сейчас он не знал ни единого слова и мало чем отличался от глухонемого бродяги; правда, маскироваться под бродягу он не станет: снова можно попасться в руки стражников, да к тому же для бродяги он слишком светлокож и широкоплеч. Значит, стоит остаться в городе, хотя бы на какое-то время.

Пожалуй, в костюме ратника он смотрится естественно. Но все же этот маскарад был явно не лучшим вариантом для того, чтобы слиться с толпой в незнакомом городе. Если он ратник, значит, ему надо будет оказывать определенные знаки внимания старшим по званию, которых он встретит, но как, если он и собственного чина не знает. Стало быть, нужна другая одежда.

Зар заставил коня двинуться между рядами.

Прилично ли ехать по рынку на белом коне, с мечом? Не вызовет ли это ненужной паники со стороны местных торгашей. Нет, похоже, бородачи, возившиеся со своим товаром, привыкли к городским стражникам и знали, как себя вести. Сейчас они просто предпочитали не встречаться взглядом с вооруженным представителем власти.

Как держаться ему самому? Чем занимаются эти «белоконные» кавалеристы кроме охраны города? Каково их положение в обществе? Аристократы или наемники? Здание караула стоит почти на самой окраине. Стражники на гнедых конях, которые вытащили его из подвала Сраоша и передали в руки «белоконных», выглядели попроще. Но не значит ли это, что центр города, дворец, и что там еще у них имеется, охраняет более привилегированное подразделение, скажем, царские гвардейцы на черных конях, в сравнении с которыми «белоконные» выглядят как прапорщики в сравнении с офицерами?

Как бы там ни было, если у тебя меч, ты уже внушаешь определенное уважение. Любой воин пользуется теми же правами, что и мирные жители. Если так, то рынок не может относиться к территории, появление на которой ратника вызовет удивление окружающих. И, вместе с тем, вряд ли торговцы обязаны платить дань каждому солдату. Лучший вариант – вести себя просто, но достойно.

Зар проехал в конец рынка, осматривая утварь, которую торгаша выкладывали на куски материи или прямо на землю. В основном это были орудия труда: медные и даже глиняные серпы, мотыги, лопаты, топоры, молотки; а также посуда, большей частью не кухонная, а хозяйственная – чаны, горшки, неуклюжие подобия ведер, чаши. Некоторые торговали семенами, видимо, для посева, судя по незначительному их количеству, но большому разнообразию. Кое-кто раскладывал ткани и предметы одежды – накидки, хитоны, рубахи, но были также и штаны примитивного покроя и грубая обувь.

По всем признакам рынок для пригорода, где торгуют простые ремесленники: здесь не было ни предметов роскоши, ни оружия, ни продуктов питания. Зар почувствовал облегчение: чем проще люди, тем легче найти общий язык.

Эх, если бы вдруг отыскался среди этих торгашей один, захотевший обменять какое-нибудь тряпье на костюм ратника.

В самом конце ряда стоял оранжевый шатер. Остановив возле него коня, Зар спрыгнул, осмотрительно подогнув больную ногу.

– Эй, хозяин! – позвал он. Через секунду из шатра выглянуло улыбающееся узкоглазое лицо в синей остроконечной шапочке. Китаец закивал и что-то возбужденно затараторил, с усилием вставляя в речь отрывистые фразы явно не на своем родном языке, но похожем на тот, что Зару довелось сегодня слышать. Китаец откинул покрывало шатра.

Схватив молодого светловолосого ратника за руку и продолжая тараторить, он попытался затащить его в шатер, внутри которого виднелись еще две улыбающиеся китайские физиономии.

– Подождите, – сказал Зар. – Денег нет.

«Деньги, – подумал он. – Когда они появились-то. Был знакомый нумизмат, показывал древнюю сирийскую монету, но вот какого века она была, сейчас уже трудно вспомнить».

Натуральное хозяйство, бартер... Хрен знает, как это там еще называется... Зар шагнул в шатер.

– Вот, – сказал он, снимая с головы шлем. – Это вроде медь или сплав какой-то. Возьмешь?

Китайцы переглянулись. Главный торгаш повертел шлем в руках и куда-то убрал, тут же вытащив взамен шапочку, похожую на ту, что была на нем, только черную.

– Нет, – замахал руками Зар. – Такое не надену. Дай что-то другое.

Китаец посмотрел удивленно, словно Зар отказался от чего-то очень ценного и важного, но предлагать больше не стал и вытащил взамен какое-то полотенце.

– Мне нужна другая одежда, – сказал Зар. – Понимаешь? Штаны какие-нибудь. Шаровары... И рубаха... Или чего там у тебя есть. – Он показал на рукава, похлопал себя по ляжкам.

Китаец смотрел некоторое время с сомнением, затем покачал головой и нехотя вытащил только что полученный шлем, собираясь вернуть его обратно. Поняв намерение, Зар остановил его жестом и быстро скинул с себя медный жилет, подал его китайцу. Потом расстегнул ремень, зажал ножны с мечом между колен и снял хитон. Он ожидал, что это поразит китайцев, но те стали с интересом рассматривать жилет; затем он исчез среди вещей. Хитоном тоже не побрезговали. Взамен тотчас появилась длинная, почти до колен, темно-серая рубаха, короткая жилетка цвета индиго и широкие черные штаны. Китаец протянул все это, несколько раз поклонившись.

Одежда была новой, и имела какой-то особый запах, вроде какого-то травяного снадобья. Переодевшись, Зар сказал:

– О'кей, парни, выручили. Сразу лучше себя стал чувствовать. Одежда-то родная. Мэйд ин Чина. В двадцать первом веке народ тоже в китайское одевается... Ну ладно, давайте. Успешной торговли.

Китайцы заулыбались, словно в самом деле поняли сказанное.

Зар надел ремень и развернулся, собираясь уйти, но перед выходом остановился, снова снял ремень и, отстегнув ножны, отдал меч главному торгашу.

– На вот тебе. В нагрузку, – сказал он. – Может, еще и пожалею, но несподручно таскать за собой эту штуковину.

Он пихнул меч китайцу в руки, вышел, вскочил в седло и поехал в сторону ворот.

Бородачи подозрительно косились, но никто не заговорил.

Оказавшись за пределами рынка, Зар с минуту поколебался и развернул коня в обратном направлении.

Итак, он в прошлом, где пришлось уже столкнуться с агрессивными стражами города, а затем благополучно от них бежать. Это была первая удача в его новой жизни.

Что же теперь?

Прежде всего, надо узнать как можно больше о городе. Для этого лучше всего слиться с толпой народа. Несмотря на то, что боль в ноге помешает ходить целый день пешком, от коня придется избавиться: что если на нем какая-то особая уздечка, по которой городская охрана тут же вычислит, что конь краденый. Хорошо бы, конечно, белогривого где-нибудь спрятать, чтобы вечером ускакать на нем за город, и там, в каком-нибудь лесочке найти себе ночлег. Но жеребца положено кормить и поить, и где-то его ждет стойло в конюшне, и не виноват белогривый в том, что Зар провалился в его век.

Нога не сломана, и припухлость лишь немного затрудняет движение. Необходима повязка, но в целом он способен передвигаться на достаточно большое расстояние. Надо только подъехать к скоплению людей, а там он просто спрыгнет с коня и затеряется в толпе.

Зар постучал ногами по бокам белогривого, и тот пошел шагом по улице, которая все больше наполнялась людьми.

Теперь дорога шла вверх. На леса ремонтирующегося дома уже взобралась строители. Один из них уплотнял просвет под крышей, другой заполнял щели между камнями каким-то раствором. Двое возились внизу, готовя этот самый раствор для работы.

Почти в каждом доме, где были открыты двери или ворота, просматривался задний двор, где можно было видеть верстаки, столы, инструменты; там, видимо, располагались, мастерские. Некоторые же мастерские выходили прямо на улицы. Многие ремесленники уже приступили к работе; всюду слышалось постукивание, лязг металла, крики. Кое-где произведенные изделия – грубые мотыги, нелепые ножи и серпы, бесформенные горшки, нескладные чашки – были выставлены на продажу, их стерегли женщины или подростки. Покупателей еще не было видно.

Порой Зару попадались продуктовые лавки. В основном здесь продавались хлебные лепешки, выложенные на листья готовые овощные блюда, свежие фрукты, творог, иногда рыба, какое-то питье в кувшинах.

Острая боль после избиения прошла; адреналиновая атака оставила после себя чувство усталости и голода. Стрелки биологических часов Зара перевалили уже то время, когда он привык обедать. Хоть выносливости ему было не занимать, мысли о том, что нет ни крова, ни пищи, вызывали беспокойство.

Не хотелось становиться попрошайкой или вором, а тем более грабителем. То, что китайская одежда досталась таким легким способом, было продолжением его удачи, но, вместе с тем, грозило стать началом авантюрного, нечестного пути. Само по себе везение, несомненно, радовало. Авантюра, пусть даже сопряженная со смертельной опасностью, тоже зажигала кровь, пробуждала скрытые инстинкты, требовала находчивости, реакции, ловкости, храбрости и решительности, – все это, несмотря на полную неопределенность, привлекало Зара. Но становиться на путь обмана и изворотливого мошенничества он не хотел.

Вот бы встретить Дмитрия Максимовича, он бы помог. Хотелось бы знать также, что с Еленой? Смог ли старик ее провести до своего дома? Надежно ли спрятал? Не выследил ли кто?

Зар был уверен, что в том, что его задержали в немалой степени виноват был он сам. Стоило ли включать фонарь, когда они со Сраошем шли в темноте по пустырю? Наверняка, кто-нибудь из местных подсмотрел за ними, а то и проследил до самого дома Сраоша, а потом побежал и накапал охранникам, вот они и поехали за ним целым эскортом.

Зар снова попытался вспомнить имя царевича, который построил храм, где старик со Сраошем справляют свои ритуалы. Потом мысли его переключились на ту историю, которую поочередно рассказали Елена и Дмитрий Максимович. О какой миссии говорила Елена? Какая такая работа предстоит им со стариком?

Вот тот перекресток, на котором он свернул. Налево – площадь и здание караула. Не безрассудно ли так близко от караула разезжать на краденом коне? Вот что странно: по ночам у них комендантский час, а утром можно спокойно кататься по городу, и никто тебя не остановит. Ладно, тьфу-тьфу-тьфу...

Зар стукнул коня пятками, и тот поскакал вверх по улице.

Перекрестки теперь мелькали один за другим. Чем ближе к центру, тем оживленнее велись строительные работы. Груды материалов попадались все чаще. Здесь в ход шел базальт, известняк, гранит и даже мрамор. Среди домов с примитивной архитектурой встречались и такие, что носили в себе следы инженерной мысли и некоторую эстетику.

Среди прочих зданий Зар увидел дом, заставивший его остановиться. Здание имело два этажа, вход был оформлен как портик с четырьмя небольшими колоннами и тремя широкими ступенями, а вместо привычных черных отверстий в стене было по два небольших оконца на каждом этаже. Оконца хозяева затянули тканью, пропитанной каким-то маслом, что делало их, по-видимому, полупрозрачными изнутри.

Поглядев, Зар двинулся дальше.

Людей на улице прибавлялось. Это по-прежнему были ремесленники, но судя по их внешнему виду, наличию большого числа помощников, более качественным инструментам, ремесленники успешные и зажиточные. Изделия, которые они выставляли на всеобщее обозрение, были не так грубы; посуду и особенно оружие украшал орнамент. Попадались заведения вроде швейных лавок, где продавались ткани и готовые одежды.

На Зара здесь и вовсе внимания не обращали, но все же надо было проявлять осторожность. Завидев впереди троих всадников, он свернул в один из переулков. Вовсе не хотелось снова попадаться в лапы караульных. Проехав по переулку, он поворотил в прежнем направлении – к центру.

Глазам предстала толпа людей. Сперва Зару показалось, что впереди улица оканчивается высокой стеной. Проехав несколько десятков метров, Зар остановил коня и спрыгнул. Взяв под уздцы, повел за собой. Эх, белогривый, продать бы тебя все-таки. Это ж как разбогатеть можно. Деньги – вот что прежде всего нужно туристу в чужой стране. Впрочем, и мешок или корзина с провизией – тоже неплохо бы.

Подойдя к людям, Зар понял, что это праздная толпа. Все люди просто стоят и чего-то ждут. Мужчины все до единого с бородами, – даже молодые. Зар выделялся среди них своим бритым подбородком; за юнца его можно было принять с некоторой натяжкой – чересчур мощно сформирован скелет, слишком дюже развиты мышцы; Впрочем растительность на лице – дело нескольких дней: скоро подбородок и щеки покроются густой щетиной, а затем такой же непроницаемой бородой. А вот незнание языка выправить гораздо труднее. Без языка ни на работу наняться, ни дорогу расспросить...

В толпе было немало женщин. Большинство из них отличались полнотой и низкорослостью. Да и мужики не слишком крупны, особенно те, кто потемнее кожей. Вообще Зар теперь стал различать три расы: самые темнокожие, почти негры, но не с африканскими чертами лица, – очень малорослые; имеющие коричневую кожу, чуть повыше ростом; и светлокожие, напоминающие современных греков – высокие. Представители последней расы совсем не встречались в бедных ремесленных районах, в этой же толпе их было немало; среди остальных они выделялись не только внешностью, но и одеждой – более дорогой и разнообразной.

Заметив у одного из входов в дом коновязь, Зар подвел к ней белогривого и привязал его. В тот же самый миг кто-то из толпы выкрикнул:

– Ханра пер-резас! Ханра пер-резас!

Тут же все бросились вперед, к концу улицы, где стояла стена. Зар, бережно волоча ногу, двинулся следом за толпой. Внезапно толпа остановилась, качнулась назад, послышались грозные крики. Что-то впереди преграждало путь. Толпа замерла. Все, затаив дыхание, всматривались вперед.

Зар был выше многих, но из всего, что он смог разглядеть, это то, что улица на самом деле не оканчивалась стеной, а врезалась в другую улицу, более широкую, а высокая кирпичная стена стояла на ее противоположной стороне.

– Ханра! – снова закричал кто-то, и Зар увидел, как из-за угла выехал всадник. По толпе прокатился восторженный гул.

Всадник восседал на пегом коне. Шлем всадника и его пластинчатый ворот, одетый поверх алого хитона, блистали позолотой, осанка была прямой и горделивой; голова, грудь и бедра коня защищали медные латы. За всадником следовали еще двое – точные копии первого. Затем опять двое, и опять, и опять... Таких пар Зар насчитал пятнадцать. За пятнадцатой парой выехала четверка лошадей, в которую впряжена черного цвета кибитка, украшенная белыми и золотистыми узорами. Сбоку от нее, двигался ряд поднятых вертикально копий и верхушек шлемов – пеший конвой, который был не виден из-за толпы. За кибиткой снова следовали пары всадников, на этот раз Зар сбился со счета; потом шло десятка четыре высоких темнокожих мужчин, скованных цепью, затем снова ехало три кибитки, выглядевшие попроще, и в конце следовало несколько лошадей, шагающих на привязи за всадником.

– Ханра! – снова крикнул кто-то, и много других голосов подхватило это имя, и эхом оно разнеслось по улицам.

Ханра...

Зар стал припоминать. Кажется, Дмитрий Сергеевич говорил о каком-то царевиче с таким именем. Будто бы этот самый Ханра должен был приехать из Египта. Но Сраош назвал какого-то другого царевича... И сколько же их всего, царевичей этих?..

Когда кортеж пропал из виду, толпа горожан зашумела и постепенно начала рассеиваться. Зар тоже поспешил назад. Белогривый по-прежнему стоял на месте. Никто им не заинтересовался, настолько все были захвачены зрелищем процессии.

Вернувшись к коню, Зар отвязал его и, запрыгнув в седло-вьюк, поскакал в обратном направлении. Теперь его интересовало, что это была за охраняемая дорога, по которой двигалась процессия, что за стена возвышалась за нею.

Завернув за угол, он пересек несколько перекрестков и снова свернул на одну из узких улочек. В конце маячили шлемы ратников. Путь был перекрыт, но всего несколько человек толпились у оцепления. Зар направил к ним коня. Приблизившись, он соскочил и, не отпуская белогривого, подошел к ряду ратников, которые весьма напомнили милицию во время митингов. Выглянув из-за их медных шлемов, он увидел, что кирпичная стена возвышается метров на пять или около того и окружает довольно большую территорию. Кое-где из-за нее поднимаются двускатные крыши, выложенные крупной черепицей, а в одном месте – сферический купол, из середины которого торчит башенка с такой же двускатной черепичной крышей.

Были распахнуты ворота, и уже передняя часть конвоя вошла на огороженную территорию, а кибитка подъезжала все ближе. Когда она стала поворачивать, Зар увидел, что занавеска на окошке приоткрыта, и внутри покачивается чей-то силуэт. Царевич Ханра? Зар напряг зрение. Кибитка подъехала ближе и стала заворачивать, подпрыгнула на брусчатке, занавеска колыхнулась, и на какой-то миг Зар успел разглядеть человека в черной маске, с непокрытой головой, с черными волнистыми волосами, спадающими на плечи. В следующий миг занавеска скрыла пассажира кибитки.

Зар вновь осмотрел стены и видимые фрагменты зданий. Для дворца строения выглядели довольно бедно, но, похоже, здесь вовсю велась подготовка к строительству. Восточную стену, ярко освещенную солнцем, окружал пояс лесов, снизу были рядами сложены обтесанные мраморные бруски. На территории дворца на двух зданиях были до половины сняты крыши, вероятно, их собирались перекрывать. Видать, неплохо живет здешний народ и его правительство – застою этот период не назовешь: и в Египет разъезжают, и гвардию содержат, и строительство полным ходом. Да старик ведь так и говорил – нынче самый канун объявления Персидской Империи. Значит, дела идут не просто хорошо, – персы – эти высокие, светлокожие, хорошо одетые люди – захватили все окружающие земли и провозгласили в них свою власть. Как бишь царя этого? Саурон, что ли?

Странно вот что. Только что промаршировал отряд воинов, сопровождавший не иначе как царственную персону; вполне может статься, что сам царевич как раз и сидел в той разукрашенной кибитке. Почему же он не выглянул, чтобы помахать рукой своему народу, пришедшему его поприветствовать? И к чему эта маска? Может, под ней скрывается особа, приближенная к богу или что-нибудь в этом роде?

Таращась по сторонам, Зар не сразу углядел, с каким напряженным вниманием один из стражников рассматривает вьючное седло и уздечку на белогривом. Когда он встретился с ним взглядом, стражник оскалился (у Зара сложилось впечатление, что персы улыбаться вообще не умеют, а только скалятся и щерятся) и что-то негромко спросил, кивая на коня.

– Че те надо, товарищ сержант? – недружелюбно отозвался Зар, отступая. – Что-то знакомое увидал? И че тебе с того?.. Сделай вид, что не заметил, а?

Стражник нахмурился и подался вперед.

– Ну чего ты неугомонный такой, – вздохнул Зар. – Охранял бы своего царевича, и не лез бы, куда не следует... А вон там, между прочим, щас пряники будут раздавать.

Он указал рукой на закрывающиеся ворота. Перс машинально обернулся. Зар тут же ловко запрыгнул на белогривого, развернул его и изо всех сил саданул по бокам. Конь понесся прочь по брусчатке, а сзади послышалось одновременно несколько криков.

Зар мчался, наклонившись к шее коня, прижимаясь грудью к самой гриве и изнывая от боли в ноге. Больше всего он опасался слететь со спины, – мышцы коня так и ходили ходуном.

На углу шарахнулся пешеход, заставив коня подняться на дыбы. Зар с трудом удержался, чтобы не съехать назад. Обняв коня, он заставил его опуститься и, снова ударив пятками, помчался дальше. Замелькали переулки, повороты, изгибы узких улочек. То и дело перед ним проскакивали люди, которых он толком не успевал рассмотреть. Иногда вслед ему долетали раздосадованные возгласы, но погони, к которой он прислушивался всей спиной, не ощущалось. Лишь один раз Зар обернулся на мгновение, рискуя слететь с белогривого и сломать шею: он успел заметить только двух женщин, смотрящих ему вслед.

Интуитивно он то сворачивал вправо, то двигался прямо, стараясь держать направление на восток, где по его разумению была окраина. Вновь начался ремесленный район, на этот раз еще более бедный. Повсюду дурно пахло. Кругом стояли убогие лачуги, иногда они громоздились в два этажа, напоминая голубятни. Кое-где были дворы, где люди что-то месили ногами, вырубали из дерева, обтачивали с помощью наждаков. Было грязно, а местами, несмотря на прошедший ночью дождь, уже столбом стояла пыль. Работяги были одеты в рваньё, пару раз Зару приходилось видеть даже совершенно голых людей. Мало кто из ремесленников имел дворы и мастерские, многие сидели на дороге прямо перед лачугами и занимались изготовлением всевозможной утвари. Завидев издали белого коня, некоторые бросали свою работу, вскакивали и почтительно кланялись. Другие смотрели недоуменно, видимо пытаясь сопоставить факт боевого коня с китайским одеянием Зара.

Убедившись окончательно, что погони нет, Зар заставил белогривого перейти на шаг. Теперь надо было принять решение. Разъезжать на белом коне было явно не лучшим способом, чтобы остаться незамеченным в городе. Но и ходить с побитыми ногами он долго не сможет. Поэтому надо обязательно найти место, где он смог бы отлежаться пару дней, поразмыслить, а когда оклемается чуток, то попытаться устроиться где-нибудь временно на работу, пока не найдет Дмитрия Максимовича. Впрочем, где и как искать старика, он знал: ночью в его каменном святилище. Но, чтобы туда пробраться, ему нужны крепкие ноги.

Что, если в одну из этих лачуг попроситься? Предложить в оплату коня.

К черту такие идеи. Ты даже объяснить толком не сможешь, чего тебе надо, да и кто из этих оборванцев решится взять за поводья взыправдашнего боевого коня?

Зар стал присматриваться, нет ли среди окружающего народа кого-нибудь, кто производил бы впечатление потенциального покупателя коня, но обитатели этого района выглядели настолько дикими, что он так и не рискнул с кем-нибудь заговорить.

Неожиданно из-за большого деревянного сарая показался всадник на гнедом коне. Это был ратник, одетый точь-в-точь так же, как те, что схватили его в доме Сраоша. Зар резко поворотил коня и нырнул в переулок – такой узкий, что проехать в нем можно было с большим трудом, едва не задевая ногами деревянных стен.

В разжиженную глину были втоптаны гниющие очистки овощей, прелые щепки и прочий мусор. В воздухе стояла вонь испражнений.

Ехать надо было быстрее, но Зар опасался подгонять коня, ибо это могло привести к травме. Сзади его окликнули, а может, кричали и не ему, – в любом случае он решил не оборачиваться. Оклик повторился, затем послышался стук копыт, перешедший в чавканье по грязи.

Проезд не расширялся, но и не становился уже. Впереди, метрах в семи, был поворот влево. Зара беспокоило, что он может попасть в тупик, но за поворотом виднелся переулок. С трудом повернув коня в столь узком месте, Зар двинулся дальше. Задворки, по которым он ехал, были настолько омерзительными, что внезапно у Зара появилась надежда на то, что ратник не захочет двигаться следом, но, видимо, стражника нельзя было напугать ни скверным запахом, ни видом разлагающегося мусора, и вскоре Зар снова услышал позади приближающееся чавканье копыт.

Очередной переулок оказался окраиной этого мрачного скопления лачуг. Впереди глина переходила в плотный желтоватый грунт. В нескольких метрах от стены начинался обрыв, за которым тянулся большой овраг. Слева лачуги примыкали к оврагу, справа вытоптанная дорожка сворачивала и, судя по всему, выводила на одну из городских улиц, а прямо перед Заром, на самой кромке обрыва, примостился небольшой сарайшко с распахнутой дверью.

Зар быстро оглянулся. Ратник еще не успел показаться в проезде. Развернув коня вправо, Зар соскочил с него и поддал кулаком по ребрам. Белогривый поскакал по дорожке, а Зар, волоча больную ногу, бросился в сарай.

Он быстро захлопнул за собой дверь и прильнул глазом к щели. В этот самый момент из-за покосившейся стены деревянной лачуги показалась морда гнедого, на котором ехал ратник. Зар осмотрелся. Увидел на земле какой-то колышек, схватил его и, заняв оборонительную позу, затаил дыхание. Прислушиваясь к приближающемуся чавканью копыт, он приготовился нанести удар, если ратник вздумает заглянуть в сарай. В щели хорошо был виден силуэт приближающегося всадника, но к счастью, конь, выехав на дорожку, не останавливаясь ни на секунду, повернул и двинулся дальше.

Может, это обычный дозор? Стражник просто едет по своему маршруту.

Зар отложил колышек, припал к стене, отыскал щель, но всадника уже не было видно.

Подождав, пока глаза привыкнут к полумраку, Зар стал изучать помещение. Грунтовый пол, усеянный битыми черепками и мусором; подгнившие снизу стены; на одной из стен полка, на которой можно сидеть; в углу небольшая кучка гравия. И еще колышек, который он только что отбросил.

Обследовав дверь, Зар обнаружил петли для щеколды – одну на двери, другую на дверной коробке. Петли имели круглую форму, и колышек идеально подошел для того, чтобы запереть дверь.

Теперь можно было отдохнуть и проанализировать ситуацию.

Что это за сарай? Чье-то брошенное жилище? Какая-нибудь кладовка? А может, место для свиданий?

Зар сел на полку и первым делом стащил с правой ноги кожаный бутс. Стопа порядочно распухла и в сумраке сарая казалась темно-серой. Зар придавил пальцем, осталась выемка. М-да, отек серьезный, за пару дней не рассосется. Зар задрал штанину. Голень сбоку и сзади была покрыта темными полосами.

– Уроды, – процедил Зар сквозь зубы.

Не мешало приложить к ноге что-нибудь мокрое и холодное, но ничего под рукой не было. Также хотелось пить, но пока мысли о воде и пище Зар отодвинул как можно дальше. Сначала стоит чуток передохнуть. Он стащил второй бутс, затем осторожно улегся на полке. Полка скрипнула, но выдержала.

Стрелки его биологических часов указывали на то, что в тех местах, откуда он пришел, скоро вечер. Что подумали ребята, обнаружив его исчезновение? Что предпринял капитан Зайцев? Должно быть, матери уже позвонили. Небось, извелась вся, а ведь она на седьмом месяце. У Зара заныло в груди. Черт, ты ведь так хотел, чтобы твоя жизнь круто изменилась!

Зар закинул правую, травмированную, ногу поверх левой, согнутой в колене, сообразив, что так легче будет сходить отеку, попытался отогнать мрачные мысли и на какое-то время погрузился в полудрему.

Не прошло и пяти минут, как из этого состояния его вывел топот лошадиных копыт. Шум наполнил маленькое пространство сарая: явно лошадей было несколько, даже по стенам прошла вибрация.

Зар вскочил и чуть не грохнулся наземь. Нога стала как деревянная и не хотела слушаться. Подобравшись к стене, Зар заглянул в щель.

– Эх, белогривый... – вырвался у него тихий стон.

Конь, не найдя дороги домой, вернулся туда, где его бросил последний хозяин, и привел с собой еще пятерых всадников. Четверо приехали на гнедых конях, пятый был облачен в медь и восседал на белом жеребце. А недавний товарищ Зара – белогривый – стоял у самой двери и тянулся мордой к порогу.

Персы заинтересованно смотрели на сарай. Один из них спешился, подошел к коню, отстранил его и лягнул ногой в дверь.

Не хотелось думать о смерти, но осознание поражения волной накатило на Зара. В отчаянии он бросился на полку; сел, широко раскинув ноги, забыв о боли, и обхватил голову руками.

Ох, ты и дурень. Удача была с тобой, а ты себя как болван повел. Вместо того чтобы бежать, вырваться из этого первобытного города, ты отправился на экскурсию, разъезжал как турист, щеголяя павлиньим нарядом и краденым конем.

Теперь надежды быть не может. Тебя ждет казнь, и ничто уже не спасет. Ибо теперь ты преступник вдвойне.

Тут Зар увидел себя как бы со стороны. Вопреки осознанию поражения он бросился к противоположной от двери стене, упал на колени и начал рыть пальцами каменистую глину.

Был бы с тобой кинжал, которым ты подпер дверь той коморки, где ратников заточил, сейчас можно было бы вырыть ход. Но голым рукам это сделать не под силу. Грунт состоит в основном из плотного шершавого известняка, и, хоть и требуется в нем вырыть всего лишь проем пятьдесят на пятьдесят сантиметров, чтобы оказаться на краю обрыва, сделать это нет никакой возможности. Проклятье!

Тем временем стражники уже изо всех сил пытались взломать дверь, но она оказалась на удивление крепкой. Несколько тяжелых ударов не дали результатов.

Зар ожидал, что дверь вышибут одним сильным толчком, но вдруг понял, что есть еще какое-то время на раздумья. Однако думать он не стал, а, ломая ногти и сдирая кожу, принялся с остервенением ковырять известняк.

В щель между досками хорошо виден противоположный склон оврага – покатый и глинистый. Если под Заром такой же, то был бы шанс не разбиться.

Зар саданул кулаком по доске, но дерево оказалось твердой породы и отозвалось на удар каким-то металлическим звоном.

– Ччччерттт!.. – простонал Зар в бессильной злобе.

Он вскочил, бросился к полке и, подцепив ее снизу руками, изо всех сил рванул кверху. Раздался треск, и доски, распертые деревянными клиньями, подались. Вырвав одну из них, Зар с размаху загнал ее в щель между стеной и полом, нажал и попытался выломать таким образом проход, но доска оказалась выстрогана из более мягкой породы.

За дверью звучали яростные крики стражников. Зар на пару секунд снова припал к щели. Ратник из городской стражи куда-то исчез, остальные суежились вокруг сарая. Уже невесть откуда было принесено несколько вязанок хвороста, которые теперь раскладывали вокруг деревянных стен.

Зар отвернулся и стал колотить торцом доски в тот участок стены, где хотел сделать проход, но, в конце концов, сломал доску и ободрал себе ладони. Подобрал один из обломков, он попытался снова рыть землю. На этот раз дело пошло успешней, но, когда ценой жестоких усилий была выкопана неглубокая ямка, ему пришлось признать, что понадобится как минимум полчаса, чтобы сделать достаточно широкий подкоп, да и то лишь в том случае, если не попадется глыба.

Из-за двери послышался треск разгоревшегося хвороста. Раздались торжествующие крики ратников.

Зар поднялся на ноги, держа в обеих руках по обломку. Пот стекал по его лицу.

Вынуть колышек, распахнуть дверь и, воспользовавшись «элементом неожиданности», наброситься на ратников, завладеть оружием одного из них, попытаться захватить коня и...

Нет! – Он ухмыльнулся и сплюнул. – Дерьмовый план!.. Какой к черту элемент неожиданности? Ратники стоят полукругом, нацелив тонкие, как жала, острия копий на дверь. Попробуй ее распахнуть, и тебя тотчас проткнут. Будешь как шашлык.

Зар отбросил обломки и прижался к стене, пытаясь рассмотреть, много ли хворосту положили под стену. Огонь, словно стараясь показать ему, как много ему пищи дали, отклонился, но Зару трудно было увидеть, что делается внизу. Он бросился к другой щели, и огонь, как по команде, вновь метнулся в сторону от него, да так резко, что опалил бороды двум ратникам, стоявшим поблизости. Они с удивленными криками отскочили назад.

Ну и дела! Щели-то узкие, не мог он так сильно нагнать ветер собственным телом. Зар прильнул глазом к самой щели и увидел, что хворосту тут по пояс. Но огонь, хоть и стоял стеной, теперь словно боялся подступить близко. Стоило Зару отпрянуть назад, как огонь тут же полз по стене, рвался в щели. Тогда, повинувшись внезапному наитию, Зар стал бросаться на огонь.

Не думая о том, что бы это могло значить, не пытаясь выяснить, наяву это происходит или в болезненном воображении, Зар кидался от одного края стены к другому, а огонь за щелями каждый раз отодвигался и становился все слабее, пока, наконец, не отступил вовсе. Теперь слышались лишь слабые потрескивания, потянуло дымом, но вскоре и дым перестал идти. Пламя было каким-то образом укрошено.

Ратники некоторое время молчали, пораженные случившимся, но вот один из них дал команду и двое других куда-то убежали. Прежде чем они вернулись с тяжелым бревном в руках, прискакало пятеро «белоконных». Среди них были знакомые Зару рыжебородый и молодой (на последнем уже были новые доспехи), а также тот, которого Зар видел минут двадцать назад. Лицо рыжебородого было искажено от гнева. Он что-то выкрикнул и ратники в войлочных шлемах за исключением тех, что были с бревном, поспешно сели на своих гнедых и ускакали. Рыжебородый указал на дверь и отдал команду.

Тяжкие удары заставили маленький сарайшко вздрогнуть. Дверь застонала и стала прогибаться, как человек, которого бьют в живот.

Через пять ударов дверь превратилась в обломки. Зар выдернул кол, который служил задвижкой и приготовился обороняться.

Он видел, как рыжебородый, спрыгнув с коня, достал из-за спины стрелу и, вдев ее в лук, направил на Зара. Отпрыгнув от дверного проема, Зар осмотрелся и углядел камень, торчащий из кучи гравия. Подхватив его, он размахнулся и, когда рыжебородый, выбив ногой остатки двери, шагнул в сарай, запустил в него камень.

Удар пришелся в грудь, образовав в латах воронку и отшвырнув рыжебородого к стене. Тут же на его месте возник силуэт молодого ратника. Сверкнул меч. Зар попытался парировать удар колышком, но деревяшка рассыпалась на щепки.

Оставшись безоружным, он опустил руки. Дальнейшее сопротивление было бессмысленным. Он посмотрел ратнику в глаза, готовясь принять смерть. В следующую секунду рыжебородый, отпихнув молодого, кинулся вперед, и его мощный кулак, мелькнув перед глазами, погрузил Зара в темноту.

6

Очнувшись, первым делом Зар понял, что крепко-накрепко связан. Левый глаз не хотел полностью открываться, – похоже, кто-то хорошо по нему съездил. С носом тоже случилось что-то паршивое: воздух через него с трудом проходил, и доводилось дышать ртом.

Зар потряс головой, огляделся. Какие-то серебристые пятна мешали как следует рассмотреть окружающее, но понемногу мир вокруг прояснился.

Белые кони, ратники, какая-то суматоха...

Он не сразу вспомнил, что произошло. Последнее, что четко запечатлелось в памяти – это тяжкие удары бревна в дверь.

Так-так... Кажись, только что он бросался с палкой на меч, да неудача вышла. Память постепенно возвращалась к нему.

Напротив с каким-то благоговейным выражением на лице стоял рыжебородый, он держал в руке пылающий факел и что-то монотонно бубнил, то и дело повторяя знакомое уже слово «варуна».

– Хатт-варуна, маха-варуна, мати-варуна, аха-варуна...

За спиной рыжебородого переминался с ноги на ногу пожилой широкоплечий ратник. Чуть поодаль двое других удерживали молодого стражника, который пытался вырваться и что-то выкрикивал. Те его уговаривали, но, похоже, он и не думал уgomониться.

Зар дернулся всем телом, но веревка крепко прижимала его к стволу дерева, шершавую кору которого он ощущал связанными за спиной руками.

Он взглянул вверх. В метре над головой из ствола вырастала, уносясь высоко вверх, темная крона кипариса.

– Варунах-пурушайя! – победоносно выкрикнул рыжебородый и опустил факел вниз. Тут только Зар обнаружил, что чуть ли не по пояс завален сухим хворостом.

– Сволочи! – вырвалось у него. Он снова попробовал освободиться, но спина так и осталась плотно прижатой к стволу.

Стиснув зубы, Зар опустил взгляд. Несколько огоньков побежали вверх по хворостяной куче, но, не достигнув середины, замедлили бег, стали таять. Не прошло и несколько секунд, как огоньки сами собой погасли. Рыжебородый процедил что-то сквозь зубы и вновь поднес факел к хворосту. На этот раз он дождался, пока пламя хорошо разгорится, и даже оставил факел воткнутым. Внезапно огонь повел себя странно. Разгораясь, он двигался не вверх, как полагается по закону физики, а вниз, оставляя за собой черный полукруг несгоревших веточек. Достигнув самого подножия, он разлился узким пылающим кольцом и продолжал гореть.

Молодой стражник перестал вырываться. Те, что сдерживали, отпустили его. Все подошли ближе и не сводили с пылающего кольца замороженных взглядов. Рыжебородый отступил. Благоговение на его лице сменилось изумленным выражением.

Вдруг пожилой ратник встрепенулся. Что-то крикнув, выхватил из-за пояса кинжал и бросился к Зару.

«Кончайте уж скорей», – Зар сжал зубы и зажмурился, но и на этот раз судьба оказалась милостивой. Неожиданно давление, которое оказывали веревки, ослабло, – Зар даже грохнулся бы на остатки костра, если бы ратник не подхватил его. На помощь бросился молодой, вместе они оттащили Зара от места несостоявшейся казни, усадили на траву.

Руки так и остались связаны за спиной. Уронив голову, Зар увидел, что грудь и живот залиты кровью. Лишь теперь он сообразил, что с него содрана вся одежда кроме трусов.

Ратники отступили в сторону, стали совещаться. Рыжебородый стоял поодаль и, судя по всему, был порядком обескуражен.

Варуна – один из их богов, – вспомнил Зар.

Должно быть, в жертву хотел тебя принести этот оскорбленный стражник. Что ж, нет ничего странного в том, что он так разъярился.

Краем здорового глаза Зар видел, что рыжебородый держит кисть на рукояти меча. Если ему вдруг взбредет довершить казнь, то на это потребуется не более секунды, и тогда те, что совещаются, не успеют ничего сделать.

– Отведите меня к царевичу Аураму! – выкрикнул Зар, желая отвлечь их внимание от спора, и, уже произнеся эту фразу, сообразил, что наконец вспомнил имя царевича.

Ратники с удивлением взглянули на него, а молодой, подойдя к нему, нагнулся и, взяв двумя пальцами за прядь волос, что-то произнес.

Видимо, слова молодого ратника окончательно убедили в чем-то старших товарищей. Они перекинулись короткими репликами, после чего приблизились к Зару, подняли его на руки и поволокли к белогривому.

Рыжебородый неистово проревел и, вскочив на коня, тут же куда-то ускакал.

Зара с размаху закинули на белогривого, помогли усесться. Он выпрямил спину, пытаясь сохранить равновесие. Руки так и остались связаны, и держаться пришлось одними ногами. Ратники тоже запрыгнули на коней. Пожилой взял поводья белогривого, и процессия тронулась.

Въехали в ремесленный район. Вид окровавленного пленника почти никого не заинтересовал. Опустив голову, Зар исподлобья посматривал по сторонам, стараясь сообразить, куда его везут.

Оказалось, что сарай, где он пытался отсидеться, находился совсем недалеко от той площади, где расположены здания караула. Минут через десять они оказались на месте.

Тот же смуглый старик вышел им навстречу. Увидев Зара, он возликовал и даже запрыгал на месте от радости, но пожилой ратник на него гаркнул, и старик тотчас умолк.

Несколько ребятишек также подбежали ко входу, и среди них Зар узнал того, который так отчаянно кричал, но на этот раз ребятишки вели себя смирно. Они остановились в нескольких шагах от коновязи и молча глазели. Взрослые не обращали на прибывших особого внимания, только несколько человек на минуту оторвались от занятий и повернули головы.

Хотелось бы знать, какие предположения могут быть у этих людей по поводу его – Заровой – персоны?

Кони остановились, и Зара спустили на брусчатку. Но сам он идти не мог, поэтому, взяв подмышки, двое ратников потащили его ко входу.

Опять знакомый коридор, с обеих сторон закрытые двери. Вот широкая арка и внутренний двор.

Его повели к высокому дому.

На порог вышел толстяк в красном хитоне и доспехах. Остановившись на ступенях, он проорал несколько слов. Пожилой ратник крикнул что-то в ответ. Толстяк покачал головой и указал рукой в сторону. Зар проследил взглядом в указанном направлении и разглядел прямо посреди двора яму, накрытую решеткой. Вот, значит, что его ждет...

Пожилой отпустил Зара и, приблизившись к толстяку, негромко с ним заговорил. Выслушав, тот нахмурился и ушел в дом. Вернувшись через несколько минут, он кивнул пожилому, и тот, развернувшись, махнул рукой. Зара тут же поволокли к полукруглому барaku. Пожилой пошел вперед и постучал в одну из дверей. Дверь открылась, и в проеме возникла долговязая фигура, на этот раз в таком же хитоне, как у остальных ратников, только без доспехов. Указав на Зара, пожилой пару минут говорил с долговязым, затем кивнул, и Зара ввели внутрь. Здесь было небольшое помещение с подобием стола, на котором горела медная лампа, и четырьмя низенькими дверями, одна из которых была открыта. На нее и указал долговязый. Камера номер четыре? Зара подвели к двери, разрезали веревку на руках, заставили пригнуться и втолкнули внутрь. Он споткнулся и чуть не упал: пол в камере был приподнят. Зар сделал пару шагов вглубь и рухнул на колючую солому. Дверь закрыли, и в помещении стало абсолютно темно.

В камере воняло сыростью и мочой, – это то, что Зар успел заметить, прежде чем погрузиться в состояние, среднее между сном и бодрствованием. Вскоре его накрыл полубред. Ему казалось, что он обследует помещение, продумывает план побега, делает подкоп, но он по-прежнему лежал на подгнившей соломе, поджав колени, обхватив себя руками. Он озяб, а в забытии ему мерещилось, что он едет на белогривом далеко за городом навстречу ветру. Перед ним открываются горные ландшафты, темные леса избегают по склонам, и Зару надо подняться вверх, по горной дороге, преодолеть хребет, чтобы оказаться на другой равнине, откуда можно попасть в будущее, в свое время.

Прошло несколько часов – может три, а может и все пять, – Зар не мог бы даже приблизительно сказать – сколько, ведь в камере было совершенно темно. Полубредовое состояние отступило, впуская в сознание реальность и воспоминания о случившемся. Зар сел и стал растирать руками перемерзшее тело. Его мучила жажда. Когда же он в последний раз пил?

Зар осторожно пощупал в темноте больную ногу. Отек упруго распирает кожу, был твердым, из-за него даже пальцы одеревенели. Вероятно в голени повреждена какая-то связка, а может там еще и гематома, из-за этого стопа и отекает так сильно. Сейчас разрабатывать ногу рано, надо дать ей хотя бы неделю покоя, лучше всего чем-то обмотать, но кроме трусов на теле ничего нет. Не снимать же и их...

Зар потрогал переносицу. Вроде целая, не шатается. Затем – правое веко, – и вскрикнул от боли. Видно, бланж то что надо. Вся область глазницы представляла собой огромную шишку. Ледку бы к ней...

– Эй, кто-нибудь! – крикнул Зар. – Дайте воды!

Но в ответ не слышалось ни звука.

Зар встал на четвереньки, немного погодя с трудом поднялся на левую ногу. В какой же стороне дверь?

Он выставил перед собой руки, проковылял пару шагов и наткнулся на стену. Начал шарить руками, двигаясь вправо. Стена оказалась глухая, следующая тоже. Зар обошел все четыре стены, но двери не было. Внутри похолодело. Что лучше – сгореть на костре или окочуриться от жажды и голода в каменном склепе?

– Откройте! – заорал он. Голос звучал слабо и жутко.

Зар снова начал обшаривать стены и вдруг наткнулся на вход. Изнутри он был еще ниже, его верхний край заканчивался чуть ли не на уровне пояса Зара, вот почему он не нашел его с первого раза.

Ударив кулаком в деревянную дверь, он крикнул:

– Пить хочу!

Ответа не послышалось и на этот раз. Тогда он опустился на пол и стал монотонно стучать в дерево, время от времени устало выкрикивая: «Воды!»

Прошло не меньше получаса, пока за дверью послышались шаги. Загремел засов и в свете масляной лампы Зар увидел долгоязого охранника. Тот предусмотрительно держал перед собой дротик острием к Зару. Охранник что-то крикнул. Не понимая, что надо делать, Зар попятился. Тогда охранник опустил дрот, взял со стола какой-то горшок, поставил его у самого входа и захлопнул дверь.

Зар на четвереньках подобрался к порогу, протянул руку, осторожно нащупал горшок. Он был накрыт куском лепешки, а внутри оказалась вода. Выпив залпом половину, он не почувствовал ожидаемого удовлетворения: вкус был солоноватый, но все же это вода, и теперь он не умрет от жажды. Понюхал лепешку: запах пресный. Попробовал: есть можно. Он быстро съел лепешку, запил, оставив воды на потом, и отправился готовить себе ложе.

Камера была размером примерно три на три метра, высотой – чуть больше его роста. В одном из верхних углов была дырка, предназначенная, видимо, для поступления воздуха, но свет в нее не проникал. Впрочем, за стенами, вероятно, уже стемнело.

Собрав всю солому, какая была на полу, Зар сложил ее под одной из стен и оставил часть для того, чтобы укрыться. Двигаясь, он немного согрелся. Тем не менее, перед тем как лечь, Зар решил хорошенько размять тело – чтобы восстановить кровообращение. Он взял пучок соломы и начал растирать плечи, туловище и бедра. Через несколько минут все уже горело. Зар поднялся, отвел правую ногу в сторону и присел на левой десять раз. Затем произвел несколько серий ударов руками в воздух. Теперь он окончательно согрелся.

Улегшись вновь, он по возможности плотней обложился соломой. Кое-где тело осталось неприкрытым, но в общем можно было надеяться на то, что ночью он не будет дрожать. Зар расслабился и постарался ни о чем не думать. Так он пролежал минут пятнадцать и начал уже задремывать, как сквозь веко здорового глаза прорезалась вспышка. Зар разлепил глаз и увидел на стене тусклую вертикальную полосу света. Высота ее достигала полуметра, ширина была не больше пяти миллиметров. Что это? еще одна дверца? Но тут свет пропал, а Зару было жаль усилий, потраченных на укрывание, и он остался лежать. Глаз его по-прежнему был открыт и всматривался в темноту, но через минуту ему стало казаться, что полоска света померещилась, что это результат воображения, искаженного дневными страданиями. Скоро Зар погрузился в сон.

Когда он проснулся, первым, что всплыло в памяти, был вид отступающих огоньков. Что это? Игра природного явления? Хворост-то был сухим, значит, должен гореть ярким пламенем, но огоньки словно испугались чего-то и стали вести себя как заколдованные. Глядя на эти маленькие трепещущие язычки, предчувствуя нестерпимую боль от их жара, он – и тогда, когда прятался в сарае, и потом, будучи уже привязанным к стволу дерева, – всем своим существом сопротивлялся тому, чтобы они подступили к нему близко, и огоньки будто послушались его. Случись подобное раньше, до того, как приключился скачок во времени, Зар окрестил бы это наблюдение одним коротким словом: бред! Ибо не произошло ничего особенного, просто ветер задул огонь, а хворост

оказался недостаточно горячим. Но теперь все происходящее воспринималось в ином свете.

Зар понимал, что именно этот чудесный феномен сбил с толку персов, заставив их прервать казнь? Нет сомнений, что о нем они потом лопотали друг с другом, толковали с тем боровом в красном балахоне и потом с долговязым охранником? Сперва Зара хотели бросить в яму, но, подумав, все же предоставили отдельный номер, да еще и жратвы кое-какой дали... Кстати, о жратве. Не мешало чего-нибудь перекусить.

Зар отряхнул солому, поднялся. Боль в правой ноге ограничилась областью голеностопного сустава, но отек не уменьшился. На левой ноге ушибы побаливали, однако неудобства не доставляли. Зар еще раз обошел камеру. «Что за народ, хоть бы парашу поставили», – подумал он. Но, еще раз внимательно изучив углы, с отвращением нащупал ногой в одном из них узкий сток для нечистот.

– Ну и денек вчера выдался, – произнес он вслух, отливая. Зар осознавал: где-то внутри стоят в очереди, желая вырваться на свободу, страх, тоска, сомнение и отчаяние. Но после того как вчера он дважды представал перед лицом смерти и выжил, после тяжелого дня, проведенного в борьбе, приобретении опыта и еще чего-то, что можно было бы назвать сверхспособностью (хоть и рано еще говорить об этом, ведь не исключено, что укрощение огня было только случайностью), – после всего этого Зар велел себе начать новый день с приятия действительности.

Первое: ты находишься в далеком прошлом, где все по-другому, – вот факт, который надо усвоить прежде всего.

Второе: ты должен во что бы то ни стало выжить, – вот твоя главная цель.

В том, что новый день наступил, Зар почти не сомневался: об этом можно было судить по бодрости, принесенной сном. Но вот, сколько сейчас времени – девять часов утра или полдень – об этом можно было только догадываться.

Нащупав в темноте глиняный горшок, Зар поднял его и допил остатки воды.

Рассуждаем логически. Если бы персы хотели тебя прикончить, то, верно, уже нашли бы способ сделать это. Но казнь не состоялась, и совершать ее новую попытку они не стали. Почему? Может быть, увидав, что произошло с огнем, они трусили? Вряд ли. А может, их заинтересовала научная сторона явления? Глупость. Какие еще есть варианты? Ну, к примеру, они решили чуток повременить с казнью, чтобы приурочить ее к какому-нибудь национально-религиозному празднику. Чепуха. Простые ратники не принимают таких решений. Они просто сделали то, что обязаны были сделать – арестовали тебя и привели в караульное помещение. Для того чтобы по-людски все сделать: сперва допросить, затем вынести решение, а потом уж и казнить. Это дает право надеяться, что закон в этой стране все-таки существует.

Нисколько не хотелось думать о допросе и казни, но Зар решил перебрать все возможные варианты.

Итак, рыжебородый собирался совершить самосуд, однако тебя спасло неожиданное чудо. Имеешь ли ты сам какое-то отношение к этому фокусу – неведомо, но дикари-то вполне могли принять тебя за какого-нибудь шамана или колдуна. Какую это дает тебе выгоду? Из курса школьной истории помнится, что в одни времена колдуны пользовались среди народа немалым авторитетом, зато в другие подвергались гонениям и наказывались пытками и смертью. Тебе неизвестны их нравы и ты не знаешь, как себя вести, и имеешь ли какую-нибудь пользу на будущее из того, что случилось вчера, или тебя наоборот ждет еще более суровое наказание.

Уяснив, что так ни до чего толкового он не додумается, Зар принялся колотить в дверь. Вчера это помогло.

На этот раз охранник не являлся долго. Прошел как минимум час, прежде чем он, наконец, открыл дверь. Зар заглянул через его плечо, пытаясь по освещенности определить время суток, но стены маленькой коморки по-прежнему были едва освещены огоньком свечки.

– Когда меня поведут на допрос? – спросил Зар. – Я хочу видеть царевича Аурама. Или Дмитрия Максимовича. Знаете его? Это такой старик с бородой и огромным носом. Он, вроде, где-то тут у вас лекарем работает.

Охранник ничего не ответил. Как и вчера вечером, он отогнал Зара от двери дротом, а потом поставил перед ним на пол горшок, накрытый лепешкой, а пустой забрал.

Оставшись в одиночестве, Зар поел. Лепешка была свежеиспеченной и довольно вкусной, а вот от воды остался неприятный привкус.

Усевшись на соломе, Зар стал отдирать с губ, подбородка и шеи засохшую кровяную корку. Затем тщательно ощупал переносицу, скулы. Нос, чудом оставшийся целым после удара, нанесенного рыжебородым, дышал уже лучше. Глаз тоже немного стух, но все еще был полузакрыт. Признаков сотрясения не было, хоть голова и побаливала.

Стало быть, кости целы. Серьезных повреждений нет. Травма связок – не такая уж проблема. Могучий организм Зара не раз уже справлялся с подробными неприятностями.

Вдруг в голову стукнуло, что как-никак, а есть определенный плюс в том, что персы дают ему отлежаться в этой маленькой тюремной камере. Вот только неизвестно, сколько его здесь еще продержат.

Посидев немного, Зар снова улегся, обложился соломой и на какое-то время задремал, а когда проснулся, то понял, что спать больше не сможет.

Поднявшись, он походил туда-сюда. Первые шаги давались с трудом, но вскоре стопа стала работать лучше, и он стал ходить, хоть и хромя, но довольно сносно. Он знал, что большую нагрузку давать нельзя, потому наметил себе задачу пройти тридцать кругов по периметру камеры.

Завершив прогулку, Зар остановился на середине камеры и сделал несколько приседаний на здоровой ноге. Потом вернулся к соломе, лег на нее, и, закинув больную ногу поверх здоровой, стал аккуратно ее поглаживать от кончиков пальцев к середине голени. Так Фазан учил сгонять отеки по лимфатическим сосудам. Через десять минут Зар почувствовал, что объем стопы в самом деле стал меньше.

Оставив ногу в покое, Зар задумался. Теперь можно было восстановить в памяти всю последовательность происшедшего, разложить все по полочкам.

Зар попытался заново пережить тот момент, когда бежал по задымленному помещению к Елене, которая собиралась открыть дверь в пылающий зал. В памяти снова возникло лицо черноокой красавицы с пирсингом в носу и татуировками на висках.

Потом вспомнился неудачный разговор по рации. С кем-то ему тогда все же удалось переговорить. Женский голос, отчетливо прозвучавший в тишине. «Не уйдешь – кровь прольешь. А уйдешь – один хрен умрешь».

Затем Зар попытался как можно детальнее воспроизвести в памяти разговор с Дмитрием Максимовичем и Еленой, а также предостережения Сраоша.

Старик сказал, что позже станет вводить в курс дела, но этого «позже» так и не случилось.

Девушка поведала больше. Но, когда она стала объяснять механизм перемещения в прошлое, то подчеркнула, что обстоятельства, побудившие совершить его, к данному разговору не относятся.

Чего ради понадобилось современникам Зара добровольно вторгнуться в историю этих дикарей? Кто они? Ученые-историки? В таком случае они должны располагать возможностью вернуться назад. Но что, если у них другие цели?

Допустим, тебе удастся каким-то образом выбраться из этих стен и встретиться со стариком. Неужели первое, о чем ты попросишь, это как можно скорее отправить тебя в будущее для того, чтобы вернуться на работу, переселиться в общежитие и зажить прежней жизнью? Черта с два! Прежде чем это произойдет, ты должен заставить старика

рассказать, что за дела тут творятся. Шутка ли? – русская девчонка, твоя землячка, преодолевая трудности, отправляется в глубины истории, чтобы разобраться с какой-то тайной, а ты, закинутый сюда по случайности, пытаешься удрать, как трусливая крыса! Ох, приятель, как же ты глупо себя вел, когда требовал указать тебе дорогу к метро. Просил Елену предоставить доказательства? На-ка вот, получи вдоволь! Стоило ли тебе ради этого со стариком драться? Да уж, герой, ничего не скажешь. Смешно же ты выглядел, однако.

Но Зар не стал изнурять себя самобичеванием, поскольку не имел к этому привычки. Неожиданно все, что произошло, представилось ему в ином свете. Да, конечно, он был избит, ему пришлось убежать и прятаться, и даже побывать на жертвенном костре, но, будь он хоть немного сознательнее, прояви чуть больше смекалки и дальновидности, всего этого легко было бы избежать. Как ни крути, а он – человек из будущего, бывший воин российской армии, которая в миллион раз превосходит медное войско аборигенов. Ясное дело, тут ему не собрать своими руками компьютер или электрогенератор, но какими-то полезными знаниями он, безусловно, все же владеет. А ведь разбирайся он и в истории древнего мира, то мог бы еще и пророком здешним устроиться, или хотя бы ясновидцем каким-нибудь.

Последнее открытие его развеселило, и он начал вспоминать какие-нибудь имена древности. На ум пришли Александр Македонский и Геродот, отец истории, но имели они какое-то отношение к текущему времени или нет, Зар не ведал.

Почувствовав, что замерзает, он сел и принялся растирать тело пучком соломы, но после вчерашнего растирания на коже остались мелкие царапинки, и теперь повторять процедуру было неприятно. Тем не менее, он растирался до тех пор, пока не разогрелся.

Нет, напрасно ты себя тешил надеждой на то, что они отнеслись к тебе, как к привилегированному преступнику, сообразил он. В этом случае ты обязательно получил бы от них какое-то тряпье, но ты сидишь в сырой камере голый, как жалкий, презренный раб.

Тут-то Зар и увидел свечение на стене.

Как и в прошлый раз, сначала стену прорезал тонкий луч. Сперва он казался бледно-голубоватом, но потом в нем отразился весь спектр радуги. Нижний конец светился красным, он плавно переходил в желтый, затем через зеленый в синий и на вершине заканчивался фиолетовым. Постепенно верхушка расширилась и закруглилась, а затем одна за другой ниже стали появляться кружки-узелки – все разных цветов. Вокруг каждого из узелков появилось свечение. Мало-помалу оно стало расширяться, и вот в его пределах начали вырисовываться контуры человеческого тела – голова, плечи, руки.

Несколько секунд Зар смотрел, как замороженный, а потом вдруг мелькнула мысль, что в муку, из которой была выпечена лепешка, подмешали каких-то трав, что галлюциноген ему подсунули для того, чтобы легче было вести допрос.

Не успев сообразить, что сказать на допросе по сути-то ему нечего, да и языковой барьер не позволит состояться самому допросу, Зар решил, что надо срочно согнать наваждение, не позволять наркотику овладевать сознанием.

Он вскочил, зажмурился, принялся растирать руками лоб и виски, а когда открыл глаза, то увидел, что светящийся человек по-прежнему стоит перед ним, и даже приблизился на шаг, и что по его контурам теперь легко можно узнать Дмитрия Сергеевича.

Голограмма, сказал себе Зар, все еще прислушиваясь к внутренним ощущениям. Никаких признаков наркотического воздействия он не почувствовал, хотя кто знает: бывает, наверное, и так, что различить, под кайфом ты или нет, невозможно. Как бы там ни было, он не рискнул потрогать видение рукой: что, если оно электрическое, вроде шаровой молнии?

И тут, словно в подтверждение его слов, послышалось легкое потрескивание. Такое бывает, когда стаскиваешь с себя синтетическую водолазку.

Голографический Дмитрий Сергеевич заговорил, – вернее, стали двигаться его усы и борода, а голос звучал в голове Зара, и интонацией он не походил на обычную человеческую речь.

«Есть шансы на ваше спасение, – прошелестело в голове. – Шансы небольшие, но есть. Вы должны меня внимательно слушать и делать все так, как я скажу. Если я вас не смогу научить тому, чему должен, вы не сможете оправдать свое присутствие в Аншане и умрете».

Голос был нефизическим, едва различимым. По правде говоря, Зару казалось, что он сам произнес эти слова в своей голове, и он бы даже предпочел бы себя в этом убедить, если бы мерцающее изображение не смотрело так пристально на него своими огненными глазами.

– Слушаю, – выдохнул Зар.

На всякий случай он отступил к стене.

Горбоносое, бородатое привидение внимательно себя осмотрело. Затем стало перемещаться по камере. Должно быть, изучало место, где очутилось. Несмотря на свечение, которым оно обладало, Зар не смог увидеть ни стен камеры, ни двери. Привидение освещало только само себя. Найдя удобное место, пришелец остановился.

«Вы раздеты, – констатировал он. – Увы, тут такие правила: у арестантов отбирают хитоны. Я в настоящий момент не могу вмешаться, это вызовет подозрения. Слишком опасны мои враги. Особенно мерзавец Нахат... Стоит ему прослышать о моих делах, тут же ищет возможность навредить. Но вижу, вы нашли способ кое-как согреться. Слава Ахурамазде. Теперь о важном. Переход во времени изменил вас, открыв кое-какие способности. Я имею в виду то, что произошло вчера возле оврага, за Восточным Поселением. Гам намеревался вас сжечь, но вы продемонстрировали доказательство, что являетесь существом высшим по отношению к нему. Это значит, что он, обычный солдат, хоть и возведенный в офицеры после одной из битв с мидийцами, не может приносить вас в жертву богу Варуне, которому поклоняется».

– Варуне? – переспросил Зар.

«Да. Это арийский бог, в которого верует основная масса народа за исключением исконных обитателей Аншана – темнокожих эламитов. Иногда Персы приносят в жертву Варуне своих пленников. Вы оказались Гаму не по зубам. К счастью он вовремя это понял».

Нет, это точно не галлюцинация, решил Зар. Мой мозг не мог бы сам такого придумать.

Нога заныла. Зар, сделав шаг к стене, опустился на солому и приготовился слушать, что еще скажет пришелец.

Старик долго буравил Зару выпуклыми глазами, а потом произнес:

«Прежде всего, нам необходимо узнать, насколько сильно проявлены ваши способности. Когда вас перебросило в прошлое, в самый момент скачка, физические законы в связи с обратным ходом времени действовали на вас иначе. Они не разрушили вас, а сделали сильнее. Таким образом, вы до некоторой степени уже подготовлены к тому, чему я собираюсь вас учить».

– Объясните, почему я здесь? – потребовал Зар. – Как отсюда выбраться?

Призрак вновь покинул свое место и медленно двинулся навстречу. По мере приближения фигура старика утрачивала эфемерность и все больше приобретала материальный облик. Когда призрак был в полутора шагах, он опустился на одно колено, и глаза их оказались почти на одном уровне.

«Взгляните-ка».

Старик поднес палец к точке между бровей. Зар механически глянул на глубокую вертикальную морщину над массивным носом старика. Успел испытать неловкость от необычной ситуации, хотел даже ухмыльнуться или фыркнуть, но тут, беззвучно разорвав пространство, прямо перед ним распахнулась воронка.

Это произошло неожиданно, – Зар не успел ничего предпринять. Вдруг он перестал ощущать опору и начал проваливаться в пространство.

Сначала оно было черным, затем окрасилось в синий, стало переливаться серебристыми оттенками. Глубина начала с жадностью поглощать Зара. Он несся все быстрее и быстрее, а синева впереди становилась все ярче и ярче, пока не засияла так ослепительно, что захотелось крикнуть. Зар попытался зажмурился, но у него не вышло. Не было век, и даже самих глаз и потому приходилось терпеть это фантастическое сияние, которое было едва уже выносимо.

Свет терзал. Там, где должна быть голова, начала пульсировать мучительная боль.

Скорость по-прежнему увеличивалась, а синева стала до того яркой, что казалось, еще чуть-чуть, и эта яркость расплющит его, разорвет на куски, распылит по этому нестерпимо слепящему пространству.

Зар попытался закричать, но рта не было, и крик замер где-то внутри него самого. И тогда он сделал то единственное, что ему оставалось: устремил взгляд несуществующих глаз в сверкающую синеву, которая была ярче солнца. Так вперил – будто нырнул. И спустя секунду свет перестал казаться таким мучительным.

Еще немного терпения, и вот Зар уже окончательно привык к сиянию. Пространство стало намного шире. Теперь Зар смотрел в самое жерло вулкана, где таилась великая мощь огня, еще не вырвавшегося из недр. Огонь! Целый океан огня! Зар чувствовал эту мощь, но сейчас она не представляла для него никакой опасности. Волнение внутри начало медленно, неуклонно отступать. Зар понял, что он увидел то, что старик хотел показать ему. Я вижу! – крикнул он беззвучно. И тогда кто-то сильным толчком отправил его обратно в камеру.

Зар качнулся назад и больно стукнулся затылком об стенку.

– Блин! – прошептал он, потирая ушибленное место. – Что это было?

– Подобные опыты не могут быть объяснены словесно, – сказал старик. Теперь он, хоть и светился в темноте, как будто внутри него находилась яркая лампа, но был настолько реальным, что у Зара не было сомнений в том, что если он протянет руку, то наткнется на плотную материю.

На лице старика было выражение сомнения, словно он не мог решить, с чего же начать рассказ.

– У вас случайно в роду цыган не было? – вдруг спросил он, но тут же широко улыбнулся и сам себе возразил: – Что за глупости я говорю. Все ваши предки были северными славянами. Это у вас на лице написано. Но откуда столько силы? Вы были адептом. Вас кто-то уже тренировал.

Зар не знал, что ответить.

– Может, и тренировал, – предположил он. – Я в школе спортом занимался. Айкидо.

– Что это? Борьба? – Старик покачал головой. – Нет, я о другом. Кто-то объяснил вам, что такое *сила*?

– Это что-то с Ньютоном связанное? Наверное, объясняли... Только я не помню сейчас толком, что это такое.

– Нет, мой дорогой, я говорю не о механической силе. Я говорю о силе огня Светлого Атара. Той, что внутри нас. Вы только что воспользовались знанием. Увидели силу. Если вы способны ее видеть, значит, умеете нею управлять. Вам понадобилось всего несколько секунд, чтобы сориентироваться и сообразить, что надо делать. Должен вам сказать, что несколько секунд – это слишком много. Даже не так: это недопустимо много. За это время враг мог бы вас сотню раз уничтожить, но это был только эксперимент, и вы с ним справились, а это главное. Итак, вас никто не учил.

– Значит, никто, – согласился Зар. – А что это за враг?

– Об этом чуть погодя, – сказал призрак. – Мда... Мне было бы проще, если бы оказалось, что с вами кто-то работал. Я ведь так и подумал, когда узнал о том, что произошло в Восточном Поселении. Впрочем, вижу, что ничего такого в вашей судьбе прежде не было.

– Послушайте, а нельзя отсюда удрать как-нибудь?

Призрак покачал головой.

– Почему меня схватили? – спросил Зар. – Вы ведь говорили, что я буду в безопасности.

– Я предупреждал вас, что по ночам комендантский час в связи с тем, что в городе военное положение. Вас заметил кто-то из жителей, когда вы шли со Сраошем ночью, и рано утром сообщил страже. Вас схватили, но вам удалось каким-то образом бежать. Вы весьма сильны физически, раз сумели такое совершить. Я знаю Гама, которого вы отлупили. Вообще-то он дерется как лев. С ним был мой ученик и хороший знакомый Асти. Он рассказал мне, как все произошло. Я поражен вашей смелостью.

– А как поступили со Сраошем?

– Его отпустили. Между нами говоря, Сраоша считают помешанным. Соседи заявили, что он не в себе, дали показания. На самом деле Сраош обладает способностью ясновидения. Когда-нибудь вы узнаете его историю, но сейчас у нас мало времени.

И он стал проговаривать Зару слова на арамейском языке, объяснив, что арамейский – это язык дипломатов, летописцев и государственной документации.

Зар начал повторять за ним. Вскоре он выучил три десятка слов, которые ему понадобятся, чтобы объяснить на допросе, что он пришел с севера, что цель его визита – не покушение на представителей власти, а устное послание, которое северные волхвы хотят передать царю Сурвану. Так же Зар скажет, что говорит на языке уров, но никто все равно не знает языка уров, и потому призовут лекаря Митру, так как во всем дворце в знании языков нет ему равных, а уж язык уров не может быть известен никому по той причине, что такового не существует. Но Дмитрий Максимович знает, что сказать в случае, если его пригласят на допрос. А Зару останется говорить по-русски все, что ему придет на ум.

– Вы уверены, что вас пригласят, после того, как я скажу, что говорю на языке этих самых уров? – спросил Зар.

– Нет, не уверен, – ответил старик. – Чтобы заставить военный суд немного подумать, прежде чем отправить вас на казнь, они должны увидеть кое-какие подтверждения вашей причастности к северным волхвам.

– Но как я смогу доказать то, чего нет?! – воскликнул Зар.

– Не торопитесь паниковать, мой дорогой. Для этого я и здесь. Обещаю, что сделаю все возможное, чтобы выручить своего земляка. – Он ободряюще усмехнулся. – Жаль, что когда вы так ловко сбежали от Гама, вместо того, чтобы поскорее добраться до Храма Огня, где я вас ожидал, вы направились в сторону Восточного Поселения.

– Вначале я хотел выехать за город. Потом передумал. У меня травма ноги. Мне нужно было какое-то убежище. Я предполагал, что смогу где-нибудь пересидеть, чтобы потом, ночью, добраться до вашего храма. Но все вышло не так, как я хотел.

– Насколько серьезна травма? – озабоченно спросил Дмитрий Максимович.

– Уже лучше, – ответил Зар. – Но еще несколько дней буду хромать. Когда меня поведут на допрос?

– Только лишь освободятся офицеры, участвующие в военном суде. Сейчас они заняты допросом сорока восьми пленников, которых привел Ханра. – Старик помрачнел. – Царевич вернулся из Египта, а по пути захватил группу мирных жителей в одном из эламских сел. Ханра заявил отцу, что эти люди якобы пытались совершить на него покушение, когда он остановился близ их села. Это ложь, и мне это достоверно известно. На самом деле Ханра привел с собой крестьян лишь для того, чтобы казнить их на глазах у города с целью устрашения. Этим он заявит эламской общественности, что выздоровел и

готов вместе с братом, наравне с ним, принять ответственность за Новую Персию. Пленников царевича судят быстро. еще день-два – и офицеры снова смогут приступить к повседневной деятельности.

– По-моему, я его видел, – сказал Зар. – Этого царевича. Он носит на лице маску. Так?

– Да, – кивнул старик. – Потому что лицо Ханры обезображено ожогами. С детства царевич страдает приступами ярости. Однажды в таком состоянии он бросился в огонь, который на кухне развел повар, чтобы сварить баранину. Царевич изрядно обгорел. Я сам накладывал повязки с мазями ему на лицо и до сих пор помню, как опасался за его жизнь. Тогда я не знал, что Ханра вырастит таким чудовищем.

– Дмитрий Максимович, у меня вопрос. Какие подтверждения я должен дать тем, кто меня допрашивать станет?

Старик усмехнулся и медленно произнес:

– Вы должны убедить их в том, что вас послали северные волхвы. Надо кое-что им показать.

– Что именно?

– Пустяки. – Дмитрий Максимович вытянул перед собой руку и нарисовал в воздухе огненный круг.

8

После этого старик приступил к осмотру ноги Зара. От прикосновения призрачной руки по коже побежал холодок и покалывание. Почти тотчас боль стала отступать, словно старик сделал в ногу несколько уколов новокаина.

– Для того чтобы произошло окончательное восстановление, понадобится около суток, – сказал Дмитрий Максимович. – Завтра вы сможете бегать.

Зар был так ошарашен, что забыл поблагодарить. Он ощупывал ногу, чувствуя, как отек и впрямь спадает. Да и в голених боль стала меньше. Вот это чудеса!

– Теперь первый урок работы с огнем, – суровым тоном сказал старик. – Прежде всего, вы должны усвоить, что огонь живой. Огонь есть внутри каждого, и наша с вами природа – тоже огонь. Но люди не умеют ею управлять, и закоулки сознания мешают им добраться до сути. Прежде чем научиться видеть природу огня мгновенно, вы должны протоптать в своем сознании дорожку. – Тут он выставил указательный палец правой руки, и на его кончике вспыхнул огонек – точь-в-точь, как пламя зажигалки. – Внимательно следите за его границами.

Зар уставился на огонек, и тотчас пылающая капелька превратилась в шарик. Прямо на глазах он стал увеличиваться, пока не достиг размеров крупного яблока. Да он же обожжет руку старику! Зар вздрогнул, шарик дернулся в ответ, и тут же огонек вернул себе первоначальную форму.

Старик потер руку. Вид у него был удивленный.

– Я что-то не то сделал, да? – спросил Зар.

Дмитрий Максимович вновь выставил палец и вызвал огонек.

– Пирокинез, – сказал он. – Если не научитесь контролировать себя и управлять этим процессом в совершенстве, рискуете в один прекрасный день сжечь себя дотла. Наличие у вас способностей управлять огнем дают мне повод предположить, что из вас может выйти довольно сильный маг.

– Ну, нет, – фыркнул Зар. – Сказки про Гарри Поттера не для меня.

– К сожалению, я не знаю, о ком вы говорите, – вздохнул Дмитрий Максимович. – Если о литературном персонаже, то должен заверить вас, что магия – вовсе не фантастика. В землях Элама и на прилегающих территориях маги – не редкость, однако по-настоящему сильных среди них очень мало. Видите, вокруг огня есть тонкий

золотистый лимб? Это аура. Все, что от вас требуется – наблюдать за ней. Не вступайте в общение с огнем до тех пор, пока не выучите его язык. Просто смотрите и все.

– Как?

– Так, словно не знаете, что это такое. Не старайтесь ничего понять. Забудьте о том, что вам от огня может быть какая-то выгода. Не пытайтесь мысленно его использовать. Только смотрите.

Зар повторил попытку. Но прошло не больше двух секунд, и огонек снова округлился и начал раздуваться, как мыльный пузырь.

Стоп! – приказал себе Зар и посмотрел на Дмитрия Максимовича.

– Ничего, – успокоил старик. – У некоторых целые годы уходили только на то, чтобы заставить пламя свечи вздрогнуть. А в вас уже многое заложено, надо лишь отделить зерна от плевел. Попробуем снова. Вот огонь. Смотрите на него глазами младенца. Представьте себе, что вы в жизни еще не видели подобного явления.

Зар сел удобно и попытался посмотреть так, как велел старик.

На этот раз он заставил себя забыть о том, что такое огонь, как он ведет себя и чем он может быть полезен людям.

Вот мерцающее пятнышко, сказал себе он.

Когда-то Фазан толковал о созерцании – этапе, предшествующем медитации. Пялишься себе в точку, нарисованную на стене, и при этом как бы отключаешь все мысли о ней.

Смотришь, как в первый раз.

Глазами младенца.

Это просто, хоть и непривычно.

Смотри, и ни о чем не думай.

И вдруг...

(это случилось как раз между выдохом и вдохом)

...в один миг Зар увидел много такого, о чем не ведал раньше.

Маленькая, заостренная кверху сущность была частью великой энергии. Она носила в себе все ее свойства. В ней скрывались неудержимая мощь и стремление побеждать. Быть всегда впереди и в начале. Совершать невозможное. Сгорать дотла, не задумываясь о том, чтобы оставлять запасы на неопределенное будущее. Исчезать для того, чтобы вспыхнуть вновь. И все это вызывало чувство приятия в душе Зара. Было еще что-то в этой сияющей сущности – способность проникать внутрь вещей и очищать их.

То, что находилось на кончике пальца старика, было живым и обладало разумом. Зар каким-то внутренним движением дал ему понять, что чувствует это. Тотчас сущность оторвалась от пальца и поплыла по воздуху к Зару, теряя форму и превращаясь в шарик, и теперь это Зара уже не смущало

Он позволил пылающему шарiku коснуться лба, и тут же свет и тепло огня наполнили его.

В следующую секунду что-то вырвало его из этого состояния.

Вокруг была непроницаемая темнота, а из-за двери доносился шум, слышались голоса.

– Дмитрий Максимович, – шепотом позвал Зар, но ответа не было.

Он встал на ноги (стопа заметно перестала болеть, сустав работал лучше), и приготовился встречать гостей.

Дверь распахнулась, и в тусклом свете свечи блеснуло два острых наконечника. Затем между ними просунулась рука, держащая свечу, показалось лицо, вернее его нижняя часть с бородой.

Допрос?! Но он еще не освоил тот фокус, которым должен убедить персов, что пришел с севера.

Зар начал вспоминать недавно заученные слова. Память не подвела, и он стал мысленно выговаривать на арамейском, что принес весть царю и что говорит на языке уров.

Убедившись, что пленник стоит далеко, ратник в своих доспехах с трудом протиснулся в узкий дверной проем. Рыжебородый!

Вслед за ним вошло еще двое. У обоих в руках дроты. За дверью остался еще кто-то.

Рыжебородый Гам ухмыльнулся и что-то сказал спутникам.

– Меня послали северные волхвы, – сообщил Зар. – Я принес послание.

Возможно, его арамейский был еще слишком плох. А может, ратники не владели им? Они переглянулись и лишь покачали головами. Гам передал свечу соседу и положил массивную кисть на рукоять меча.

Втроем на одного, – подумал Зар, стискивая зубы. А старик говорил, что этот болван – герой. Да тут же и развернуться негде с его железякой.

Рыжебородый вытащил меч. Зар напрягся, но меч перекочевал ко второму соседу.

Спутники Гама прижались к стене, освобождая пространство, а сам он, выставив вперед руки, сжал кулаки.

А вот этого я тебе тоже не советовал бы, – подумал Зар. – Посмотри на меня. Я ведь моложе и быстрее. И теперь моя нога почти здорова. И я совсем не хочу тебя бить.

Он даже не поднял руки, чтобы занять стойку.

Гам метнулся внезапно, обе руки его двинулись в ударе – так, чтобы один кулак угодил Зару в лицо, а другой в живот. Зар успел скользнуть в сторону, пропуская мимо себя здоровяка. Продолжая двигаться по инерции, тот стал разворачиваться, но Зар рубанул его ребром ладони по ребрам, а, когда Гам согнулся пополам, наподдал еще раз по шее. Затем шагнул в противоположный угол и, обращаясь к остальным, быстро выговорил по-арамейски заученные фразы:

– Я от северных волхвов. Принес устное послание царю Сурвану. Я не собираюсь ни на кого покушаться. Говорю на языке уров. Позовите кого-нибудь из высших чинов. – И добавил по-русски: – Хрен бы вас побрал.

Персы его не понимали, как ни отчетливо он старался произносить слова. Тот, что стоял слева, быстро направил на Зара меч, а тот, что справа, не имея возможности пользоваться дротом из-за нехватки пространства и из-за того, что в одной руке держал свечу, выставил дрот под углом и что-то угрожающе выкрикнул.

– А чего? – спросил Зар. – Он же первый полез.

Тут заговорил тот, что стоял за дверью. Среди произнесенных им слов, Зар явственно различил «северные волхвы», сказанное на арамейском.

– Вот-вот! – обрадовался он и снова выпалил все, что знал: – Я из северных волхвов! У меня послание! Для Сурвана!

Гам поднялся и хотел было снова кинуться на Зара, но спутники вдруг изменили свое отношение к происходящему. Они начали кричать наперебой. Тот, что был справа, передал второму свечу и загородил собой проход к Зару.

Гам свирепо выругался, забрал свой меч и, загремев доспехами, нырнул в нору дверного проема.

Остальные последовали за ним.

– Фуф! Пронесло! – прошептал Зар, когда дверь захлопнулась.

Он уселся на солому, подождал, пока сердце перестанет колотиться, и тихонько позвал:

– Дмитрий Максимович, где вы?

Вопреки ожиданиям, старик не появился тотчас из стены. Прошло не меньше получаса, пока Зар понял, что ожидает напрасно. Теперь Дмитрий Максимович занят другими делами. Он вернется, в этом нет сомнения, но не сейчас. А как жаль. Ведь Зар так

и не научился рисовать огненный круг. И что будет, если внезапно дверь откроется, и его поведут на допрос?

Вытянув перед собой руку, Зар нарисовал в воздухе круг. Но это был всего лишь невидимый круг, начертанный невидимой рукой в абсолютной темноте.

Может, старик ему просто привиделся? Зар снова вспомнил про лепешку, в которой могли оказаться наркотические приправы, но все это было глупостью. Старик в самом деле приходил и научил его нескольким фразам на языке этого времени. А еще подлечил. Чтобы удостовериться в этом, Зар снова потрогал ногу и воскликнул от радости. Отека не было!

Посидев еще с полчаса и приведя мысли в порядок, Зар поднялся и начал делать дыхательную гимнастику, с которой начинал любую тренировку. Когда тело наполнилось ощущением энергии, он сделал растяжку и произвел несколько комплексов упражнений, но толком позаниматься не вышло: потолок мешал. Тогда он начал отжиматься от пола. Совершив шесть подходов по пятьдесят отжиманий, Зар почувствовал, как мышцы рук и груди ожили. Кровь разогнала адреналин, который образовался в ходе навалившихся стрессов. Даже голова прояснилась.

Он вернулся к своему соломенному ложу, улегся. Что будет, если Дмитрий Максимович сможет убедить царя, что Зар тот, за кого себя выдает? Старик так и не сказал, что за послание передали скверные волхвы, да и кто они вообще такие. Зару представились седые старцы в длинных одеждах, сидящие вокруг костра где-нибудь в подножии холма, в уютном уголке, окруженном валунами. Журчит среди трав ручей. А недалеко – сосняк, рядом с ним – березовая роща, за нею буераки, а на горизонте – холмы, покрытые хвойным лесом. И вообще – русский пейзаж.

Ладно! Не к месту ностальгия. Зар закрыл глаза и задремал.

Его разбудил звук открывающейся двери.

Допрос?

Но это оказался охранник с очередной лепешкой. На этот раз вместо воды было молоко. Видать, таки впечатлили персов слова, сказанные на арамейском.

Насытившись, Зар побродил по камере. Страх, тревога отошли окончательно, сменившись скукой. Сколько же его тут будут держать? Старик сказал: до тех пор, пока военный суд не разберется с пленниками царевича Ханры. Зар вспомнил вереницу темнокожих мужчин, закованных в цепи и понуро шедших за кибитками.

Выходит, этот царевич Ханра был ненормален? Страдал какими-то припадками? А потом ездил в Египет лечиться. Много же тут помешанных: и царевич, и Сраош. Кто еще? Зар стал вспоминать случаи сумасшествия, которые произошли со знакомыми ему людьми, и насчитал не меньше восьми. Чего же удивляться, тут-то жизнь никак не легче, а значит и психов должно хватать.

Луч света появился неожиданно и беззвучно, как и в первые два раза.

Когда старик шагнул в пустоту камеры, Зар радостно вскочил на ноги.

– Приходили рыжий и с ним еще люди, – сообщил Зар. – Рыжего я завалил, а остальные вняли голосу разума и просто ушли. Если бы вы не обучили меня тем несколькими словам, пришлось бы туго.

– Стало быть, Гам не уgomонился, – вздохнул старик и добавил, слегка нахмурившись: – Каламбур вышел. Вы не пострадали, Назар?

Зар покачал головой.

– Слава богу. Вам привет от Елены. Она переживает за вас. К сожалению, не могу передать сквозь стену ничего из пищи. Этого я не умею.

– Мне давали лепешку и молоко.

– Чудесно. Выходит, все не так уж плохо. Ну, не будем терять времени.

– Не будем, – согласился Зар и, сев на солому, приготовился к тому, что сейчас они повторят эксперимент с огоньком, но старик остался стоять. Он сказал:

– Чтобы многое понять, дорогой мой, требуется достаточно мужества. То, что мы сейчас с вами делаем, мелочь в сравнении с океаном возможностей, заложенных в человеке.

Старик шагнул вперед и сразу сделался материальным.

– Этот мир принадлежит двум великим силам, и между ними идет война за лучший кусок, – сказал он. – Обе силы есть зло. Только одна из них – большее зло, а другая – меньшее. Тот, кто отказался от бездействия и стал на путь борьбы, так или иначе должен примкнуть к одной из сил. От его выбора будет зависеть исход пути.

Старик пристально посмотрел на Зару.

– До того, как попасть в Элам, я жил в Советской России, – продолжал он. – Там за всякую попытку борьбы с мировым злом людей жестоко наказывали. Карающая рука советской власти задела и меня. Но я сам виноват. Я двигался на ощупь, как слепец. Ошибки стали причиной невзгод. Прежде чем ответить на многие вопросы, мне пришлось пройти трудный путь совершенствования, повстречаться с некоторыми из хранителей древних знаний и теми, кто видит потустороннее. И все же, если бы выпал шанс пройти через все испытания заново, я пустился бы в путь, не раздумывая.

Он сделал еще шаг, и Зару пришлось задрать голову. Старик развел руки, поднял их к потолку. Из ладоней стали вылетать и двигаться навстречу друг другу плоские, похожие на пылающие монеты, огоньки.

– Когда вы заговорите с огнем на его языке, вы поймете, что вся природа состоит из огня. Материя, мысли и чувства – это тоже огонь. Тогда вы сможете демонстрировать его чистую энергию так же легко, как гнев или улыбку.

Он присел на одно колено, как и в прошлый раз.

– Вы – правша? – спросил Дмитрий Максимович.

Зар кивнул.

– В таком случае будьте любезны, вытяните перед собой правую руку.

Зар выполнил то, что было сказано.

– Ладонью вверх, пожалуйста. Вот здесь, в самом центре, на пересечении двух линий, находится точка Хора. Чувствуете? – Зар мог видеть только руки старика, а свои – ощущать. – Сделайте так, чтобы из этой точки появилась искорка, маленький огонек.

– Как? – удивился Зар. – А теория? Ведь вы меня этому еще не учили.

– И, тем не менее, вы уже знаете, как это делать, мой дорогой, – ответил старик. – Попробуйте. Только будьте осторожны. Ваши способности велики по сравнению с умением их контролировать.

Да уж, подумал Зар и посмотрел на ладонь, вернее в темноту. Какие-то ощущения ему уже знакомы. Огонь – живое существо, с ним можно слиться воедино, он входит внутрь тебя, согревая, его можно оттолкнуть от себя, можно превратить в шар, но вот так запросто заставить загореться на руке! – верно, это задача потрудней.

Зар сконцентрировался, стал воображать, что огонь уже горит. Ему казалось, он и впрямь чувствует жжение в ладони. Но огня не было.

– Может, научите меня более простому фокусу? – предложил он.

– О каких фокусах вы говорите? – недовольным тоном спросил Дмитрий Максимович. – Фокусы – это обман зрения. А демонстрация огня – это как разумный ответ на вопрос вашего собеседника. Маг говорит на разных языках, в том числе на языке огня.

Ответ? Зар встряхнул рукой, словно от этого, огню легче будет выйти из кисти, и снова сосредоточился.

Что значит: говорить на языке огня?

Давай, огонь, выходи. Загорись, запыхай, вспыхни, только не обжигай меня.

– Нет, не получается, – сказал Зар через несколько минут. Он даже вспотел от усилий. – Когда была опасность я как-то случайно смог отогнать огонь. И в наших

прошлых опытах я его чувствовал, но сейчас это мне не под силу. Скажите, что нужно делать. Может, дыхание специальное должно быть или еще что? Какой механизм?

Старик покачал головой.

– Когда вы улыбаетесь, вы ведь не используете для этого специальную технику, просто губы растягиваются сами собой, верно? Точно так же и с демонстрацией огня.

Значит, просто, как улыбка. Ответ собеседнику. Ну, как же. Ну, разумеется. Если мага о чем-то спрашивают, он просто протягивает руку, и на ней тут же вспыхивает огонек.

Зар убрал руку, потом выставил – и...

Ничего не изменилось.

Снова убрал и выставил. И опять ни черта не выходит. Тьфу ты! Да так хоть всю ночь промучиться можно. А толку?

Зар покосился на Дмитрия Максимовича. Тот терпеливо наблюдал за манипуляциями. Когда же он действительно начнет учить? Зар уже уяснил, что вопросы задавать бесполезно и решил подождать. Может, все-таки надоест старику смотреть на его муки, и он, наконец, объяснит, в чем секрет.

Прошло не меньше четверти часа. Рука уже начала уставать от этого положения «подайте Христа ради», а никакого прогресса не наблюдалось.

Неожиданно Зар спросил:

– А вам-то как удалось этому научиться?

Старик усмехнулся. Переменив позу, он сказал:

– Хорошо. Я расскажу вам кое-что о себе, но вы не прекращайте занятия.

Зар кивнул. Он только немного потряс кистью и продолжил тренировку.

– Я родился в тысяча девятьсот первом году в городке Зубцове Тверской губернии, – сказал старик. – Дед мой был оседлым цыганом, работал на кузне, бабка была гадалкой. Дед мой был высок, и силен, как медведь, от него и у меня высокий рост; а бабка моя умела видеть будущее. Вот она-то первой и заволновалась обо мне, смекнув, что ей не видны мои зрелые годы. Помню, то и дело совершала надо мной всякие заклинания, но так и не могла ничего изменить. Отец мой окончил среднюю школу, пел в хоре и неплохо зарабатывал. У меня, как и у любого другого цыганского мальчишки, в детстве было предостаточно свободы. Рос я великим озорником, и нередко это оборачивалось для меня неприятностями. Однажды грохнулся с голубятни, сломал ногу; в другой раз меня сбила лошадь, тогда вообще чуть не погиб. Родные, а особенно бабка, очень волновались, как бы я невзначай себе шею не свернул, но заставить меня сидеть на месте им было не под силу. Как-то неподалеку от Зубцова табор стоял, и бабка сводила меня к колдуну. Тот за золотое кольцо заговорил меня от увечий и в конце произнес странную фразу: «Заговор будет действовать до тех пор, пока твое имя не будет произнесено вне времени». Верите или нет, но с тех пор не было ни одной серьезной травмы; любые попытки покушения на мою жизнь – а их было предостаточно! – всегда заканчивались ничем. Когда мне стукнуло восемь, отец продал дом и перевез семью в Москву, где ему помогли устроиться в цыганский хор знаменитого «Яра», принадлежавшего в ту пору купцу Алексею Судакову. Была у нас тогда приличная квартира на первом этаже двухэтажного дома, имелась небольшая библиотека, и у нас была своя горничная. Помнится, все как-то изменилось, чувствовали себя интеллигентами, – даже я, лопоухий юнец, стал не таким проказником. Отец отдал меня в гимназию и музучилище, хотел в будущем видеть преподавателем музыки. Неизвестно, каким образом мои интересы направились на штудирование наук, но в особенности меня заинтересовала история. Как раз в ту пору в руки впервые попала «Авеста», священная книга зороастрийцев, перевода тысяча восемьсот семьдесят третьего года профессора Лебедева, а с нею большая статья. Вот тогда и начались у меня сны, в которых я видел себя жрецом в хитоне, проводящим ритуалы огня. Вскоре судьба, точно по случайности, свела меня с одним человеком, глубоко знавшим основы зороастризма. Это был приятель

нашего пианиста, Али Карака – гебр, бежавший из Персии. Узнав, что я интересуюсь зороастризмом, он дал мне кое-что почитать из того, что сам перевел на русский. Хотя миссионерство и не принято среди зороастрийцев, но, видать, мой пыл его тронул, и Карака начал со мной заниматься. Уже в пятнадцать я стал искать мобеда, который мог бы совершить надо мной обряд принятия в веру. Но до семнадцатого года мне не посчастливилось встретить в России служителя такого высокого ранга.

После революции все изменилось. Я продолжил обучение, поступил в университет, на факультет истории, и окончил его с отличием. Остался работать на кафедре, защитил диссертацию. Ездил на раскопки в Среднюю Азию и Азербайджан. В Азербайджане я, наконец, нашел себе мобеда, и он позволил мне принять веру. С той поры я стал последователем Великого Учения. После возвращения домой занялся духовными практиками и однажды, изучая древние тексты, наткнулся на фразу: «Невидимый Манью и Светлый Атар заключили договор при свидетельстве Земли». Далее следовало подробное описание условий договора. Я искал ссылки на исторические факты, пытался выяснить, кто такие эти Невидимый и Светлый, но так ничего и не узнал.

Вскоре я женился, появился сын, а через три года дочь. Я стал меньше ездить по командировкам, защитил докторскую. Со временем меня назначили профессором кафедры. Но меня по-прежнему интересовало Великое Учение – не как ученого, а как адепта. Я изучил все доступные мне тексты, и уже не мог пополнить багаж знаний новыми сведениями, но в тысяча девятьсот тридцать девятом случилась командировка в Туркмению, где на раскопках мне попался артефакт. Это были глиняные таблички с письменами, нацарапанными жрецами неизвестного культа, жившими в пустыне. Вот о чем они гласили: «Когда в мире воцарилось равновесие, на землю проник Невидимый Манью – зловещее, кровожадное, не имеющее формы, существо из иного мира. Невидимый хотел сожрать человечество, но ему воспрепятствовал другой пришелец – Светлый Атар, который не был таким кровожадным и вполне мог довольствоваться одним лишь человеческим страхом. Светлый не стремился к тому, чтобы человечество быстро погибло, и вступил в борьбу с Невидимым. Завязалась битва, в которой никто не мог победить. В конце концов, Светлый предложил заключить договор на девять тысяч земных лет, согласно которому в первую треть срока на земле будет править Светлый, вторую треть власть перейдет Невидимому, и, наконец, в последнюю треть в мире будет двоевластие. Светлый Атар надеялся в течение первого периода ослабить силы Невидимого Манью, но тот воспользовался хитростью. Невидимый усыпил Светлого, а сам, сдерживаемый силой договора, предался ожиданию. Пока Светлый спит, Невидимый наблюдает за миром, и только иногда ему удается входить в тела некоторых людей или животных, превращая их в своих рабов, и таких существ называют демонами или дэвами».

Все указывало на то, что «равновесие», о котором говорится в тексте, «воцарилось» в период между началом упадка Египта и приходом в Персию пророка Заратустры. Я полгода потратил на математические вычисления и пришел к выводу, что наиболее вероятной датой окончания первой трети срока можно считать две тысячи двенадцатый год. И тогда Светлый проснется и увидит, как на престол восходит полный сил Невидимый, чтобы с помощью дэвов поработить планету и сожрать человечество.

Старик остановился, чтобы перевести дух.

Зар опустил взгляд и увидел, что на ладони у него горит маленький синеватый огонек.

Это было новое ощущение. Оказалось, что это элементарно. Странно, что пришлось так напрягаться, дабы заставить огонек вспыхнуть. Чтобы зажечь его, вовсе не требуется усилий. Все равно, что подмигнуть кому-то.

Вслед за правой Зар поднял и левую руку, ладонью вверх. Раз! – и теперь уже два огонька горели у него в руках.

Зар победно улыбнулся, а Дмитрий Максимович в ликовании зааплодировал.

– Ну вот, с первым шагом вас, мой дорогой! – радостно воскликнул он. – Теперь у вас есть веское доказательство того, что вы относитесь к касте священнослужителей, теперь вы не разбойник и не дезертир.

Зар почувствовал прилив настоящего восторга, и тут с ладоней фейерверками взмыли вверх два столбика пламени, на секунду осветив камеру. Щеки и уши обожгло, запахло опаленными волосами. Зар инстинктивно сжал руки в кулаки, и огонь сразу же погас.

– Во время работы с огнем надо сохранять контроль над чувствами, – объяснил старик. – На сегодняшний день с вас вполне достаточно. Ни в коем случае не пытайтесь без меня идти дальше. Вы научились демонстрировать искорку. Если на допросе потребуют, чтобы вы предъявили доказательство своей причастности к северным волхам, просто повторите то, что сделали только что. Сможете?

– Пожалуй, – сказал Зар, потирая ладони друг о друга.

– Вот и я так думаю, – кивнул старик.

Внезапно Зар почувствовал усталость. Часть энергии выплеснулась вместе с фонтаном огня, и теперь он ощущал себя так, словно только что совершил марш-бросок километров в семь.

– Вы прилягте, – посоветовал Дмитрий Максимович. – Первые занятия всегда утомляют. Мы добились, чего хотели, и теперь можем не спешить. На дворе ночь, ваш охранник спит, и у меня есть время, чтобы спокойно продолжить свою историю.

Вот что узнал Зар из рассказа старика.

Царь Сурван был первым из великого рода Хакаманишей, по-гречески – Ахеменидов. Традиционной истории он больше известен под именем Кир Великий. Этим именем его называли опять-таки греки. Устные же сказители востока из его образа сотворили мифического отца справедливого бога Ахурамазды и злого духа Аримана. (К выводу о таком многоплановом перевоплощении Сурвана Дмитрий Максимович пришел, находясь еще в своем времени.)

Будучи всего лишь одним из мелких вассалов Эламского царя Набонида, Сурван сумел собрать достаточно большое войско, состоявшее из персов и эламитов Аншана, и неожиданно двинул его на Иштувегу – мидийского правителя, с которым стоял в родстве. Сражение было жестоким, но персы победили, и Сурван превратил Иштувегу в своего собственного вассала.

На ту пору Мидия завоевала все близлежащие земли, и после победы Сурвана вся ее огромная территория отошла в его владение. Вот тогда Сурван и провозгласил себя царем царей, и мир с благоговением воззрел на него.

Но на этом завоеватель не остановился. За несколько успешных походов, на которые ушло почти десятилетие, он расширил свою империю от горной Бактрии на востоке до Вавилона на западе.

Дальше события, виденные Дмитрием Максимовичем лично, и сведения, полученные им ранее из исторических источников, все больше и больше расходятся.

Царь был аскетом, как большинство выдающихся полководцев. Однако когда он пресытился бранной славой и осел в Аншане, его вдруг потянуло к роскошествам. Сурван приказал своим зодчим воздвигнуть города Пасарагды и Персеполь с богатыми дворцами, но сам выезжал туда лишь изредка и основное время посвящал пиршествам и воспитанию сыновей.

Старшего звали Аурам, он был рассудителен, при этом красавец и прирожденный воин. Младшего звали Ханра; он с детства был безобразен и страдал припадками, а после неудачной попытки покончить собой в огне очага, стал и вовсе

уродом. Однако отец одинаково любил обоих и до сих пор не терял надежды на выздоровление Ханры.

Мать Аурама и Ханры была дочерью фригийского царя. Она давно умерла от какой-то неизлечимой болезни. Возможно, это был порок сердца. Дмитрий Максимович никогда ее не видел, но о красоте ее можно было судить по внешности старшего царевича.

Год назад служители неизвестного культа передали царю царей послание, нацарапанное на глиняных табличках. В своем послании они предупреждали Сурвана о нависшей над миром опасности со стороны могучих духов – Невидимого и Светлого. Служители предлагали Сурвану объединить под своим крылом всех жрецов, чтобы общими стараниями сплотить силы земли и изгнать чужаков. Сурван был безбожником и по натуре человеком светским. Получив послание, он не стал ломать над ним голову, а передал его главному жрецу Нахату. Тот отверг их предложение, заявив, что в мире нет богов сильнее Варуны и Индры, и приказал таблички припрятать. Но Дмитрий Максимович успел их увидеть мельком, и он был уверен, что именно их держал в руках спустя много столетий.

Когда в тысяча девятьсот тридцать девятом году профессор узнал о приближающейся катастрофе, то попытался сделать то, что не удалось служителям неизвестного культа. Расчеты указывали, что до начала эры Невидимого оставалось не так-то уж много – даже меньше, чем жизнь одного поколения. Надо было предпринимать решительные действия. По наивности (а может, по воле всеведущей судьбы) Дмитрий Максимович написал Сталину. И тот велел разобраться. Значительно позже профессора посетила догадка, что кровожадный хозяин великой страны – один из самых могущественных дэвов, служитель Невидимого.

Вскоре Дмитрий Максимович был арестован. Он оказался в Зауралье, в лагере строгого режима, где находился до самого своего исчезновения – то есть, до апреля сорок первого года. Много страшных вещей произошло с ним в угрюмом мирке, спрятанном за колючкой. Эки творили жестокие зверства, а надзиратели делали жизнь невыносимой, но сила заговора цыганского колдуна надежно защищала профессора. еще тогда он провел параллель между двумя судьбами – своей и древнеперсидского пророка Заратустры, который тоже был заговорен от насильственной смерти. Все чаще мысли профессора устремлялись к таинственной личности пророка и его деяниям. Что направило Заратустру на истинный путь? И почему он не сумел предотвратить опасность, грозящую миру? Может, всему виной досадные просчеты? Как бы хотел Дмитрий Максимович передать великому пророку послание в прошлое! Увы, ему это было не под силу. И тогда он с новым рвением начал практиковать путь огня, стремясь воссоединиться с силами, которым беззаветно служил.

Со временем у него появилось пятеро учеников из «политических», которые силились выйти по духовной стезе из обступившего их ада. То, что произошло в апреле сорок первого, не было запланировано. Во время ритуала огня ученики, сами того не ведая, помогли профессору переместиться в эпоху Ахеменидов.

Вырвавшись из колючей проволоки, профессор прошиб собой толщу времен для того, чтобы снова угодить в неволю. Правитель небольшого бактрийского селения, где он оказался, принял его за бежавшего раба и велел казнить. Но обстоятельства снова сложились так, что Дмитрий Максимович не смог умереть насильственной смертью: палача в момент казни неожиданно схватил удар, и казнь перенесли на следующий день; затем среди ночи загорелся сарай, где держали пленника, и профессору удалось бежать.

Начались многолетние скитания. Необходимо было как-то выживать. Профессор использовал знания, принесенные из будущего: врачевал, мастерил, совершенствовал сельский инвентарь, а вместе с этим настойчиво тренировал свои духовные способности.

Но однажды судьба совершила поворот. Случилось это девять лет назад, на следующий год после того, как Сурван провозгласил себя царем царей. Это было в Эламе, недалеко от Моста Зимы, построенного Набонидом через реку Дану. Дмитрий Максимович в тот час батрачил, нанявшись к одному богатому человеку. Стояла жара, и на пастбище самопроизвольно случился пожар – вспыхнул ковыль, и обезумевший скот с неистовым мычанием повалил к реке. Не долго думая, профессор шагнул навстречу разбушевавшейся стихии и приказал огню остановиться. В это время за ним наблюдал юный царевич Аурам, стоявший на мосту в окружении свиты. Придя в восторг от увиденного, царевич призвал чудо-пастуха к себе и увел с собой во дворец. Простодушный Сурван принял бродячего чародея и, невзирая на недовольство главного жреца, не приемлющего чужаков во дворце, назначил своим личным лекарем, а юный царевич взял его под покровительство.

Постепенно Дмитрию Максимовичу удалось завоевать авторитет среди знати и еще теснее приблизиться к царю, а с царевичем завести крепкую дружбу. Знание истории помогло правильно предречь несколько важных событий, и с тех пор к званию лекаря добавилась должность предсказателя.

Аурам уговорил Дмитрия Максимовича (которого звал Митрой) начать обучать его некоторым из своих умений и пояснить суть Великого Учения. Имея в последователях царевича, профессор чувствовал себя в Аншане в относительной безопасности, и лишь однажды ненадолго его покинул, когда сам Сурван пригласил его поглядеть на только что выстроенный дворец в Персеполе.

Невзирая на угрозы главного жреца, Митра под покровительством Аурама выстроил собственное святилище и стал заниматься в нем огненной практикой, готовясь к грядущим событиям.

По всем признакам в это же время в Персии должна была появиться фигура Заратустры. Кто, как не он поможет в битве с Невидимым?

Митра все ждал его. Он полагал, что Заратустра может оказаться достаточно сильным для того, чтобы наладить ментальную связь со Светлым, находящимся в состоянии сна. Пророка все не было, а сердце Митры с каждым днем все сильнее чувствовало приближение бури.

Может быть, вмешавшись в историю, он сам что-то нарушил в причинно-следственных процессах, и теперь не свершится одно из самых важных в истории событий – пришествие великого пророка?! А что, если Митра просто ошибся со временем? Но нет, все указывает на то, что пришло время зазвучать первому слову Авесты – книги Великого Учения.

Как же быть? Вышло так, что сорок лет назад Митра пришел в Персию из будущего для того, чтобы помочь Заратустре исправить ошибку в истории, но по сей день не встретил пророка.

Митра все размышлял и ждал, а тем временем близилась старость, но никого, кто смог бы сойти за Заратустру, все не было. Если не придет Заратустра, то дэвы завоюют мир задолго до пробуждения Светлого, и человечество не будет готово к войне с Невидимым.

Так и не дождавшись пришествия пророка, Митра тщательно все взвесил и, в конце концов, решил сам занять его место.

Он должен объявить себя пророком. Но для того, чтобы начать проповедовать, ему нужна Авеста, да только за годы скитаний он позабыл ее текст. Чтобы восстановить его, он попытался разыскать во временах человека, знающего текст наизусть и, совершая огненный ритуал, наткнулся на собственную внучку. Оказалось, что Елена пошла по стопам деда. Она тоже историк, знает Авесту наизусть. Митре удалось наладить с ней ментальную связь. Девушка сумела принять и осмыслить послание, и взять на себя ответственность за дальнейшие действия. Она устроила поджог в музее и тем самым открыла врата в прошлое, но вместе с ней в них шагнул и Зар.

Еще в середине рассказа Зар почувствовал неприятный холодок.

– Кто такие эти дэвы? – спросил он, когда старик замолчал. – Вы сказали: Невидимый входит в людей, они становятся дэвами. Какие они?

– Дэвы бывают очень опасны, – сказал старик. – Когда в человека вселяется злая сила, она может проявляться по-разному. Не всякое тело идеально подходит для воплощения. Некоторые дэвы не настолько сильны, чтобы представлять серьезную угрозу, другие же обретают сверхъестественные способности и могут принести людям много вреда. Но все они – и сильные, и слабые – самоотверженно служат своему хозяину, даже если не знают того. Я уверен, что в жизни вам не раз приходилось встречаться с дэвами средней силы. Зло заразительно, пообщавшись тесно с дэвом можно испортиться настолько, что однажды тебе самому захочется открыть в себе двери для зла, и оно не заставит себя упрашивать прийти к вам. Да, я видал их – и слабых, и сильных. Хотя не всегда получается распознать их сразу. И еще: есть дэвы, больше не нуждающиеся в телах. Вот они-то наиболее опасны.

– И много вреда от этих тварей? – спросил Зар.

Митра в задумчивости погладил бороду.

– Вся история, освещенная летописцами, – сказал он, – античная, средневековая, новейшая – так или иначе создавалась при участии дэвов. Время, в котором мы живем, пожалуй, является переломным для человечества. Сурван объединил многие народы под своей властью – такой огромной державы мир еще не знал. Вместе с тем настало время, когда в мораль должны войти новые идеи, – я говорю о Великом Учении, которое серьезным образом повлияет на содержание будущих религий, нравственных кодексов, законов, конституций...

– Вы говорите, зло заразительно, – перебил Зар. – Выходит, рано или поздно все мы превратимся в этих тварей? Так, что ли?

Он никак не мог решить, верить ему или не верить в то, что говорит Митра. С одной стороны чудеса с огнем неопровержимо указывают на то, что мир кроме видимой своей стороны имеет еще и другую – темную, населенную фантастическими чудовищами, неизвестную, с другой – разум не мог вместить в себя все, что пришлось только что услышать.

Старик сказал:

– Помните, мой дорогой, я упоминал о договоре, который заключили Невидимый и Светлый? Так вот. В табличках указано: договор заключен при свидетельстве Земли. Я так и не смог понять, что это такое. Возможно, речь идет об эфире или гравитации, или, скажем, о тепловой энергии нашей планеты. Допустим, это какая-то сила или некое поле, имеющее над чужаками определенную власть. И, видимо, эта сила в состоянии их остановить, если один из них нарушит условия. Согласно условиям, ближайшие три тысячелетия человечество находится в распоряжении Светлого. Хоть он и спит, Невидимый не может нарушить договор. А это значит, что до две тысячи двенадцатого года он так или иначе вынужден сдерживать свои притязания на человеческую расу.

– Ну, дела! – возмутился Зар. – Это что же получается? Если все оставить как есть, то в две тысячи двенадцатом такое начнется...

Он задумался, пытаясь представить, что за ад воцарится на земле, если наступит время кровожадного монстра. Как это будет выглядеть? Вылезет Годзилла? А может, начнется третья мировая? Сколько же тогда исполнится еще не рожденному брату? Пять лет...

– Кто-то или что-то предупреждает нас об опасности, – продолжал Митра. – Год назад царю было знамение. Три ночи подряд ему снился огонь, пылающий среди ясного дня. Три ночи – огонь, горящий во тьме. Три ночи снилась тьма, наполненная ужасными кошмарами.

– То же самое, что и в договоре... – медленно произнес Зар. – И царь смекнул, что значили его сны?

– Я пытался объяснить Сурвану их суть, – сказал Митра. – Я напомнил о послании на глиняных табличках, но он внезапно рассердился и не захотел меня слушать. Вместо этого Сурван велел растолковать сны своему главному жрецу. Нахат объяснил так: огонь – это старший сын Аурам, поскольку он рыжий и стремительный, как пламя. Ему должна достаться восточная половина земель, ибо солнце рождается на востоке. Тьма – это Ханра, потому что он черноволос и сумрачен. Ему достанется другая половина – западная, ибо на западе солнце исчезает. Таким образом, старый царь должен поделить империю. Если же царь откажется выполнять волю Варуны, его ждет их гнев, и наказание будет хуже самого страшного кошмара.

– Черт! – Зар задумался.

И тут же его словно что-то кольнуло.

– А эти твари... дэвы... Вы видели их во дворце? – спросил он. – Дэвы могли заморочить царю голову?

Митра с интересом посмотрел на Зара.

– Дэвы – причина всех бед, творящихся в мире, – сказал он после паузы. – Дэвы повсюду. В том числе и во дворце. Но царь Сурван – человек сильной воли. Я много раз бывал рядом с ним. Порой мне приходилось видеть, как глаза Сурвана одержимо сверкают огнем. Иногда на царя находит гнев. Случалось так, что гнев перерастал в настоящую бурю. Но царь – человек. Он весьма мудрый и справедливый правитель. Вы это хотели узнать?

Зар вздохнул.

– Вы сказали: жрец предложил сыновьям поделить империю. Разве это не бред? К тому же вы говорили, что у младшего с мозгами не все в порядке.

Митра снова погладил бороду. На лбу проступили глубокие морщины.

– Нахат сообщил царю, что в египетской земле живут сильные маги, – сказал он. – Жрец посоветовал отправить туда сына в сопровождении большого отряда. Он убедил царя, что там Ханра найдет избавление от своего недуга. Так Сурван и поступил. Теперь Ханра вернулся. Я видел его лишь издали, но, говорят... он поправил здоровье.

– Выходит, теперь власть перейдет к сыновьям? – уточнил Зар.

Старик помрачнел.

– Это ослабит империю. Тогда уже никто не сможет соединить силы магов и жрецов чтобы противостоять пришельцам... Что там?

Митра быстро оглянулся на невидимую в темноте стену камеры, затем с чуть заметным беспокойством посмотрел на Зара.

– Вам лучше? – спросил он.

Зар пожал плечами. Кроме того, что слегка зудела выздоравливающая нога, никаких ощущений он не испытывал.

Митра поднялся.

– Похоже, наше время истекло. К сожалению, я вынужден прервать беседу, – торопливо сказал он. – Уже за полночь, но я должен проверить, как там Елена. У меня странное чувство... – Он вновь посмотрел в темноту. – Во дворце что-то происходит... Надо выходить. До встречи, Назар.

Он исчез.

Зар чувствовал неприятные уколы обиды. Старик то и дело упоминал о своем высоком положении в царском дворе, а сам между тем пудрил мозги. Будь он человеком прямолинейным, то, небось, давно уже заявил бы своему царю, что надо срочно

освободить парня из камеры номер четыре. Ведь парень этот – никакой не преступник, а положительный человек, из скифов, из северных волхвов. (А что? Доля правды тут есть!) Пришел он сюда, чтобы важную весть передать. (Только вот какую?) И тогда царь, который, по словам Митры, относится к нему благосклонно, прикажет Зара отпустить и приставить к какому-нибудь полезному делу.

Ну, и какой прок от тебя этой стране? Что ты вообще умеешь, чужак?

Зар стал перебирать в уме все свои умения и профессии.

Пожаротушение и спасение. Вождение автомобилей и немного их ремонт. Столярничанье, плотничанье (хотя работу с деревом в число его умений можно отнести с большой натяжкой). Что еще? Стрельба из огнестрельного оружия. Копание земли. Черт возьми! Может, он мог бы тренировать ратников, обучать их айкидо? Ха-ха!

Неужели у него больше нет никаких навыков? Он стал прикидывать, какие работы из тех, что приходилось когда-либо выполнять, он мог бы делать здесь. Но на ум больше ничего не пришло. Выходит, здесь он самый настоящий неуч, профан, человек без опыта и профессии. От этих мыслей враз стало некомфортно.

Абсурд, однако! Из далекого технократического будущего явился никчемный болван, толку от него никакого. Или все-таки ты пошевелишь мозгами?

Что, если взять, да велосипед изобрести? Металл-то у них есть. Но вот вопрос: можно ли из меди соорудить раму и колеса? Зар стал ломать голову над тем, как выковать обод и из чего изготовить камеру. В принципе-то задача выполнимая, но к чему все это приведет? Зару представилось войско вооруженных ратников, которые мчатся в бой не на конях, а на тяжелых медных велосипедах. Да от такого войска любая армия тут же бросится в отступление. Вот потеха!..

В тишине камеры смех прозвучал неприятно и нервозно. Зар отбросил в сторону мысли об изобретении велосипеда и стал укутываться в солому.

Он подумал о маленьких пляшущих огоньках, которые рождались в его ладонях. Пирокинез! Таким вещам тут явно можно применение найти. Да только об этом думать пока не надо. Он – ученик, и толком еще не понял – что, к чему и зачем. Митра преподавал лишь первые уроки. Если не научишься себя контролировать, то однажды ты можешь сжечь себя дотла. Значит, рано еще даже представлять себе, как и где ты сможешь применить эти способности. А может, их и вовсе нельзя применять, или только в самых крайних случаях.

Тут Зару захотелось повторить фокус, да так сильно захотелось, что зуд в ладонях появился.

Он сел, откинув только что сымпровизированное одеяло из соломы, и вытянул вперед правую руку. Огонек появился почти тотчас.

Я – чародей, – подумал Зар. Сердце забилося от этой мысли, и огонек тут же вспыхнул сильнее, как если бы в зажигалке подбавили газу.

Успокойся, приказал себе Зар. Ты просто развил способность, которая в тебе таилась всегда.

Разве раньше ты не слыхал о пирокинезе? При определенных обстоятельствах он может проявиться у многих. Ты сам убедился в том, что развить его в себе не так уж трудно, а значит гордиться тебе пока особенно нечем, ведь ты даже еще не знаешь, какой тебе резон от этого огонька. Ты ведь практически ничем не отличаешься от человека со спичками или зажигалкой. В двадцать первом веке, кроме как в цирке, ты вряд ли смог бы с этим твоим талантом как-нибудь реализоваться.

Сердце перестало выбивать радостную чечетку, и мало-помалу огонек стал уменьшаться, и через несколько секунд достиг минимального размера.

Зар погасил его, снова зажег, повторил упражнение несколько раз. Потом, когда огонек, погас, приложил ладонь к щеке. Рука хранила слабое тепло, как бывает после того, как поддержишь в руках чашку с горячим кофе.

Чашку с кофе?.. Нет, все мысли о *твоем времени* пока надо гнать подальше. Жить настоящим, иначе раскиснешь. Жить настоящим и выкарабкиваться, пока не почувствуешь, что достаточно уверенно стоишь на земле, что под ногами твердая почва и тебя не сносит круговорот малопонятных событий.

Пирокинез, три десятка слов на арамейском, кое-какие представления о политической ситуации в стране, в мире, какая-то выдуманная позиция... Нога заживает, вылеченная колдовством, и это уже радует. Шансы выжить теперь куда больше, чем в ту минуту, когда тебя пытались сжечь в деревянном сарае.

Зар снова лег, обложился соломой и мало-помалу погрузился в сон.

Он понятия не имел, сколько времени прошло от того момента, как он уснул, до другого, когда что-то внезапно разбудило его и заставило резко сесть.

Зар прислушался, но ничего, кроме тишины, не услышал.

Охранник, видимо, редко бывал в той маленькой комнатухе за дверью, а когда и приходил, то двигался бесшумно.

Зару почти все время казалось, что он находится далеко-далеко от людей, где-нибудь в заброшенной шахте, откуда нет выхода.

Теперь это ощущение нахлынуло на него с новой силой. Сколько сейчас времени? Старик ушел, когда было уже за полночь. Потом, прежде чем уснуть, Зар еще около часа размышлял, после этого было несколько часов сна.

Зар протер глаза, потянулся. Хотелось пить, но воды не было, а все молоко он выпил еще вчера.

Зар вспомнил про ночные опыты. Было ли все это наяву? Чтобы развеять сомнения, он поднял руку и зажег огонек. Поднес к нему палец – горячо. Нащупал соломинку, попробовал зажечь от огонька. Соломинка была сыроватой, она тут же скрючилась, начала тлеть.

Медленно поднявшись, Зар прошелся по камере, освещая стены огоньком.

Теперь камера предстала перед ним иначе. Она была не такая уж и мрачная. Стены выложены известняком и выкрашены чем-то светлым, швы между ними из плотного раствора. Дверь из грубо обработанных досок, будто их скребками каменными тесали, – а может, так оно и было.

Зар поднял пустой горшок, из которого неприятно пахло высохшим молоком. Такую посуду из обожженной глины приходилось видеть и в двадцать первом веке, но все же чувствовался какой-то этнический отпечаток – дно круглое, неустойчивое, стенки неодинаковой толщины, звук при постукивании глухой. Должно быть, ее делал один из тех бедных ремесленников, которых он видел в восточном поселении.

Поставив горшок на место, Зар погасил огонек и в темноте начал выполнять дыхательную гимнастику. Когда тепло и приятные вибрации наполнили тело, он приступил к растяжке. Нога восстановилась полностью. Зар выполнил лотос, бабочку и шпагат. Потом поочередно присел по двадцать пять раз на левой и на правой ногах, поотжимался. Физическое состояние его было превосходным, вот только бы питание еще усилить.

Зар подошел к двери, присел и прислонил к шершавым доскам ухо. За дверью ни звука. Он постучал, а потом крикнул:

– Эй, тащи уже лепешку. Есть охота!

И тут же прислушался, но снова – тишина. Что толку стучать, если в тамбуре пусто. Может, охранник заходит сюда лишь иногда.

Пришлось вернуться и снова лечь на солому. Как это уже надоело! Скорей бы допрос. Каким не будет исход, а все равно за ним последует какая-то определенность. А то ведь уже бока болят от лежания. И одежды не мешало какой-нибудь. В сырости всякую дрянь можно на кожу подцепить.

Ладно, прекрати ныть. Лучше повтори то, чему тебя Митра научил, а то еще запутаешься на допросе.

И Зар в который уже раз стал бормотать вслух короткие, отрывистые фразы на арамейском.

Он проговаривал их до тех пор, пока ему не стало казаться, что смысл чужих слов почти так же понятен, как если бы он произносил их на родном языке.

– Я говорю на языке уров, – сказал Зар и добавил по-русски: – Хочу пить и есть!

С тех пор, как он первый раз постучал охраннику, прошло не меньше часа.

Подобравшись к двери, Зар вновь забарабанил.

– Охранник! Завтрак в четвертый номер, да поживее, а то пожалуюсь администратору!

Но угроза эта не смогла впечатлить пустоту за дверью, и Зар опять не дождался ответа.

Он сел в двух шагах от двери и с четверть часа смотрел в темноту, а затем развернулся спиной, встал на четвереньки и начал колотить по двери пяткой. Стараясь бить погромче, он нанес сотню ударов левой ногой, затем еще пятьдесят правой (на всякий случай правую стопу Зар решил какое-то время щадить, хотя сейчас трудно было поверить в то, что еще сутки назад была распухшей).

Когда Зар закончил наносить размеренные удары, которые он считал вслух, он остановился и перевел дыхание. Подождал минуты две или три, затем ударил еще раз, хотел было вновь возобновить счет, но вместо этого выругался и поднялся на ноги.

Голод и жажда давали о себе знать все сильнее, а охранник все не являлся. Конечно, Зара не ознакомили с программой пребывания в этом пятизвездочном отеле, и, вероятно, услуги своевременного завтрака в номер вообще в нее не входили, но почему бы Митре не подключить свое знакомство с его величеством царем и не устроить так, чтобы в порядке исключения Зару притащили кусок хлеба с мясом и горячего чаю? Или, на худой конец, ту же лепешку, пусть даже черствую.

Ладно. Возможно, что-то в твоих биологических часах перепуталось, и ты проснулся слишком быстро, думая, что проспал несколько часов. На самом деле сейчас еще раннее утро, и время разноса лепешек еще не наступило.

Зар побродил по камере и в унынии вернулся к соломе, которая уже так слежалась и рассыпалась, что теперь ею нельзя было как следует укрыться. Он немного взрыхлил ее пальцами, а затем лег сверху, тут же поморщившись от неприятного прикосновения колючек к исцарапанной коже.

Полежав недолго, он ясно понял, что сон уже не придет. В горле пересохло, и это мешало погрузиться в забытие.

Зар перевернулся набок, подпер голову рукой и какое-то время лежал, глядя в темноту.

Странное предчувствие назойливо подступало, вкрадываясь в мысли, постепенно овладевая сознанием, пока, в конце концов, не превратилось в звенящую, как писк комара, тревогу.

(НИКТО НЕ ПРИДЕТ)

Нет, такого не может быть. К черту дурацкие наваждения!

Пусть ты и пленник, но не теряй достоинства, не кисни, как девчонка, не поддавайся сомнениям. Даже если эти первобытные задумали что-то этакое. И тут на ум ему пришла еще более безумная мысль. Как-то Зар слышал, что во время корейской войны охранники в лагерях для американских военнопленных применяли систему Павлова по выработке бессознательных рефлексов. То и дело меняя расписание приема пищи, они доводили пленников до полного эмоционального ступора, после чего могли использовать их в качестве полноценных зомби.

– Тьфу ты, зараза, – ругнулся Зар. – Эти ископаемые люди не могут ничего знать о системе Павлова.

Внезапно темнота стала не менее мучительной, чем жажда. Зар сел и зажег на руке огонек. Тут же пламя узким заостренным столбиком взлетело вверх. На этот раз, чтобы заставить его уменьшиться, понадобилось гораздо больше времени и самовнушения.

(Дмитрий Максимович, почему бы вам не прийти и не рассказать, что за ерунда сегодня происходит?)

Понаблюдав какое-то время за огоньком и не найдя в этом ничего утешительного, Зар загасил его и, обняв руками колени, погрузился в мрачные мысли.

Через время он снова оказался на ногах и опять, подойдя к двери, развернулся и стал бить в нее ногами. Никто, как и прежде, не отзывался.

Что, если это и есть приговор – смерть от голода и жажды в камере? Недели через две войдут охранник и тот уродливый дед, положат его высохшее, оцепеневшее тело на носилки и утащат, чтобы выбросить где-нибудь в поле на съедение воронам и шакалам?

Надо было как-нибудь уменьшить поток этого бреда, и Зар попытался медитировать.

Скоро все уладится, и он перестанет сердиться на Митру за то, что тот так вяло выручает своего земляка из передраги, в которую сам, собственно говоря, и втянул. Тогда Зар попросит его обучить всевозможным искусствам, в том числе и прохождению сквозь стены. Старик знает немало, он настоящий гуру, и Зар не слезет с него, пока тот не доведет его обучение до конца. Митра многое умеет, не даром он из цыган. Вот что странно: цыган, а стал профессором истории. Похоже, он немало знает о том, что было, и что будет, не зря царь его так ценит. Историк, предсказатель, лекарь... За ногу ему, конечно, спасибо.

Зар уселся в полу-лотос, соединил руки и сквозь закрытые веки уставился на кончик носа. Он велел себе дышать ритмично, а мыслям наказал успокоиться. Хотелось бы, чтобы они вовсе остановились, но призрак жажды то и дело выскакивал перед внутренним взором то в виде огней, ползущих по куче сухого хвороста, то в облике ухмыляющегося деда, стоящего на входе в караул. Зар пытался отогнать видения, но, сбежав, они, тут же возвращались в новом обличье. Иногда удавалось погрузиться в состояние полусна, но и туда прокрадывалась жажда в противном образе и всякий раз вопила: я здесь! я здесь!

Наконец, Зар стряхнул с себя это липкое ощущение подчиненности ситуации.

Пора было посмотреть реальности в глаза.

Он поднялся и стал ходить по камере, растирая виски. Если охранник не отзывается, значит, там его нет. И никто тебя больше не охраняет. Можно ли совершить побег, если никто этому не воспрепятствует?

Присев около двери, Зар зажег огонек. Доски создавали ощущение металлической прочности, как и те, из которых был сделан сарай. Что это? Можжевельник? Кедр? Края досок ровные и щели между ними достаточно плотные, но, похоже, тут работала не пила, а все тот же примитивный инструмент, которым доски обтесывались. Гвоздей Зар не нашел, но смутно вспомнил, что когда его вталкивали в камеру, он углядел крестовую раму из бревен, к которой были прикреплены доски. Зар постучал в нескольких местах кулаком, пытаясь другой рукой определить, нет ли где-нибудь вибрации, но все было подогнано плотно, и дверь казалась монолитной. И все же ее надо сломать.

Зар опять зажег огонек и стал изучать стены в поисках камня, который можно было бы расшатать и вынуть. Один камень показался подходящим, и Зар принялся вычищать ногтями раствор из швов. Начали отваливаться крошки, мелкие камешки. Швы постепенно стали углубляться. Ногти крошились; кончики пальцев, изувеченные при неудачной попытке сделать подкоп в сарае, стирались до крови. Зар не обращал внимания. Но чем дальше он углублялся, тем медленнее продвигалось дело.

Сколько прошло времени, Зар не знал. В стене был уже вычищен аккуратный желобок сантиметра в четыре глубиной, прежде чем он стал понимать, что затея обречена на провал. Глубже палец не хотел влезать. Камень оставался неподвижным, а под руками не было ничего, что могло бы его расшатать.

Наконец Зар, выплеснув тираду ругательств, оставил это занятие. В бессильной злобе он повалился на утоптанную землю, несколько раз долбанул ее кулаком. Кончики пальцев горели, а толку-то? Все старания напрасны. Проклятая камера!

Он застонал в ярости и...

И тут его внезапно осенило. Идея, конечно, была совершенно идиотской и смертельно опасной, но все-таки, беря во внимание безвыходность положения, надо попробовать.

Зар сел и начал соображать. Прежде всего, он подошел к вентиляционному отверстию и при помощи огонька проверил, не забито ли оно. Тяга была.

Вернувшись к двери, Зар сопоставил ее высоту с высотой помещения. К сожалению, сама дверь слишком низка, но это еще не самая главная проблема. Самое важное – заставить дверь загореться.

Дерево было сухим и смолистым, но слишком плотным для того, чтобы впустить в себя маленький огонек. Поверхность бугристая, но без заусениц и отколовшихся щепок, да еще вся затертая руками многочисленных предшественников Зара. Как бы там ни было, не оставалось ничего другого, как попробовать.

– Ну, с богом, – сказал Зар и зажег огонек на ладони. Это был не просто огонек, а небольшое пламя высотой со спичку. Но оно исходило из центра ладони, и его было неудобно приблизить к поверхности двери. Зар повернул ладонь под углом и поднес огонь. Коже сразу стало горячо: огонь заскользил по ее поверхности, но Зар решил потерпеть и прижал руку плотнее к двери. Однако, подержав ее таким образом несколько секунд, он вынужден был ее отдернуть. Кожа ладони получила легкий ожог, а дерево даже не потемнело.

Вторая попытка не принесла ничего нового. Дерево не хотело загораться, хоть на этот раз Зар смог продержать руку почти минуту.

– Черт! – выругался он, и огненный язык взметнулся выше. Но и этого все равно было недостаточно.

Зар постарался как-то себя разозлить: нужны были эмоции. До этих пор он пытался держать себя в руках.

– Я тебя все равно вышибу! – крикнул он и ударил в дверь коленом.

Ярость стала разжигать в нем скрытые силы, он вдруг почувствовал в себе что-то новое, до сих пор ему неведомое, какой-то потаенный резерв, попытался управлять этим, но вызванный им приступ был все еще неконтролируемым. Небольшой фейерверк вырвался из ладони, лизнул дверь и тут же погас.

Зар вновь оказался в темноте.

Надо попробовать по-другому, решил он. Поднявшись, он подошел к разбросанной соломе, набрал охапку и разложил под дверью, затем добавил еще и еще, пока не завалил дверь до половины. Затем он поджег солому. Та занялась, но горела черт знает как. Дым шел всюду, а огня было так мало, что для двери он никакой угрозы не представлял.

– Гори же, черт тебя подери! – крикнул Зар, и метнул из обеих ладоней по фейерверку, заставив солому вспыхнуть сильнее. Он все повторял и повторял эти выстрелы, а потом ему вдруг удалось придать огненным струям достаточно силы. Достаточно для того, чтобы огонь вырывался почти на полметра, прежде чем завернуть вверх. Скорость, вот чего не хватает напору огня, подумал Зар.

Тем не менее, солома уже разгорелась, и даже доска в одном месте к радости Зара начала тлеть синеватыми огоньками.

Он еще раз все обильно полил пламенем, прежде чем понял, что чертовски устал. Отойдя на четыре шага назад, сел на землю и стал наблюдать.

Дверь потрескивала, объята пламенем. По стенам полз густой дым, клубился под потолком, образуя там плоское, бесформенное чудовище. Дым нехотя разворачивался в направлении вентиляционного отверстия. Чудовище обретало объем, становилось все больше и опаснее. Зар перебрался в дальний угол, лег на землю, опершись на локоть. У него мало времени, скоро кислород выгорит, камера потихоньку наполняется угарным газом и дымом и станет нечем дышать. Ему казалось, что сейчас он еще в состоянии погасить огонь, если снимет с себя трусы и станет ими бить по двери. Можно руками раскидать солому, затоптать огонь босыми ногами. Но через пять минут он уже не сможет это сделать. Зар знал это. Но он лежал на земле, не сводя глаз с пламени. А огонь все сильнее въедался в смолистую древесину.

В камере стало теплее. На какой-то миг Зару почудилось, что он лежит перед камином, наслаждаясь его уютным потрескиванием. Потом мысли переключились на то, что может случиться, если кто-то из стражников заметит, как над домиком поднимается дым. Странно, что до сих пор еще нет шума. Ведь уже несколько минут, как должен валить густой дым, который дала солома: уже весь потолок им затянуло, отверстия не видно, но по движению струек заметно, что часть его благополучно уходит наружу.

И все же кроме потрескивания огня никаких звуков не было: за дверью по-прежнему стояла тишина.

Огонь пылал, пожирая остатки кислорода. Зар не знал, насколько глубоко прогорела дверь. Наверняка, осталось по ней хорошенько стукнуть ногой, и она треснет, раздастся хлопок и огонь изменит направление, станет поглощать кислород по ту сторону. А может, дверь еще достаточно крепка, почти цела, и только самая ее поверхность обуглилась, и его удары не смогут ее расколоть. Тогда он обожжет ноги, почувствует, что сил больше нет, с большим трудом отползет обратно в угол и прислониться к стене, чтобы...

А-а-а!.. Была не была!

Зар припал к самой земле, сделал три вдоха и выдоха и на четвертом вскочил. Голова его оказалась в дыму, все сразу стало мутным. Бросившись к двери, он развернулся и изо всех сил ударил в нее пяткой. Острая боль обожгла подошву, но дверь даже не дрогнула.

Она располагалась слишком низко для того, чтобы нанести хороший удар, а воздуха в легких оставалось слишком мало, чтобы принять удобную позу. Зар рухнул на колени и, упершись обеими руками в землю, чувствуя, как вспыхивают волоски на голых ногах, ударил так сильно, как мог. Дверь не треснула, но что-то в ней сместилось, Зар совершенно явственно это почувствовал.

Жар заставил его отпрянуть. Добравшись на четвереньках до середины камеры, он вновь припал к земле, выдохнул и сделал новый вдох, но вместе с угарным газом голова наполнилась дурманом. Зар вдохнул еще раз и боком, как краб, ринулся на дверь. Стиснув зубы, он ударил дважды в середину двери. Уже за первым ударом что-то отлетело с обратной стороны, а дверь отошла на несколько миллиметров. После второго удара в доске образовалась трещина.

Зар опасался делать еще вдох. Он мог потерять сознание и этим лишить себя возможности спасения. Повернувшись другой стороной и сменив ногу, он ударил еще два раза. Средняя доска разлетелась и огонь жадно метнулся в другую сторону.

Теперь огонь был не нужен. Ждать, пока он погаснет сам, было нельзя. Зар снова сменил ногу и ударил по второй доске. Отступи, пламя! Замахиваясь очередной раз, он осознал, что огонь не просто перекинулся в пространство тамбура, он действительно стал сжиматься.

Я смогу, подумал Зар.

Отступи! – приказал он. Уйди в камень, ты уже не нужен, ты сделал свое дело.

Он снова ударил, и доска разлетелась на искрящиеся щепки. Но образовавшийся проем был еще слишком узок, чтобы в него можно было протиснуться.

Зар развернулся и сел, подобрав обожженные ноги. Воздуха в легких уже не оставалось. Не мысль, а бессловесный посыл (само побуждение в чистом виде, не успевшее облачиться в слова) он швырнул в дверной проем, – это было последнее усилие, на какое он был способен.

И огонь исчез.

От него не осталось даже тления.

В камере тут же стало темно, но немного сумрачного света проникало сквозь образовавшуюся дыру из тамбура.

Зар приблизился к проему и осторожно сунул в него голову. Наклонившись как можно ниже, он медленно вдохнул. Воняло гарью, однако понизу еще полз воздух, богатый кислородом. Зар подышал им немного, а когда осознал, что дурман в голове не усиливается, стал выбираться наружу.

Оставшуюся доску он легко выломал рукой и отбросил подальше от входа. Она грохнулась, и произведенный ею звук сообщил Зару, что тамбур пуст.

Он чуть не свалился вниз: перепад между полом камеры и тамбур был больше, чем ему показалось сначала.

Зар несколько раз коснулся обгорелой рамы, но угли...

Они были не то, что бы слегка остывшими: они были совершенно холодны! Огонь отступил полностью, прихватив с собой все свои огоньки и искорки, и даже тепло окружающего воздуха.

Наконец он вывалился на пол тамбура. Позволив себе полежать несколько секунд, Зар поднялся на ноги. Шатаясь, подошел к тяжелому дубовому столу. Порыскал взглядом в полумраке в поисках воды, но воды не было.

Надо отсюда выбраться и постараться

Как быть? Выйти прямо сейчас на божий свет, чтобы тут же оказаться мишенью для стражников, которые находятся на территории караула, или ждать, пока вернется охранник, и затем попытаться завладеть его оружием, а потом... Зар обвел взглядом тамбур. Кроме его камеры тут есть еще три, и они закрыты. Кто там внутри? Преступники? Убийцы? Или те, кому не повезло – бродяги, оказавшиеся по воле случая в том месте, где им не положено находиться? Может быть, у них всех изуродованные, распухшие ноги, потому что здесь используют метод истязания ног для всех пленников, чтобы свести к нулю шансы на побег.

Если ты освободишь их, они могут оказаться хорошим подспорьем в драке с охранником, но может статься, что, выпуская на свободу жестоких разбойников, ты станешь уже полновесным преступником.

Черт, как же хочется пить! Ну, хоть бы каплю воды где-нибудь отыскать...

Зар подошел к одной из дверей и резким движением выдернул колышек, служивший засовом.

– Эй! – шепотом позвал он. – Кто тут есть? Выходи!

Но камера ответила молчанием. Зар постоял пару секунд, потом вытянул вперед руку и зажег огонь, не задумываясь о последствиях, которые может вызвать это зрелище.

Он осветил пустые стены с темными углами, но и по запаху можно было предположить, что здесь давно никого не было.

Зар перешел к другой двери, отворил ее, но и там никого не оказалось, хоть были некоторые признаки того, что здесь кто-то не так давно обитал: рядом со входом стоял пустой горшок. У соломы в углу был такой вид, будто недавно на ней кто-то лежал.

Зар открыл третью дверь, и тут на него набросился голый человек.

Потеряв равновесие, Зар полетел на стол. Если бы одна нога не запнулась о другую, то, вероятно, он раскроил бы себе череп о его угол. Но он повалился под стол, а человек, единственным одеянием которого была его борода, обрушился сверху.

На минуту Зар утратил способность дышать.

– С-с-с-с... – прошипел он, не в состоянии членораздельно выругаться.

У него все-таки хватило сил, чтобы отпихнуть дикаря, и тот свалился набок.

Зар вмиг оказался на четвереньках. еще толком не придя в себя, он двинул бородачу в бок и понял, что угодил куда надо, ибо тот взвыл, как сирена. У Зара внутри все похолодело, и он залепил бородачу такую пощечину, что голова того, мотнувшись, с глухим стуком ударилась о ножку стола, а крик тотчас прекратился.

– Сука... – выдавил из себя Зар, поднимаясь на колени. Он размахнулся, чтобы врезать дикарю еще раз, но тот уже не орал, а только слегка побряхтывал, испуганно поблескивая глазами. Зар медленно опустил руку. В сумраке лицо человека показалось знакомым, но теперь в памяти вертелись лица десятков бородачей, виденных в разных местах Аншана, и Зар не мог припомнить, где он встречал дикаря. К тому же контакт с угарным газом не прошел бесследно: в голове все еще стоял туман.

– Вот сука, – повторил Зар, поглядывая на входную дверь. Она была притворена, и через оставленную щель виднелась полоска двора. – Вот щас придет стражник и оттяпает тупую твою башку. Хочешь?

Встряхнув головой, Зар направился к двери, собираясь выглянуть во двор. Опершись на косяк, он посмотрел в щель. Над домами розовело вечернее небо. Напротив виднелась арка – та самая, из которой он впервые разглядывал двор. Людей не было. Зар прислушался, но тут за спиной застонал дикарь.

– Да заткнись же ты! – цыкнул на него Зар. – Ты не видишь, я обстановку изучаю?

Стон утих, но из-под стола продолжало доноситься тихое пыхтение. Потом и оно прекратилось.

Зар снова прислушался, но со двора не доносилось ни звука. Он осторожно толкнул тяжелую дверь, и та со скрипом подалась. Свет проник в помещение и резанул по глазам. И в это время за спиной обиженный голос с легким южным акцентом спросил:

– Что такое «заткнись»?

11

Зар обернулся. Из-под стола, держась рукой за бок, выбрался Сраош.

Черт! Ну, дела! Вот так встреча! Откуда тут Митрин помощник?

Прежде чем ответить, Зар выглянул в образовавшийся проем. Никого. Он высунул голову, быстро оглядел двор. И там ни души. Словно вымерли все.

Зар обернулся и строго посмотрел на своего недавнего знакомого, которому минуту назад чуть не переломал ребра.

– Заткнись – это значит: не издавай звуков, – сказал он. – Ты зачем так громко орал?

– Ти больно бил.

– Больно бил? Ха! Какого ж черта ты на меня прыгнул? Посмотреть надо было вначале, кто перед тобой. Слава богу, никто не услышал, как ты вопишь. Во дворе стражи нет. Но, если бы они там были, давно все сбежались бы на твои крики. А когда обнаружили бы нас не там, где нам сидеть надлежит, такого перца всыпали бы – на всю оставшуюся жизнь запомнили бы. Если бы вообще выжили. Сечешь?

Сраош кивнул. Он стоял, слегка наклонив голову, целомудренно закрывшись руками и щурясь от света. Вид у него был пристыженный.

– Ладно уж. – Зар смягчил тон. – Говори: откуда взялся? Митра сказал: тебя не тронули, потому что ты... – Он осекся, вспомнив, что Митра обмолвился о каких-то чудаковатостях Сраоша.

– Потому что самашетший, – завершил Сраош.

– Да ну! – Зар почесал отросшую на подбородке щетину, стараясь выглядеть удивленным. Ему не хотелось обидеть Сраоша: он казался неплохим парнем. – Так ты что, в самом деле себя таким считаешь?

– Нет. Не считаю. Это люди думать так из-за мой талант. Сраош кой-что уметь, но никто не понимать это...

– Ясно, – перебил его Зар. – Давай об этом на досуге. И так, почему ты здесь?

– Сначала стража меня отпускать, – печально произнес Сраош. – Они забрать тебя и ушли. Но Сраош потом приходит к ним. Сказал: Сраош видеть, явился Траэтаон, великий царь туран.

– Снова Траэтаон? Это ты обо мне, что ли?

Сраош кивнул.

– И что? – Зару уже хотелось расхохотаться, но он сдержал себя.

– Они прогонять. Но Сраош садиться среди двор и сказать, не уйти, пока тебя не отпустят. Тогда они схватить Сраош и поставить в тюрьма.

– Молодец, – похвалил Зар. – Это очень трогательно, если честно. Только зря ты так поступил, приятель. Почему со своим шефом не посоветовался? Ведь у меня теперь есть разработанная версия. – Зар перешел на шепот. Тут он осознал, что ситуация изменилась, а с ней потеряла смысл его версия, по которой он должен выдавать себя за делегата от северных волхвов. – М-да, кажется, я напрасно готовился и разучивал слова.

Пока он говорил, печальное выражение на лице Сраоша сменилось маской отчаяния.

– Эй, не кисни, браток, – сказал Зар. – Ты хотел как лучше и в камере сидел из солидарности. Только роль царя я все равно не потянул бы... Ты случайно не в курсе, что происходит? Где все?

– Наверно, они на казни, – ответил Сраош. – Сегодня Ханра казнить людей, который он привел с собой.

– И весь личный состав караула отправился в культпоход, – с некоторым сомнением заключил Зар. Так-то оно так, подумал он, но ведь караул есть караул, – и что же это за военные, если они побросали свои позиции без охраны только ради того, чтобы не пропустить зрелище.

– Митра не знает, что ты здесь, верно? – спросил Зар.

– Митра не знает, – подтвердил Сраош. – Если бы Митра знает, пришел бы к Сраош. А он не пришел.

– И давно мы с тобой соседствуем? – Зар сделал шаг навстречу Сраошу, глянул на ноги. Кровоподтеков видно не было. Слава богу, хоть своего пожалели.

– Вчера вечером прийти, – сказал Сраош. – Хотел тебя выручать.

– Да, я это уж понял. – Зар улыбнулся. – Ну что, браток, пора нам выбираться, да только вот... на мне-то хоть трусы есть, а ты – совсем голый. Что делать будем?

– Так ходить, – с готовностью ответил Сраош. – Мне к отцу надо. Он больной очен.

– Голым по городу ходить неприлично, – возразил Зар. – Даже если живешь в те времена, когда люди первые трусы еще не сшили. Народ увидит – шум поднимет. Женщины кричать станут. Дети перепугаются. Послушай, на той стороне двора чернеет арка. План такой. Сейчас выскакиваем и изо всей мочи туда бежим. Там, в самом конце, выход есть, а перед ним, справа, маленькая коморка. Недавно я оставил в ней совсем еще новый китайский костюм. Правда, шансов, что он еще там, почти нет, но мы все равно туда заглянем.

Сраош, продолжая прикрываться, подошел ближе к выходу и с любопытством выглянул во двор.

– А если там стража? – спросил он.

Зар хмыкнул.

– Слышал, что такое элемент неожиданности? – спросил он и, дождавшись, когда Сраош отрицательно замотает головой, сказал: – Мы их как следует отлупим. Ты, главное, под удар не попади, понял? Это может быть опасно.

Он поднял руку и, сжав ее в крепкий кулак, потряс им.

У Сраоша во взгляде было сомнение.

– Ты говорить – они нам перец всыпали би. Что это значит?

– Всыпать перца – значит: надавать нам по шее. Но это произойдет в том случае, если ты станешь вопить, когда следует молчать. Тогда они нас услышат, мы потеряем элемент неожиданности и не сможем их победить. Понял?

Сраош кивнул.

– Не буду кричать, – сказал он.

– То-то, – удовлетворенно проговорил Зар. – Ну, тогда на старт, что ли.

Он не был уверен в удачном исходе вероятной драки. Чтобы подавить растущее беспокойство и поднять боевой дух, он старался говорить бодро. Если им со Сраошем не удастся прорваться, то на этот раз персы уж наверняка здорово разозлятся и не станут ждать суда.

Зар толкнул дверь. Она распахнулась, ударившись в стену.

– Пить хочет, – раздался позади голос Сраоша.

– Потерпи, скоро напьемся, – не поворачиваясь, бросил Зар и тут же выпалил: – Марш! – И ринулся вперед.

Бежать было легко. В животе сразу почувствовалась холодная пустота: в любой миг могли зазвучать крики и свист рассекающих воздух стрел.

Стена приближалась, а никто не кричал и не стрелял. еще пару секунд и Зар влетел в темноту прохода, развернулся, прижался спиной к стене. Забавно махая руками и широко раскидывая ноги, к нему бежал Сраош. Как ни был напряжен момент, Зар не удержался и прыснул в кулак. Тут же взяв себя в руки, указал Сраошу на противоположную стену. Достигнув арки, тот последовал примеру Зара и прижался спиной к стене напротив.

Зар бросил взгляд в коридор. Все двери закрыты. В конце светлеет площадь. Людей на ней не видно. Значит-таки, прав оказался Сраош: народ пошел на зрелище палиться. Стало быть, популярны казни у персов. еще бы! Как-никак четыре с лишним десятка бедолаг жизни будут лишены. Шоу! Жуткое зрелище, небось. Что же с ними сделают? Распнут? А может, четвертуют?

Кивком головы указав Сраошу в сторону площади, Зар побежал. Босые подошвы соприкасались с брусчаткой беззвучно. Зар на бегу прислушивался. За дверями была тишина.

Вот она, та дверь, за которой маленькая коморка. Там Зар поверг наземь опытного воина Гама, а затем отобрал одежду у его молодого компаньона-полиглота.

Толкнув дверь, он встретился взглядом с темнотой и смело в нее шагнул. Едва ли кто-то притаился, ожидая его в этой тесной норе. Зар выставил вперед руку и зажег огонек. Сраош не видел этого: он миновал дверь и остановился поодаль.

Зар вошел внутрь, обшарил коморку и отыскал какой-то балахон, который сперва показался ему большим мешком. Ничего другого в коморке не было.

Выскользнув наружу, он быстро глянул вправо-влево и не увидел никого, кроме Сраоша. Тот посмотрел на балахон и твердо сказал:

– Мое.

– Вот и надевай скорей, – велел Зар, кидая ему одежду.

Тот стал натягивать балахон, на пару секунд застрял в нем, и Зару пришлось с силой дернуть за края вниз.

– А ти? – с беспокойством спросил Сраош.

– Вариантов нет, – сказал Зар. – Вдвоем не завернемся в одну одежду. Ничего, по ходу что-нибудь придумаем. А теперь – води в святилище. Самой короткой дорогой.

Сраош развернулся и, размахивая руками, направился к выходу.

Зар, то и дело оглядываясь, двинулся за ним. В самом конце коридора он остановил Сраоша и выглянул из-за угла. Площадь была пуста.

– До поворота – бегом, – шепнул Зар. – Затем снова ходом. Я пойду рядом. Если кого увидишь, хватай меня за шею, типа я твой раб. Окей?

– Ти мой раб? – удивленно повторил Сраош.

По команде Зара они бегом пересекли площадь и свернули за угол. Узкая извилистая улочка, по которой Гам с напарником вели Зара, была также безлюдна.

В конце деревянные ворота, вспомнил Зар. А вдруг, идя смотреть на казнь, горожане их закрыли?

Сраош схватил его за загривок, но Зар сбросил руку.

– Я же сказал: если увидишь кого, – сердито процедил он сквозь зубы. – Пока улица пуста. Лучше шагу прибавь.

Через несколько десятков метров улочка вильнула, и стали видны покосившиеся ворота. Они были распахнуты. Зар облегченно вздохнул, но сам в то же время подумал: к чему выстраивать ворота и стены, чтоб потом все вот так бросать без охраны? Видать, аншанцы чувствуют себя вполне уверенно на своих землях и не боятся набегов или восстаний.

За воротами Зар ожидал увидеть хотя бы обитателей окраины, если не загородных стражников в войлочных шлемах, но на пустыре между домами никого не было, из домов не шел дым, всюду стояла тишина, и лишь где-то вдалеке слышалось тревожное мычание коровы.

Ну, дела! Зар со Сраошем переглянулись.

– Не понимать, – сказал Сраош.

Зар спросил:

– Сколько жителей в городе?

– Не известно, – закрутил головой Сраош. – Говорят, где-то трех тысяч сотен.

– Триста тысяч, – повторил для себя Зар. – А есть ли где-нибудь в городе такая площадь, что могла бы вместить одновременно такое количество народу?

Сраош посмотрел на него долгим растерянным взглядом, а затем сказал:

– Нет такая площадь. Казнят на площадь возле дворца. Там может двадцать сотен. Больше – нет.

– Так куда же, по-твоему, могли провалиться все ваши горожане?

Зар знал, что ответа не будет.

Если бы и в самом деле так много людей отправилось смотреть на казнь, – пусть даже подавляющая часть населения, – то ни город, ни окраины не выглядели бы такими пустынными. Остались бы какие-нибудь немощные старухи, женщины с маленькими детьми и, конечно же, некоторая часть стражи. Но все вокруг было мертво, словно город выкосила чума.

– Не надо идти Храм Огня, – сказал Сраош. – Надо идти мой отец. Храм Огня никого нет. А отец мой есть дома. Сраош чувствовать.

Что ты можешь чувствовать? – хотел огрызнуться Зар, но увидел слезы, блеснувшие на глазах у компаньона, и осекся.

– Послушай, приятель, – сказал он. – Вы с Митрой сами втянули меня в свою игру. Я понимаю, дела серьезные – духи, всемирные злодеи и все такое... Понимаю, что эта хренотень касается не только вас, древних, но, может быть, и нас, и меня самого...

Понимаю также, что до того, как попал сюда, ничерта не знал о том, что на самом деле в жини происходит... Но ведь вы у меня не спрашивали, хочу ли я...

Внезапно он прикусил язык.

Стоп, сказал он себе. А как же «гонщики-скалолазы-путешественники»? Разве ты не приключений хотел на свою задницу? На-ка, получи в избытке! Нечего теперь сетовать, братец.

А этот парень всего лишь поблизости был, когда судьба над тобой пошутила. Он помочь тебе старался, кров гостеприимно предоставил. И потом, когда ты попался повторно, снова стремился помочь. А теперь пришла твоя очередь сочувствие проявить. Так что не будь эгоистом. Видал, что вокруг происходит? Разве есть что-то странное в том, что Сраош так об отце своем переживает, возможно, единственном своем родственнике?

– Ладно, идем к твоему отцу, – сказал он. – Только веди такой дорогой, чтобы не засекли нас.

Сраош немедленно оживился. Он возбужденно затараторил, что лучше выбрать дорогу по пустырям, «мимо храмы, мимо дома смотреть зывезды». Черные брови Сраоша изгибались дугами, глаза широко округлялись.

– Планетарии, что ли? – не мог понять Зар.

Сраош стал путать русские слова со словами нерусскими, потом снова сказал, что Митры нет в Храме Огня, что его вообще нет в городе, как и его внуки.

– Где они? – спросил Зар. – Откуда тебе известно, что их нет в городе?

Они обошли дома и как раз проходили мимо той деревянной избы, возле которой «войлочные» стражники последний раз избили его перед тем, как передать «медным».

– Помнишь, говорить про мой талант? – спросил Сраош.

– Чего? Какой талант? А, это ты о том, из-за чего люди думают, что ты того... не в своем уме? – сообразил Зар.

– Угу... Это потому как я иногда знать, что быть потом. Это не редко талант. Митра тоже видеть. И жрец-кави Нахат видеть. Сраош видеть хуже. Иногда он путать, что произойти. Иногда неправильно рассказать. Иногда делать ошибка. Потому теперь никто не верить Сраош. Один раз видеть, как сосед украсть корова. Стал говорить об этом хозяин корова. Все надо мной смеяться, и все. В другой раз видеть, как утонуть один ребенок. Рассказать об этом его отец, просить не пускать его на речка, плакать, и он даже сначала меня послушать. Но пройти время, а мальчик быть в порядке. И тогда люди стали думать, Сраош врет. И один раз тот самый мальчик украсть корова, и его отобрать у отец и наказать. А тот человек, которого Сраош называть вор, утонул. Но тогда уже все забыть про мои видиния... Иногда такой видеть, не могу и сам объяснить. Питаюсь предупреждать люди про опасности, но слов нету. Недавно видеть, не надо царевич Ханра ехать в Египет. Потому что из Египет приехать не Ханра, а кто-то другой. Тело – Ханра, внутри – не Харна. Внутри – страшный дэв! Но никто не верит Сраош. Сказать об этом Митра, но Митра посмотреть в огонь и ничего там не увидеть. Он сказать мне, время покажет.

От быстрой ходьбы у Сраоша сбилось дыхание, но он не сбавлял шагу.

Ну, дела, – думал Зар, – что ни знакомый, то обязательно какие-то паранормальные способности. Тут же он, однако, придумал этому объяснение: именно потому-то Сраош и стал помощником Митры, что есть в нем нечто такое, что в общей массе людей редко встречается.

– Елена плохо будет, – добавил Сраош. – Беда будет.

– Но послушай, Сраош, – сказал Зар. – Если ты так часто ошибаешься, то с чего же решил, что на этот раз тебе все верно.

– Не знаю, что это верно, – неопределенным тоном сказал Сраош, и оставшуюся часть пути они шли молча.

Зар то и дело оглядывался по сторонам. Никого по-прежнему не было видно. Они прошли мимо трех сферических сооружений, стоящих треугольником. Трава вокруг вытоптана. Поодаль был взгорок и еще две постройки, на плоские крыши каждой из них вели деревянные лестницы.

Когда обошли взгорок, Зар увидел справа сероватое святилище Митры, а слева, за рядом деревьев, знакомую дорогу. Выйдя на нее и оказавшись у забора, оба остановились как вкопанные. На протяжении нескольких десятков метров забор и калитки были густо заляпаны темно-красной жижей. Кое-где она уже подсохла, в других местах все еще тускло блестела. Не было никаких сомнений по поводу происхождения этой жижи. Какая сволочь могла это сделать? Выглядело так, будто с пары-тройки крупных животных собрали всю кровь, а затем одним махом выплеснули ее на забор. Мысль о том, что это не кровь скота, а, к примеру, кровь тех четырех с лишним десятков пленников, Зар отбросил за отсутствием мотивов такого странного действия. Впрочем, пусть это даже не человеческая кровь, а животная, – понять, чего ради было пачкать ею забор, было трудно. Какой-то жуткий обряд? Но очень уж все это необычно выглядит на фоне пугающего безлюдья? Впрочем, для Зара тема обрядов и ритуалов была темным лесом. Мало ли какими суевериями могли страдать древние персы.

Судя по озадаченному виду Сраоша, тот тоже ничего не мог уразуметь.

– Кровь, – только и пробормотал он.

Зар, выйдя из оцепенения, сказал:

– Ладно, хватит терять времени.

Он двинулся с места. Чтобы как-то избавиться от неприятного осадка, поинтересовался:

– Чем ты зарабатываешь на жизнь?

Сраош не понял вопроса.

– Что тебя кормит? – спросил Зар. – Я видел твой огород. Он маленький. Двоим с него не пропитаться.

– Отец бил воин, – задумчиво проговорил Сраош. – Царь подарил ему земля за хорошая служба. Пока отец живой, у нас есть земля, и могу нанимать работники. Когда он умереть, земля вернется царю, а у меня останется только маленький огород. Но Сраош умеет шить чоба, отец научил, он до войны бил ремесленник. Чоба – это ботинки, в которых ходят воины.

Они подошли к калитке. Сраош уперся в нее руками, чтобы толкнуть, но неожиданно замер, прислушиваясь.

– Никогда не был так тихо, – сказал он.

Зара тишина не пугала. Он ее предпочитал топоту приближающихся всадников, крикам стражников, свисту стрел, но и он хотел как можно скорее узнать, в чем же, собственно, дело.

Сраош толкнул калитку и вошел. Свернул к дому, поднял тяжелую циновку, закрывающую вход.

– Никогда не было так тихо, – растеряно повторил он, входя в темный проем.

Зар остановился, так как приглашения войти не услышал, а совать нос в чужое помещение без спросу не хотел.

Он обхватил себя руками и огляделся по сторонам. Земля вокруг была истоптана лошадиными копытами, – это следы, оставшиеся с того самого утра, как Зара схватили «войлочные» стражники.

Он намеревался уже обойти дом, как вдруг раздался душераздирающий крик Сраоша. Слов понять было невозможно, но нетрудно было догадаться, что случилось ужасное.

Зар отбросил циновку и шагнул в темное пространство.

– Сраош! – кликнул он, но в ответ услышал только сдавленный плач.

Зар выставил руки вперед, пытаясь нашарить стену, но тут вспомнил про огонек, и тот сам собой вспыхнул на ладони.

Сраош не обратил на чудо внимания. Он стоял на коленях и рыдал. Он прижимал к груди руку старика, лежавшего на деревянном щите, покрытом соломой. Челюсть старика ритмично подергивалась, а взгляд был устремлен в пустоту. Сомнений не было, это агония.

Увиденное мгновенно встало в один ряд с событиями, дожидавшимися объяснений. Исчезновение людей, кровь на заборе, смерть старика... Даже если отец Сраоша и знал что-то о случившемся, то поведать не сможет, ибо кто-то уже отделил сознание от его дряхлого тела.

– Сраош, – повторил Зар. – Не плач, твоему отцу уже ничем не поможешь.

Подойдя ближе, он положил руку, на которой не горел огонь, на вздрагивающее плечо.

Сраош плакал, постепенно затихая.

Зар поводил другой рукой по сторонам, освещая помещение. В углу подобие печки, в другом – подобие стола, на столе керамический горшок. Возле противоположной стены еще один деревянный щит, накрытый соломой. Над ним две полки с какими-то тряпками, свертками, горшками.

– Ему трудно било ходить, чтобы поесть, попить, – сказал Сраош. – Но он не от этого умирает. Не понимаю, отчего...

Челюсть старика больше не дергалась.

– Надо бы подбородок подвязать, – заметил Зар. – У нас всегда так делают.

– Да... – пробормотал Сраош и поднялся.

Он так и не обратил внимания на огонь в руке Зара. Видно, Мирта его ко всяким чудесам приучил.

Сраош нашел кусок веревки и быстро подвязал умершему отцу подбородок.

Зар подошел к столу, заглянул в горшок. Вода! Он едва остановил себя, чтобы не напиться. А вдруг все-таки чума?

– Не знаю, что происходит, – проговорил он, – но это опасно. Может, какая зараза. Никого нигде нет, твой отец по непонятной причине умер. Мы должны уходить, приятель. Причем немедленно.

– Надо похоронить отца, – твердо сказал Сраош. – Но вначале надо сделать все, как полагается по обычаю Аншана.

Так-то оно так, – хотел сказать Зар, – но стражники вот-вот вернутся и спохватятся, они знают, где ты живешь. Однако Зар не сказал этого.

Сраош вышел, на ходу сбросив со входа циновку. Комнатушка осветилась и сразу словно уменьшилась в размерах.

Через минуту Сраош вернулся. В одной руке у него была кирка и маленькая, покореженная лопата, в другой – ведро. Он протянул его Зару. В ведре была вода. Вряд ли кипяченая, подумал Зар, но пить хотелось до изнеможения и потому пришлось довериться Сраошу. Зар пил, не отрываясь до тех пор, пока к горлу не подкатила тошнота.

Тем временем Сраош вынул солому из двух отверстий в стене, отчего в помещении стало еще светлее. После этого он отодвинул в сторону второй щит и начал сосредоточенно копать.

Неужели ты собираешься хоронить его прямо здесь? – чуть было не вырвалось у Зара, но вместо того, чтобы задать вопрос, он схватил кирку и начал долбить ею глинисто-известняковую почву, то и дело поглядывая через плечо на дверной проем.

Через час, когда яма углубилась метра на полтора, Сраош сказал:

– Хватит. Теперь по обычаю надо звать люди. – Помолчав, он спокойно добавил.

– Однако люди нету. Мы все сделаем сами.

Он опять ушел и вскоре вернулся с покрывалом – тем самым, которое давал Зару, когда устраивал его на ночевку в подвале.

– Отца надо замотать.

Вдвоем они обернули еще не остывшее тело старика и опустили полученный кокон в яму.

Сраош достал откуда-то кувшин, молча наполнил его водой. Затем вытащил из-под стола чан, вынул из него большую лепешку, разломал ее пополам, половиной накрыл горшок, вторую положил на стол. Прodelав это, Сраош залез в яму, поставил кувшин у ног мертвеца, аккуратно накрыл его сверху краем покрывала. Выбравшись обратно, он сказал:

– Можно закапывать, – и тяжело, протяжно вздохнул.

Через пятнадцать минут на месте ямы был небольшой холмик. Сраош плотно утрамбовал его руками.

Он встал и, пошатываясь, вышел из дома. Вскоре послышался звук льющейся воды, а затем запоздалое приглашение:

– Иди, надо руки помыть от земли.

Зар вышел. На ограде висела глиняная посуда с узким отверстием внизу, через которое струилась вода. Сраош сполоснул руки и подлил воды из ведра. Зар вымыл руки до локтей, а заодно и умылся.

Небо за оградой стало лиловым: похоже, солнце коснулось уже горизонта или вот-вот должно было это сделать.

Зар прислушался, но ни топота, ни человеческой речи, только где-то вдалеке мычали коровы.

Голод настолько уже скрутил кишки, что когда Сраош сказал: «Теперь по обычаю надо кушать», Зар чуть не ответил: «С удовольствием», но вовремя прикусил язык, сочтя неуместным говорить в такую минуту об удовольствии.

Они вернулись в дом и, усевшись на отодвинутое ложе, в молчании съели оставшуюся половину лепешки и опустошили вытасценную из чана глиняную посудину с нарезанной кусками вареной свеклой, тыквой и баклажанами. Овощи были подсохшими, но вполне съедобными.

Когда поминальная трапеза окончилась, Зар прокашлялся и сказал:

– Больше не можем терять ни минуты. Скоро ночь. Мы сбежали, стражникам известно, где находится твой дом. Если ты одолжишь мне какое-нибудь ненужное тряпье, буду благодарен. И надо тотчас уходить. Прежде всего, необходимо разузнать, куда подевались люди. Ради этого я готов идти обратно в город, на главную площадь, к стенам дворца. Думаю, тебе лучше всего идти вместе со мной. Как знать, что нас ждет там, но пока мы не выясним причины безлюдья, у нас нет стратегии. Мы не можем сидеть в доме, если в городе чума, или если на город напали какие-нибудь враги-соседи.

– Но если напали враги, то мы бы их видели всюду, – заметил Сраош, поднимаясь. Он подошел к полке, порылся на ней и подал Зару сверток материи. – Вот, почти новый. Носи.

Это был балахон. Почти такой же, как на Сраоше, только рукава и полы были украшены темной ленточкой. Зар быстро натянул его на себя. В плечах узковато, зато длина почти до пят: тепло и уютно.

– Да, врагов не видно. Пожаров тоже. Но может статься, что это был какой-то мирный договор о капитуляции.

Впрочем, это так же маловероятно, как взрыв нейтронной бомбы или результат воздействия химического оружия.

Они вышли во двор. Сраош повесил циновку на место и сказал:

– Митра не ищет нас. Это плохо. Митра далеко и очень занят. Дела скверно. – Он толкнул калитку, осторожно выглянул. – Никого.

Они дошли до того места, где забор был полит кровью. Кровь уже подсохла, но теперь, когда в воздухе запахло вечерней сыростью, ощущался неприятный сладковатый дух.

Зар обратил внимание на то, что не углядел в первый раз: дорога в некоторых местах буквально взрыта, будто по ней проехал танк, и следы эти соответствуют следам крови на заборе.

Сраош не смотрел на пятна, он шагал, понуро склонив голову. И потому Зар первым углядел идущую навстречу женщину.

Что-то было в ее походке не соответствующим ситуации. Казалось бы: внезапное опустение, безлюдье, каковы бы ни были их причины, должны навевать уныние, подавленность, но женщина шла легкой, танцующей походкой. Подбородок ее был поднят, плечи распрямлены, грудь выпячена, ноги под длинной юбкой двигались незаметно, и оттого вся она словно плыла по поверхности дороги. Руки же наоборот диссонировали по отношению к остальным движениям: их плавные, даже замедленные, но чересчур широкие махи вызывали в воображении мысли о змеях, изящно воздымающих гибкие тела над корзиной заклинателя.

– Гляди-ка, – шепотом сказал Зар.

Сраош машинально поднял голову, бросил по сторонам пустой, тоскливый взгляд и вновь уронил голову.

Женщина была метрах в ста. И тут произошло невероятное. Расстояние в мгновение ока сократилось до нескольких десятков метров, словно в спину женщину что-то мощно толкнуло. Но она не упала и даже не изменила положения. Она шла все так же прямо и уверенно, как до этого.

– Ты это видел?.. – изумленно прошептал Зар, не отводя глаз от странной путницы. – Она к нам скачками... Блин!

Движения незнакомки все больше походили на танец. Плечи ее ожили и стали выписывать невообразимые восьмерки, а тонкая, гнущаяся шея закачалась из стороны в сторону, как стебелек колокольчика, но лицо двигалось в одной плоскости, и тут только Зар заметил, что женщина не сводит с него пристального взгляда. Где же он уже видел эти злые жгучие глаза, черные, как сама пустота?

Внутри похолодело. Зар зажмурился, тряхнул головой. Затем с отвращением сплюнул.

– Кто это такая, Сраош?

Тот непонимающе повел глазами.

– Где? Про кого ты говоришь?

– Да про нее же, хрен бы ее побрал! – Зар кивком показал вперед. Но на дороге уже никого не было.

– Черт! – выругался Зар, озираясь по сторонам. – Только вот... по этой дороге шла. Танцующая баба... Пялилась так, словно я ее враг заклятый. Сперва сиганула метров на пятьдесят, потом вовсе пропала. Слыш, что говорю? Да гдеж она?... Такое ощущение, что спряталась где-то рядом... следит за нами из-за забора. Эй, пошли скорей, может, она заскочила в одну из калиток. – Он стал подталкивать компаньона в плечо. – Надо отыскать ее, расспросить, что к чему.

Сраош посмотрел отсутствующим взглядом. Тут сзади раздался женский смех. Зар резко обернулся. Женщина удалялась, продолжая свой фантастический танец. Под юбкой ее все так же не улавливалось движение ног, словно она не шла, а катилась на роликах с моторчиками.

Зар схватил Сраоша за плечи и резко развернул. Тот безучастно посмотрел вслед удаляющейся женщине, невозмутимо произнес:

– Отец бил старый, Митра его вилечить. еще два дни назад бил совсем здоровый. Что его убить? Что его убить?

Зар глянул на Сраоша. Неужто не видит? Или не находит ничего странного в ее омерзительном танце? Зар вновь посмотрел на дорогу, но женщина исчезла.

Ну что тут скажешь?

– Призрак, – махнул рукой Зар.

Говорить больше не хотелось. Они пошли дальше, и Зар погрузился в мрачные раздумья.

Ведьма явилась не случайно. И видел ее только ты. Стало быть, она к тебе приходила.

Наверняка Митра мог бы в этом разобраться, только бог его знает, где он теперь. Сраош говорит: не в городе. Это всего лишь предположение, но других данных нет. А потому можно допустить, что Митра оказался одним из многих горожан, которые покинули Аншан. Значит, люди просто ушли. Те, кто успел. А из тех, кто не успел, нападающая сторона выпустила кровь и щедро расплескала по заборам. Для устрашения. Впрочем, пока имеем единственный факт столь жестокой расправы, да и то пока не подтвержденный.

Дальше. Митра до сих пор не связался с ними. Возможные причины? Первая: он просто-напросто забыл о Заре и Сраоше. Но, если учесть, что он упоминал о своих врагах, но ни разу не говорил о друзьях, то последних у него не так уж и много, хотя бы помощника своего должен был вспомнить. В надежности телепатической связи Митры Зар уже убедился, но, может быть, Митра ушел дальше радиуса действия связи? На этот вопрос ответа нет. Разве в школе ему рассказывали, каков радиус действия телепатической связи? Да и не телепатия это, а нечто посерьезнее: старик с ним общался не одними только мыслями, он посещал его камеру всей своей светящейся персоной.

Другие причины: может, с Митрой что-то случилось, или на пути его телепатических волн стоит какая-то преграда, дающая помехи? Старик хвалился, что он заговоренный, и с учетом всех обстоятельств это следует воспринимать почти как материалистический факт, и значит, надо надеяться, что и в этот раз Митре повезло. Наверняка, он просто занят безопасностью своей внучки, и тогда его вполне можно понять.

Итак, требуется выяснить, что за агрессор вытеснил горожан из их домов, из какой части света он пожаловал, и в чью сторону ему, Зару, целесообразней отступать. Где тыл врага, а где – персов? При этом надо не забывать, что если для Сраоша персы – однозначно свои, то для Зара свои те, кто более цивилизован. Те, чьи законы ближе к его, современным, представлениям о справедливости.

А может, ты и ошибаешься в корне, и какие-нибудь дикие кочевники (скифы, например... татаро-монголы...) быстрее примут тебя за своего, чем развращенные богатой жизнью, греки или египтяне (знакомые исключительно по старым американским фильмам)?

Ну ладно, размышлялся... Попробуй еще добраться до этих скифов или греков. Поездов-то здесь нет. Так что думай о сиюминутном выживании, о том, как тебе от голода и холода не окочуриться. Приспосабливайся.

Так думал Зар, пока они шли по проселочной дороге.

Тревожное мычание коров, которых, наверняка, некому было подоить, теперь отдалилось, но не стихло. Кто же поможет несчастным животным, оставшимся на пастбище?

Не доходя пару сотен шагов до известного Зару пустыря, Сраош потянул его за рукав, – они свернули в узкий проулок и вскоре оказались на другой дороге с такими же оградами.

Тем временем начало смеркаться. Вечер был теплым и безветренным. В сыроватом воздухе висел запах деревни. Дорога еще не остыла. Это был первый вечер, который Зар проводил под открытым небом. В Питере так тепло бывает только в июле-августе.

И тут появились первые признаки пребывания таинственных агрессоров. Впереди с забором было что-то не так – какой-то проем, слишком большой для раскрытых ворот. Уже на подходе к этому месту Зар увидел характерные рытвины на дороге. Присел, потрогал рукой дно одной из них. Грунт уплотнен, видно, в этом месте надавила приличная тяжесть. Но следы неровные, явно не от гусениц или колес. Однако и отпечатками лап какого-нибудь гигантского ящера их тоже нельзя назвать. (Тут Зар вспомнил, что в какой-то бульварной газетенке читал, что некоторые ископаемые динозавры могли на самом деле вымереть не так уж давно и сохранялись вплоть до средневековья, и уж потом были истреблены рыцарями под час охоты на драконов.)

– Сраош, драконы бывают? – спросил он, но тот не понял вопроса и только пожал плечами.

Зар распрямился. Они подошли к проему. Забор был повален и изломан, словно его снесли бульдозером. Зар прошелся по ограде и увидел, что стена дома, стоящего во дворе, густо забрызгана кровью. В сумерках она выглядела темно-коричневой. Кровь была и на вытоптанной площадке, и на стволе дерева, растущего среди двора, – ее было так много, что казалось, в этом дворе взорвалась бочка, наполненная кровью.

– Ладно, пошли, – угрюмо сказал Зар.

Теперь он точно знал, что это не жертвоприношение, и был почти уверен, что кровь принадлежит не скоту. Но даже, если они встретят еще десяток таких ужасных мест, это не поможет воображению воссоздать вид зловещего агрессора.

Отпали и мысли об эпидемии. Никакие факты не вязались с представлениями о чуме или каком-нибудь свино-курином гриппе.

Дорога постепенно стала расширяться. Впереди виднелись деревянные сараи, глиняные стены домов. Зар догадался, что скоро они окажутся в Восточном Поселении.

Сраош по-прежнему был погружен в раздумья.

Зар огляделся. Хоть бы какую палку на всякий случай выломать из забора: а то вдруг выскочит откуда ни возьмись вооруженный стражник.

Он свернул к ограде и схватился за толстую ветку, торчащую из нее, дернул с силой, но та с хрустом переломилась: ограда оказалась трухлявой.

Дошли до сараев. Здесь было так же тихо, как и в пригороде.

Свернули влево, вошли в темный узкий проулок. Ноги тут же влезли во что-то чавкающее, неприятно прохладное. Зар хотел посветить, но огонек бы тут не помог, а зажигать пламя – только понапрасну растрачивать силы.

Шли они по проулку на удивление долго. Один раз пришлось даже перелазить через какой-то смердящий завал, состоящий из трухлявых досок и прелых тряпок. Кое-где так разлило нечистотами, что глаза слезились. Стаи тяжелых мух то и дело с сердитым гулом взлетали с насиженных мест, ударялись в лицо и шею. А ощущения, испытываемые босыми ногами, Зар просто-напросто старался игнорировать, в противном случае его бы стошнило. Неужели не было другого пути к центру города?

Проулок кончился. Пролезши меж двух покосившихся хибар, они выбрались на широкий перекресток, посреди которого была навалена бесформенная куча то ли каких-то стройматериалов, то ли крупно-нарубанных дров. К запаху гнили и отходов примешался другой, от которого сразу сделалось не по себе. Сраош, шедший впереди, испустил сдавленный вскрик.

Тихо ты, хотел сказать Зар, но слова застряли в горле, когда он понял, что за куча перед ними.

Это были тела людей. Десятка два или три человек искромсаны так жестоко, что нельзя было рассмотреть в отдельности ни единой фигуры, все было вперемешку – руки, ноги, головы, внутренности; казалось, неведомая могучая сила расчленила тела, превратив их местами в грубо-измолотый фарш, и словно мощным заворотом смерча сложила в виде правильной спирали. Нет, не смерча даже, а гигантского блендера.

Тошнота подступила к горлу Зара, но он справился с ней, а Сраош просто отвернулся и, прижав руки к груди, стал что-то торопливо бормотать на своем языке.

Зар заставил себя смотреть. Опять ощущение зловещего ритуала. Какая-то патологическая идея за всем этим, что-то восторженно-смертоносное. Но отчего так трудно представить, что здесь, устроив кровавую сечу, согнувшись, ходили по кругу дикари-захватчики, выкладывая останки в геометрическом порядке?

Зар медленно обошел страшную спираль. (СПИРАЛЬ СМЕРТИ!) Несколько раз он кратковременно зажигал огонь, желая рассмотреть подступ к куче человеческих тел и убедиться в своем предположении: вокруг не обнаружилось ни капли крови.

Как сюда притащили эти тела? Кто или что их раскладывало в таком порядке? Зачем? Куда ушли злодеи?

Место было опасным, и задерживаться здесь нельзя.

– Уходим, Сраош, – глухо проговорил Зар. – Веди к центру скорее, пока окончательно не стемнело, только, прошу тебя, выбери дорогу пошире.

Тут он увидел, что в куче мертвой плоти что-то тускло поблескивает. Зар наклонился, задержал дыхание, чтобы не вдохнуть сладковатого запаха крови. Не совсем еще стемневшее небо отразилось в узкой полоске меча. Рукоять запуталась в кишках, но этот меч был очень нужен Зару, – двумя пальцами он взял клинок чуть ниже рукояти и стал поднимать. За рукоятью потянулись внутренности, с омерзительным звуком отлипая друг от друга, соскальзывая вниз. Наконец, рукоять освободилась, Зар взялся за нее двумя пальцами другой руки, поднял меч и перенес его подальше от кучи. Увидев островок травы возле угла одной из лачуг, он подошел к нему и положил меч. Нарвав пучок травы, аккуратно вытер рукоять и клинок, затем взял меч как положено, приценился к весу. Килограмма четыре будет, не больше. Жаль ремня с ножнами нет, уж их-то искать в этой жуткой куче он не станет.

Зар кивнул Сраошу, и оба зашагали прочь.

12

– Что это? – спросил Сраош.

– Ты у меня спрашиваешь? – фыркнул Зар. – Я в вашем мире пока только турист. Лучше сам скажи, какие предположения. Честно говоря, ума не приложу, чем можно такую мерзость сотворить. Бывают у вас смерчи? Такие, знаешь ли, ветры, которые крутятся вокруг своей оси.

Сраош не знал ничего о смерчах. Да и трудно было себе такое представить: стоит на перекрестке толпа людей, налетает на нее смерч, превращает в фарш и тут же исчезает, оставив нетронутыми хлипкие крыши лачуг.

– Это дэвы, – неуверенно проговорил Сраош. – Злые демоны. Только они могли это сделать.

Митра рассказывал о дэвах, вспомнил Зар. Служители Невидимого.

– А ты видел дэвов? – спросил Зар.

– Не знаю, – отозвался Сраош. – Может, видел. Может, не видел. Только Митра может знать дэва, когда он не проявлений. Но если он проявлений, тогда его видно каждому.

Дорога закончилась, и они вышли на открытое место. Зару показалось, что он уже бывал здесь. Так и есть: вон забор вокруг рынка, где он обменял доспехи на китайский костюм. Отсюда пешком до царского дворца минут двадцать, не больше.

Обошли рынок. Отсюда дорога делала небольшой подъем. Вот углубление посредине, по которому уходит сточная вода. Тут он ехал на коне, это была его первая экскурсия по Аншану. Теперь все вокруг выглядело по-другому. Аншан был темен и

мрачен. Кое-где двери в домах были распахнуты и зияли чернотой. Люди, напуганные кем-то или чем-то, бежали, побросав свои жалкие пожитки.

Было уже темно. Может, на стенах где и были кровавые следы, но теперь их нельзя было отличить от пятен осыпавшейся штукатурки.

Зар крепко сжимал меч, ему чудилось, что вот-вот кто-то выскочит из какой-нибудь лачуги и поэтому, каждый раз проходя мимо распахнутой двери, он напрягался и выставлял меч острием вперед. Но улица была мертва.

И еще казалось, что чем ближе ко дворцу, тем сильнее чувствуется запах смерти – сладковато-гнилостный, земляной.

– Сраош, я хочу выучить твой язык, – сказал Зар чтобы отогнать это гнетущее чувство. – Как, например, на персидском будет меч?

– Тоар или хаж, – сказал Сраош. – А можно, сибир. А еще сфет. Люди в Аншане говорить на многих языках. Все перемешани. Ти лучше попросить Митра. Он знает многих правильных язык.

– Сибир, – тихо повторил Зар. – Похоже на Сибирь. Ты считаешь, с Митрой все в порядке?

– Митра старый, но его никто не может убить. Митра – очень сильный маг. Его боится даже жрец-кави Нахат. А царевич Аурам с ним дружить. Где Аурам, там и Митра.

– Где Аурам, там и Митра, – повторил шепотом Зар. – Как же нам-то их найти.

В эту минуту в тишине раздался звук шлепающих по мостовой босых ног.

Сраош первым бросился в сторону. Хотел спрятаться в сарае с открытыми воротами. Наперерез ему метнулась фигура в светлом хитоне. Зар увидел копьё в руках нападавшего, нацеленное прямо в грудь Сраоша.

Меч был мало пригоден для метания, но Зар изо всех сил швырнул его в неизвестного и попал. Человек повалился на землю. Кинувшись к нему, Зар перехватил копьё, которое незнакомец все еще не выпускал из рук и, развернув его в воздухе, приставил острие к туловищу. На хитоне теперь было темное пятно, которое быстро увеличивалось. Значит, не просто угодил мечом, а сумел-таки его вогнать. В темноте Зару показалось, что он видит, как из бока раненого торчит клинок. Зар поднял правую ногу и подошвой осторожно нащупал рукоять. Незнакомец застонал: в этом стоне не было жалобности, скорей он напомнил урчание зверя, у которого попытались отобрать кусок мяса.

И вдруг незнакомец сильным ударом отбил копьё так, что оно чуть не вылетело из рук Зара. В следующее мгновение чужак стоял рядом, выпрямившись во весь свой немалый рост. Он обеими руками схватился за рукоять и с тем же звериным урчанием попытался вытащить из себя меч. Зар ударил ногой его по рукам, и меч вновь вошел в живот. Незнакомец яростно заревел. Вместе со словами из горла его изверглись брызги крови, – Зар почувствовал их на лице. Отступив на шаг, он выставил перед собой копьё и крикнул:

– Брось сибир!

Но человек в окровавленном хитоне вырвал из себя меч и несколько раз взмахнул им перед собой, пытаясь отбить копьё. Зар ушел от ударов, отступая назад, тем временем соображая, куда ткнуть противника, чтобы уже наверняка, как вдруг незнакомец метнулся в сторону. Меч со свистом разрезал воздух возле самого уха. Если бы враг не промахнулся, то Зар бы уже обливался кровью.

Он перехватил копьё по-другому и вовремя отскочил: соперник провел новую атаку, но на этот раз меч лязгнул по копыю.

В тусклом свете звезд чужак казался ожившим мертвецом. Вся одежда его была пропитана кровью и издавала во время движения хлюпающий звук. По всем признакам враг должен был слабеть, но вместо этого он вновь и вновь нападал, и скорость, с которой он совершал атаки, была сверхъестественной даже для здорового человека.

Улучив момент, Зар резко взмахнул копьем, заставив чужака пригнуться, и когда тот начал поднимать голову, ударил в надплечье. Острие пробilo мышцы, прошло сквозь грудную клетку и, как показалось Зару, вышло где-то под правой лопаткой.

Чужак рухнул на колени, но все же поднял меч. В следующую секунду Зар ударил его ногой в лицо, и враг опрокинулся на лопатки. Оббежав его, Зар подобрал выпавший меч и дважды рубанул поверженного по горлу. Меч был недостаточно остр, и голова не отделилась от туловища. Зато этих двух ударов Зару хватило, чтобы избавиться от распирающей грудь ярости.

Тяжело дыша, он отступил. Разметавшись, перед ним лежало тело убитого.

По животу Зара стал медленно разливаться холод уныния.

Зар всякого в жизни насмотрелся, но убил человека впервые.

В голове была необычная пустота и ясность. Казалось, что разум сейчас способен на многое. Например, чуток подумав, можно осмыслить, что в действительности произошло с этим странным городом. Вот этим ему и надо заняться. Только сперва отойти бы подальше от трупа. Где же Сраош?

– Эй, приятель, выходи, – позвал Зар.

А голос-то чужой, заметил он. Высокий какой-то, чуть ли не женский. И такой ледяной.

Поверженный захрипел. Снова захлюпала его одежда.

Зар попятился, выставив перед собой меч. Чушь, мертвец не оживет, это только предсмертная агония. Да и ее по идее не должно быть, уж теми-то двумя ударами он ему все сонные артерии разорвал, а без них человек жить никак не может. Но, тем не менее, человек в окровавленном хитоне уперся локтем в землю и, забулькав горлом, сел. Чуть погодя он икнул и испустил прерывистое хрипение. Наверное, на самом деле это было то самое звериное урчание, которое он издавал раньше, но теперь, когда горло превратилось в кашу, у него выходили только такие вот ужасные харкающие звуки.

– Это дэв, – прозвучал откуда-то из темноты испуганный голос Сраоша. – Убей его! Убей, пока не поднялся на ноги.

– Но как?! – Зар махнул в воздухе мечом и стал прыгать вокруг хрипящего окровавленного существа, готовясь рубануть, как только тот попытается встать.

– Бей, пока лежит!

Голова окровавленного склонилась набок, почти прилипла к плечу. Глаз не было видно в темноте, но Зар вдруг почувствовал их пристальный злобный взгляд, такой же, каким смотрела на него танцующая женщина.

Удар был не рубящим, а скользящим. Именно так надо наносить удар медным мечом, понял Зар уже в момент удара. И тогда не надо вкладывать в него столько силы. Голова легко отделилась от туловища и стукнулась о брусчатку. Но тело все еще двигалось.

– Бежим! – крикнул Сраош, выскакивая из сарая.

Зар стоял, широко расставив ноги, целясь острием меча прямо в булькающее горло.

Сраош проскочил мимо, что-то крикнул, но Зар его уже не слышал. То, что сейчас находилось перед ним, было частью большого зла, грозившего этому миру, этой эпохе, и не только, – оно протягивало свою костлявую окровавленную лапу в его мир, туда, где мать вынашивала под сердцем его – Зарова – брата. И это значит, надо сражаться до последнего. Крушить зло, использовать все возможности, и не отступать до тех пор, пока позволяют силы.

Он ударил. Опять скользяще. Хрустнула ключица, меч рассек пару ребер и наткнулся на торчащее в груди копьё. Зар отбросил меч назад, схватился за копьё, опрокинул чудовище наземь. Вырвал копьё и несколько раз ударил в середину груди, туда, где сердце. Затем отступил, подобрал меч и стал ждать.

Прошла минута, и то, что осталось от напавшего в ночи безумца, вновь зашевелилось. Исполненное тупой злобы, оно заклокотало изувеченной грудью и начало подниматься. Темнота не позволяла видеть его движения, так как одежда стала совсем темной от крови, но чуть погодя Зар увидел, что существо уже твердо стоит на ногах.

Что дальше? Соперник не был опасен. Теперь этой твари можно по очереди отрубить руки, ноги... Неужели и после этого она будет жить? Какая же зараза вдохнула в нее это движение, которое и жизнью-то не назовешь, а скорее дурацкой, бессмысленной инерцией?

Обезглавленный икнул и шагнул к Зару. В ту же секунду Зар понял (почувствовал!), как его остановить. Расслабил пальцы и оружие, выскользнув, лягнуло о мостовую. Вытянул перед собой обе руки и выдул из ладоней два ярких раскаленных снопа. Осветившееся на секунду существо мало походило на человеческое. Локти странно подпрыгнули в стороны, стали на миг подобны сложенным орлиным крыльям; тело согнулось, словно перед прыжком, а в темной глубине горла разверзлась дыра, похожая на гневно смотрящий глаз. Огонь погас, и в следующее мгновение тело безвольно повалилось на землю.

Зар постоял несколько минут, ожидая, когда перед глазами исчезнут яркие пятна, оставленные огнем. Наконец нормальное зрение вернулось, и он увидел неподвижное пятно перед ногами. Пропитанная кровью одежда не загорелась. В воздухе стоял отвратительный запах. Постояв еще минуту и убедившись, что на этот раз все кончено, он поднял оружие и пошел к Сраошу.

– А ты был прав, когда говорил, что проявленного дэва невозможно спутать с обычным человеком, – сказал Зар. Голос на этот раз был хоть и осипшим, но своим. Ни страха, ни сомнений больше он не испытывал. Он сделал то, что должен был сделать. Это победа, а не убийство, и значит, совесть мучить не станет.

– Сраош, ты где?

Ответа не было.

Зар огляделся, напряг зрение. Уже стемнело настолько, что с трудом можно было бы различить фигуру человека, стоявшего у стены.

– Эй, приятель, это ты или не ты? Не молчи, отвечай.

Зар шагнул к пятну, на всякий случай держа копье наготове. Когда до погруженного в молчание человека оставалось несколько шагов, произошло движение: фигура прыгнула в сторону, рука с каким-то оружием взметнулась вверх. Зар отразил удар мечом, отскочил назад и услышал знакомое урчание.

Он не стал долго тянуть. Запустив копье куда-то в центр мечущегося перед ним пятна, он изверг из освободившейся руки пламя, и на этот раз ему довелось увидеть глаза дэва.

В этих глазах не было ничего человеческого. Даже звериными их можно было назвать с большой натяжкой. Две черные дыры, две пустоты, лишённые смысла, только где-то, в бездонной глубине, вращается сгусток неудержимой злобы.

Огонь отбросил тело дэва обратно к стене, – ударившись, оно сползло на землю и больше не подавало признаков жизни.

Зар подошел ближе и пламенем средней силы осветил лицо. Покидая человеческое тело, зло обезобразило его настолько, что с этого лица можно было лепить маску какого-нибудь ужасного африканского идола.

В этот миг Зар почувствовал острую необходимость немедленно идти во дворец.

Зар потушил огонь, пересек улицу и на минуту остановился у противоположной стены. Копье он оставил в теле поверженного дэва, решив, что тащить с собой столько металла будет непрактично. Попадись ему сразу двое-трое таких психов, лишний вес только замедлит движение. Как показала практика, самое сильное оружие заключено в нем самом. Вот только каков его запас? Произведенное только что огнеметание несколько

не обессилило его, значит, чему-то он незаметно для себя уже научился. Но Митра предупреждал, что самому практиковать эти опыты крайне опасно. Если не постигать науку планомерно, под контролем учителя, то однажды можно сжечь самого себя.

Глаза снова начали привыкать к темноте. Но ночь окончательно вступила в права, теперь уже во тьме нельзя было различить противоположной стены. Даже если в расщелинах между лачугами кто и прятался, высмотреть его было невозможно. Казалось бы, и вооруженный враг и Зар находятся в равных условиях, но что если нападающие твари видят как-то по-другому?

Зар побрел в первоначально выбранном направлении. Он мог пользоваться только внутренним компасом. Ему казалось, что восток сзади. Значит, надо пройти чуюток вперед и свернуть направо, потому что дворец находится в северном направлении, если смотреть на него от дома Сраоша или святилища Митры.

В голове уже не было той ясности, которую он ощущал сразу после «первого убийства». То и дело из памяти вылезали какие-то вампиры и оборотни из фильмов, рассказ Митры о могучих таинственных духах и их договоре, танцующая женщина и отчего-то царевич Ханра в его черной полумаске.

Куда же ты идешь теперь один? – спрашивал себя Зар. Сраош был тебе каким-никаким гидом, мог бы, по крайней мере, в случае чего показать короткий путь к отступлению, но теперь его нет рядом.

Вдруг в памяти отчетливо прозвучали слова: «Не уйдешь – кровь прольешь. А уйдешь – один хрен умрешь». Кто произнес их с такой убийственной уверенностью? Та самая танцующая женщина? И не она ли являлась тебе за секунду до того взрыва, который закинул тебя сюда?

Ты встретил само зло, верно? То самое, что управляет всеми на свете чертями. Мерзость, которая всех ненавидит. И она играет с тобой. Иначе, на хрена все эти призраки, бешеные люди-дэвы, бросающиеся на меч и зловещие спирали из человеческих тел?

Может, тебя хотят как следует поугаить перед тем, как превратить в кровавые брызги на стене? Но за какие заслуги столько чести?

А что, если твое иновременное происхождение здесь какую-то роль играет?

Если в будущем миру грозит опасность, если Мерзость с помощью дэвов надумала разрушить и пожрать (как говорил Митра) весь мир, то как назвать то, что сейчас творится в Аншане?

Что же собственно могло случиться? Пришли злобные твари и изгнали царя с обоими царевичами? Или просто пожрали их?

Ладно, чего не знаешь, о том не спеши гадать. Иначе такого понапридумываешь, что ни одному режиссеру ужасиков не снилось.

Зар шел дальше, радуясь тому, что в душе нет ни капли страха. Не иначе, организм подключил какие-то скрытые резервы, и они сами перестраивают работу нервной системы. Снова фантазии, но что, если он тоже уже не совсем обычный человек? Огонь, вылетающий из рук, – это еще можно воспринимать как небольшое отклонение от нормы (ха-ха-ха!), но отсутствие страха, когда топаешь среди ночи к центру города, захваченного демонами, натываясь на груды мертвых тел, – вот это уже явная патология. Черт возьми! Это же поведение, лишённое всякого мотива. Ведь даже дойдя до дворца и увидев Невидимого (абсурд полнейший!), ты не станешь сильнее и ничем не обезопасишь существование, ты рискуешь быть сожженным прямо на месте. Или размолотым гигантским блэндером. Или, как вариант, разбрызганным по стене.

Зар несколько раз почти физически ощущал, как разворачивается и идет обратной дорогой прочь от центра. Снова огибает страшную спираль, пробирается по узкому проулку, чавкая босыми ногами по прохладной кашеце разлагающихся нечистот. Проходит по проселочной дороге мимо поваленного забора, а чуть погодя мимо дома Сраоша, под которым лежит остывшее уже тело его отца, а затем и вовсе выходит из

селения. Оказывается среди чистого поля, освещенного тусклым светом звезд. Поле ведет к дальним плоскогорьям, за которыми лежат горы. А за горами, может быть, Средняя Азия, а еще дальше скифские равнины. А может, Китай? Только Митра, наверное, знает, что там за чем находится, потому что Митра, безусловно, самый умный и эрудированный человек в этом времени...

Зару только казалось, что он идет назад. На самом деле он неуклонно продвигался к центру города.

Часть II

13

Гнездо, как Зар мысленно называл про себя свое убежище, располагалось в небольшом уютном углублении, выветренном в самом основании скалы.

Пеструха паслась неподалеку на лугу. Травы здесь было полным-полно, но Зар подкармливал Пеструху свеклой, – за семь ходок к пригороду Аншана он притащил в мешках столько овощей, что мог себе иногда позволить делиться с коровой.

Вплотную к скале он пристроил небольшой навес из стволов молодых деревьев, ветвей и сена, под которым привязывал Пеструху на ночь. Здесь же соорудил стеллажи. На них он хранил посуду, прихваченную вместе с овощами.

Когда Зар доил Пеструху в первый раз на рассвете после той кошмарной ночи в Аншане, она стояла неподвижно и лишь изредка слегка подрагивала. Была терпеливой и благодарной Зару и судьбе за то, что ей одной выпала удача оказаться подоенной. Зар нашел ее на дороге. Коровы сами покинули пастбище и вернулись в поселение и, не найдя хозяев, с жалобным мычанием бродили по улицам. Зная, что со всем стадом ему не совладать, Зар подошел к первой попавшейся корове и накинул на нее кожаный ремешок, которым обзавелся во дворце и который все равно не годился для того, чтобы удерживать меч на поясе. Прежде чем подоить корову, он вывел ее из поселения, прихватив по пути мешок, кое-каких овощей и ведро с глиняной чашей. Тогда еще действия его были скорее интуитивны, чем обдуманы.

Лишь оказавшись в километре от последней лачуги, Зар остановился, поставил ведро под вымя и стал делать то, что иногда приходилось видеть в кино. Дело оказалось нехитрым, но в первый раз доил он чуть ли не час, прежде чем из сосков перестали брызгать тонкие молочные струйки. Ведро наполнилось до самых краев, и в тот момент, когда Зар вытаскивал его из-под коровы, его вдруг осенило, что во все времена ведра были примерно одного размера, и что размеры эти определялись количеством молока в вымени одной хорошей коровы. И тут же между ним и Пеструхой промелькнула какая-то искорка, и, наверное, именно в эту минуту Зар перестал быть человеком городским.

Зачерпнув молока чашей, он стал не спеша пить, рассматривая корову. Она была бурой, с несколькими белыми пятнами на голове и на бедрах, не слишком крупной, но хорошего телосложения. Напившись, Зар сказал:

– Ха! Небось, когда теленком была, не думала, что придется своим молоком пришельца из будущего поить, да к тому же взыправдашнего победителя дэвов? А молоко-то теплое... – И чуть погодя он добавил: – Буду тебя Пеструхой звать.

Затем он посмотрел на меч, лежащий в траве, на мешок с овощами и на ведро с молоком. Вытряхнув из чаши остатки молока, он уложил ее в мешок и привязал его к коровой шее. Затем вылил из ведра треть молока, поднял меч и пошел к горам. Самая первая в мире Пеструха побрела следом.

Если бы тогда Зар немного задумался о своем положении и ближайшем будущем, то вероятно, вернулся бы в поселение, помародерствовал бы, набрал бы

побольше продуктов в мешок, дотащил его до Пеструхи и погрузил бы ей на спину. Тогда бы ему не пришлось впоследствии совершать столько пеших набегов за свеклой, рисом и тыквами. Но в то утро он не мог рассуждать так прагматично. Ему казалось достаточным и того, что он убегает из проклятого города и ведет с собой корову, которая будет давать ему молоко, а из молока получится простокваша, творог, сливки, а даст бог, и масло, если он сообразит, как его там правильно сбивают.

Дорога через равнину была не слишком хоженной, – видно, на Восток аншанцы путешествовали не часто. Тем не менее, Зару несколько раз попались свидетельства того, что часть людей ушла из города именно этой дорогой. Кое-где были сломаны кусты, иногда попадались не высохшие еще конские яблоки, следы копыт и даже следы босых человеческих ног.

Но когда он добрался до гор, дорога разделилась на две широкие тропы. Было неясно, куда направились беженцы, но даже если бы он смог правильно определить направление, не было смысла догонять небольшую группу селян.

Поэтому Зар свернул наугад, прошел с коровой еще около километра, пока не наткнулся на ручей, стекающий по склону. Поднявшись по нему вверх, Зар достиг шелестящего водопада, льющегося из расщелины в скале. Побродив по округе, он обнаружил то самое углубление, которому суждено было стать его приютом. Решив пренебречь отдыхом, Зар тут же принялся за обустройство гнезда. Натаскав сперва веток и прутьев, а потом охапок осоки, он устроил себе ложе, которое в сравнении с соломенным тюремным оказалось поистине царским.

После этого он завалился на новую постель и тотчас уснул. Ему ничего не снилось.

Когда он проснулся, был вечер. Попив молока, Зар уселся на большой плоский камень и долго смотрел на раскинувшийся за равниной Аншан.

Город был ни жив, ни мертв. Никакое движение не нарушало покоя пустынных улиц, но вместе с тем казалось, что у города тысяча глаз, и все они пристально на тебя взирают. Впервые Зар почувствовал это ночью, когда неведомая сила влекла его во дворец.

После того, как те два безумца-дэва были отправлены в ад, никто больше не пытался встать на пути Зара. Но, прежде чем добраться до дворца, ему довелось длительное время поблуждать среди безлюдных домов и лачуг.

Зар брел в каком-то странном гипнотическом полусне. Он не замечал своего помрачения. Сперва ноги вели сами собой. Сердце давило ощущение необходимости, граничащее с безысходностью. Дорога то сужалась, то расширялась, поворачивала то вправо, то влево, уходила то вверх, то вниз. Стрелка внутреннего компаса бессмысленно вертелась вокруг оси. Переулкам не было конца. Углы и стены лачуг напознали на него, он шарахался в стороны и все шагал и шагал. Иногда ему мерещилось, что из-под ног выскакивают какие-то мелкие твари – не то ящерицы, не крошечные змейки. Временами отчетливо слышалось жужжание мух, – Зар думал, не забрел ли он опять в какое-нибудь гнилое место; он старался выбирать улицы пошире, но всякий раз заворачивал на какие-то помойки.

Иногда Зар чувствовал себя так тошно, будто пытается и не может выбраться из состояния глубокого опьянения. Осознавал, что плетется по дороге, сжимая обеими руками рукоятку меча, острие которого устремлено во тьму. Куда же тебя несет, черт подери? – спрашивал он сквозь слабый проблеск в сознании, однако шаг не замедлял, словно какие-то высшие силы не давали ему остановиться. Он ощущал на себе тысячи взглядов, – то были глаза улиц. Их постоянная слежка держала в напряжении и отнимала возможность выбора. Это смахивало на то, когда при большой толпе народа собираешься вылезти на трибуну и толкнуть речь; проходишь мимо расступающихся людей, но вдруг на середине пути тебя осеняет, что ты не подготовил слова. А присутствующие молча сверлят тебя взглядами, словно гадают, способен ли ты их удивить. И еще это походило

на поединок, когда двое на татами или ринге выступают друг против друга, а зрители следят за каждым твоим шагом, и ты не смеешь показать им свой страх.

Конец пути отличался от его начала. Когда они со Сраошем вышли из дома, главной целью Зара было увидеть агрессора, оценить его силы и понять, какую из сторон света теперь полагается считать тылом. Операция планировалась как разведка, не более. Но Сраоша, который мог хотя бы определить, к какому народу относится агрессор, теперь нет рядом. Он бесследно исчез, когда Зар изгонял дух из безглавого, икающего, брызжущего кровью дэва. Зару одному предстояло разобраться в происхождении и природе агрессора. Впрочем, вопрос теперь ставился по-другому. Зар больше не ожидал встретить во дворце ни греков, ни египтян, ни скифов с татаро-монголами. Теперь в его воображении вставало нечто бесформенное, безликое, безголосое, имя которому Невидимый. И Зар все острее чувствовал, что он как-то причастен к тому, что эта тварь (или твари) овладела городом, уничтожила людей, а иных заразила, превратив в дэвов. И еще ему почему-то казалось, что таинственное существо и само желает глянуть на него поближе. Но зачем?

Зар пытался стряхнуть с себя это жгучее чувство, он силился остановиться, он уверял себя, что выбор есть, что надо взвесить факты и разобраться, что происходит, и наконец, пришел к выводу, что ситуация здесь какая-то заумная, что понять он ничего не сможет, и ему придется просто принять происходящее. И когда он сказал себе это, дорога внезапно кончилась. Впереди была стена. В тусклом свете вошедшего полумесяца он узнал ее – стену дворца.

Он опустил меч и, опираясь на него, как на посох, двинулся вдоль стены. Прошел мимо лесов, под которыми лежали груды строительного туфа (сперва он принял их за порубанные тела), и приблизился к воротам. Ворота оказались открытыми. Зар вошел в них, постукивая кончиком меча о брусчатку.

Он оказался на просторной территории. Месяц слабо отмечал на фоне неба силуэты зданий, но было понятно, что здания стоят по периметру квадрата со стороной около сотни метров, – видимо, это и есть дворцовая площадь. Стало быть, во время знаменательных событий ворота открывают, чтобы впустить сюда людей, а по окончании церемоний стражники выпускают народ обратно и ворота вновь закрывают. Иначе как объяснить наличие высокого забора и ворот?

Зар пересек площадь и подошел к одному из зданий. На вид этажа три (будь в здании окна, было бы понятно, но только вверх, под самой крышей, чернел ряд квадратных дыр). По архитектурному стилю – барак, один лишь вход украшен двумя колоннами. Дверной проем открыт. Зар вошел внутрь, вытянул перед собой руку, зажег слабый огонек. Тут же по пустоте помещения разнесся негромкий гул, – словно наложился друг на друга два шума – дальний прибой и низкое утробное бурчание. Что это? Ветер? Странный акустический эффект? Зар прислушался, затаив на полминуты дыхание, но шум не повторился.

Он обошел залу. В четырех углах стояли керамические статуи воинов, выкрашенные в зеленый цвет. Вдоль стен стояли длинные скамьи. Больше в этой зале не было ничего.

Зар по очереди рассмотрел статуи. Какие-то боги, а может, правители. Сделаны ужас как топорно. Четвертая статуя привлекла внимание больше других. Она изображала бородача с искривленным набок носом, маленькими, близко посаженными глазами, огромным кривым ртом с опущенными вниз уголками. В грубых медвежьих лапах бородач сжимал полумаску. Не намек ли это на безобразного царевича Ханру? Да не может такого быть. Разве царь позволил бы, чтобы в здании дворца красовалось карикатурное изваяние сына? И, если это Ханра, то кто остальные трое? Один – Сурван, второй – Аурам. Ну, а третий?

Зар вернулся к статуе, которую рассматривал перед этим, но...

Как же он не заметил этого прежде?! – злобное лицо, глаза – две колючие иглы, нос – в сторону, губы-лепешки, борода – веером. А в руках – все та же полумаска.

И тут огонек погас. Зар сделал усилие, но огонек не захотел вспыхивать. Неужели запас кончился? Как не вовремя!

Он оглянулся. В темноте серел лишь прямоугольник двери. Зар еще раз попробовал зажечь огонек, но снова не вышло. Тогда он направился к двери, но, подойдя ближе, понял, что принял за дверь светлое прямоугольное пятно на стене. Ощупав его ладонью, он догадался, что это некое подобие стенда. На гладкой светлой плите (мраморной?) были вырублены ряды горизонтальных и вертикальных насечек, – не иначе, аншанские письма. Зар поводил по ним рукой: шлифованные, неглубокие.

Обернувшись, он искал взглядом выход, но, как ни странно, выхода нигде не было видно. Может, над проемом висела свернутая циновка и, пока он бродил по зале, ветер ее развернул? Да нет, он бы наверняка это услышал. Зар начал медленно обходить стены, прикасаясь к ним рукой. Вот угол, опять одна из статуй, и снова что-то не так. Он не понимал, что было в статуе не так, но чувствовал: на ощупь она отличается от того, что он только что видел. Зар поднял руку и похолодел. Статуя была наклонена. Верхняя половина ее туловища сейчас нависала над ним. Зар отпрянул назад.

Меч теперь был единственным помощником. Крепче перехватив его рукоять, Зар выставил его перед собой и маленькими беззвучными шагами начал пересекать залу.

Когда он решил, что достиг середины, на минуту он остановился и вслушался в тишину. Ни один шороха не нарушал ее, но все же Зар чувствовал на себе пристальные взгляды.

Он запрокинул голову и посмотрел вверх. Там, под черным потолком, в стенах виднелись серые просветы – окошки. Вот благодаря чеиу плита с письменами была различима в темноте!

Внезапно в голове мелькнула догадка. Зар быстро подошел к плите и ощупал ее с краев. Справа она прилегала неплотно. Вставив в щель конец меча, Зар воспользовался им как рычагом. Меч был слишком мягок для таких дел и согнулся бы, приложи он слишком большое усилие. Но Зар вытащил его, как только плита немного подалась. Переложив меч в левую руку, правой он ухватился за край плиты и потянул. С ужасным скрежетом плита поползла, открывая выход. Как только просвет оказался достаточно широк для того, чтобы протиснуться наружу, Зар выбрался и оказался на крыльце. Отойдя от двери, он развернулся и посмотрел на дом, затем на площадь. С одной стороны ему казалось, что это тот самый вход, через который он вошел, с другой – все теперь было другим. Он не знал, что именно изменилось – силуэты ли зданий, размеры площади или само небо, но ощущение было таким явственным, что Зар невольно трижды сплюнул через левое плечо.

Затем он быстро прошагал вдоль стены, миновал еще два или три дома и очутился у широких ступеней. Похожая на пирамиду лестница примыкала к большому прямоугольному сооружению.

Это здание хоть и не отличалось от других по высоте, но было устроено иначе, носило отпечаток мало-мальски архитектурного вкуса. На фоне неба по краям фасада темнели нагромождения вроде неуклюжих каменных рогов. Именно из-за этих рогов Зар подумал, что это и есть резиденция царя.

Поднявшись по ступеням, которые вели под самую крышу, Зар подошел к широкому проходу. По обе стороны от него выступали за края лестницы две террасы.

Прежде чем войти внутрь здания, Зар проверил вход на предмет циновки и самозакрывающихся плит. Ничего подобного он не обнаружил.

Тогда он шагнул внутрь.

И тут его обожгло холодом. Босые ноги словно ступили на лед. Зар остановился.

В этот миг пришла окончательная ясность: все это время, которое он двигался ко дворцу, бродил по его территории, было временем помрачения. Он впал в него еще в ту секунду, когда второй напавший на него дэв рухнул наземь, поверженный Заровым пламенем.

ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ ТЫ ШЕЛ СЮДА, КАК ЛУНАТИК.

Зар схватился рукой за лицо, начал его растирать. Он чувствовал себя одураченным. Он помнил почти все – и дорогу, и постоянную тяжесть меча, и дворцовую стену, и темную залу с изменяющимися скульптурами. Но все это было как в тумане.

Зар опустил руку, и она самопроизвольно сжалась в кулак.

Впереди тьма. Что дальше? Тут возле самого уха прозвучал голос: «Приперся-таки? В утробу захотел?»

«Тьфу на тебя!» – вздрогнув от неожиданности, гаркнул Зар.

Голос принадлежал женщине. У него был хриловатый тембр, звучал он развязно, и не было никакого акцента – чисто русская речь.

Ему представилась базарная молодуха в потертом пуховике, густо накрашенная, напмаженная, с сигаретой в зубах. Тут же он и впрямь уловил запах табачного дыма.

Поднял левую руку и попытался зажечь огонек. На этот раз у него получилось. Он быстро огляделся, но никого рядом видно не было.

И все же голос звучал здесь, секунду назад, в реальности, а не в его голове, – казалось, эта фраза до сих пор висит в воздухе.

(ТАНЦУЮЩАЯ?)

Воспоминание о змеиной шее и черных, исполненных ненависти, глазах вызвало отвращение. Зар вскинул меч, и клинок оранжево блеснул во тьме.

Под ногами высветился пятachок пола, выложенного квадратными мраморными плитами. Больше ничего нельзя было увидеть при тусклом свете огонька. Опасаясь, что запасы огня быстро иссякнут, Зар не усиливал его поток.

Вытянув руку, он осторожно двинулся вперед и через несколько шагов наткнулся на квадратную колонну. Резко обернувшись, прислонился лопатками к прохладной поверхности и стал всматриваться в темноту.

Итак, нет сомнения в том, что он пришел сюда вовсе не на разведку. Безусловно, То-что-обитает-во-дворце почувствовало его уже давно, еще тогда, когда он вместе со Сраошем подбирался к Восточному Поселению.

Не странно ли, что вся жизнь в городе истреблена, а двое бродяг свободно движутся по его улицам?

Может статься, те два убитых дэва были подсланы нарочно для того, чтобы проверить его силы? А почему бы и нет? Дэвы были хоть и живучи, но не особо проворны. Они больше походили на камикадзе, чем на верных стражей злого властителя. Могучему существу ничего не стоит вдохнуть движение в тела еще сотни таких нападающих трупов, поэтому оно без сожаления пожертвовало двумя полумертвецами.

Значит, все-таки Мерзость действительно питает к нему интерес. Она наслала на него наваждение и заставила прийти сюда с тем, чтобы рассмотреть поближе, как диковинную букашку.

И снова, будто в ответ его мыслям, откуда-то из-под пола донеслось низкое утробное урчание.

«Вор», – прошептала женщина. Теперь голос звучал из-за колонны.

«Мародер проклятый!» – хрипло пробурчала какая-то старуха.

«Вали отсюда, ворюга!» – прошипели в стороне.

Зар быстро обогнул колонну, осветил пустоту.

«Эй, покажитесь! – потребовал он. – А ну, все выходите! Или моего огня испугались?»

В ответ на него обрушилась лавина смеха. Хохотали невидимые женщины и старухи.

Когда смех приутих и отодвинулся в сторону, за спиной у него послышалось: «Посмотрим, посмотрим на тебя».

Зар резко обернулся, но увидел лишь колонну. На передней грани ее было высечено грубоватое рельефное изображение человеческого лица с широким носом, пухлыми губами и черными отверстиями вместо глаз. Лик вырубили без соблюдения каких либо пропорций и художественной точности, зато с поразительной тщательностью отшлифовали. Внезапно эти губы дрогнули, растянулись в чудовищной улыбке и вновь окаменели.

«Ах, ты ж дрянь!» – крикнул Зар. Позабыв об экономии, он выпустил в уродливое демоническое лицо сноп пламени. Огня оказалось неожиданно много, – ударившись о колонну, он брызнул в стороны извивающимися языками. Не успел огонь погаснуть, как сзади вновь послышался женский хохот.

«Ворюга», – презрительно произнесла демоница и вновь зашлась неприятным визгливым смехом, таким продолжительным, что Зар не стерпел и бросился искать ее в темноте, размахивая мечом и швыряя то туда, то сюда струи огня.

«Посмотрим, посмотрим на тебя!» – с издевкой повторяла демоница. – Ворюга! Мародер проклятый!»

«Покажись, ведьма!» – выкрикивал Зар в пустоту.

Не чувствуя от холода ног, он пробежал вдоль ряда колонн и едва успел затормозить на краю бассейна, чтобы не свалиться вниз. Наклонившись и осветив бассейн, он увидел, что поверхность скована льдом.

Снова раздался приступ смеха, – на этот раз прямо над головой, и тут же демоница хрипло протянула, словно каркнула:

«Во-о-о-о-оррр!»

«Посмотрим, посмотрим на тебя!» – вторили ей со всех сторон голоса невидимых чудовищ.

– Провалитесь вы к черту! – неожиданно выкрикнул Зар.

Не трать на них силы, приказал себе он. Они нарочно хотят тебя разозлить. Что тебе от их ругани и дурацкого хихиканья? Ты ведь даже не видишь их.

Самовнушение помогло. Зар опустил меч, загасил огонь и повернулся к выходу. Хохот и крики все еще раздавались повсюду, но он перестал на них реагировать и малопомалу они стихли.

Здесь один черт нечего делать, теперь это не царский дворец, а дом с привидениями и нечистью, сюда бы священников с кадилами целую сотню. А лучше бы вообще сжечь все дотла, да только все вокруг – сплошной камень. Вот если бы тротилом подорвать...

Он пошел назад и вдруг сообразил, что идет в полной темноте, а та рука, которая освещала дорогу, теперь что-то сжимает. Он смутно припомнил, что видел столик, на котором лежал кожаный ремешок. Должно быть, он машинально подобрал его, – может, хотел использовать для того, чтобы носить меч, но вряд ли ремешок сгодится для тяжелого меча, да и не хотелось бы выносить из дворца даже такую мелочь после всех этих идиотских обвинений, которыми его осыпали демоны-невидимки. Зар отбросил ремешок подальше и, услышав, как тот шлепнулся на пол, продолжил поиски выхода.

Ноги окоченели до боли. еще немного – и он отморозит их. Зар поднял руку, чтобы вновь зажечь огонь, и тут понял, что по-прежнему сжимает ремешок. Он отшвырнул его с таким чувством, словно это была ядовитая змея, и даже вытер руку о хитон. Убедившись, что на этот раз он избавился от ремешка, Зар зажег пламя. Не пожалел сил, и на ладони запылал целый факел. Тут же стало понятно, что от выхода его отделяет широкая колонна. Зар осмотрелся. Пусто, неуютно. Стены покрыты зеленой краской и кое-где облуплены, требуют ремонта.

Может, в другое время – желательно, днем – он и придет сюда еще раз на экскурсию, но сейчас ему тут больше нечего делать.

Он обогнул колонну, подошел к выходу и погасил огонь. Ступил за порог. Плита, на которой он стоял, показалась горячей. Зар стал спускаться по лестнице, чувствуя, как умолкшие демоны провожают его взглядами.

Оказавшись внизу, он вдруг явственно различил ворота и пошагал к ним, на ходу увеличивая скорость.

Дойдя до ворот, Зар остановился на несколько секунд. Ему вдруг отчего-то представилось, что на верхней ступени лестницы стоит в своей полумаске, скрестив руки на груди, царевич Ханра и грозно смотрит ему вслед. Это было такое острое ощущение, что Зар оцепенел, не зная, уходить или возвратиться назад. Едва сдержал себя, чтобы не обернуться. Но внутренний голос твердо сказал, что он не готов к продолжению знакомства с дворцом и обитающими в нем существами.

Выйдя за ворота, Зар побежал рысью: ему надо было срочно согреться. Удалившись от дворцовых стен на добрые три сотни метров, он остановился. И тут его подбросило, – левая рука по-прежнему крепко сжимала узкий кожаный ремешок.

Первой мыслью после того, как он трехэтажно выругался, было немедленно сжечь эту чертову, преследующую его полоску кожи. Но что-то заставило передумать.

«Мягкая кожа, – тихо произнес он. – Как на перчатках... Ладно. Если это вызов, я его принимаю».

Мрачно усмехнувшись темноте, Зар нащупал ногой щель между булыжниками, воткнул в нее меч, а затем подпоясался заколдованным ремешком. После этого он выдернул меч и зашагал дальше.

Небо впереди начало сереть. Стало быть, там восток. Интуиция почему-то подсказывала, что идти разумнее всего именно в этом направлении.

От центра до окраины Зар дошел минут за двадцать. За это время небо стало еще светлее. То там, то здесь начинали меркнуть звезды.

По пути Зар дважды наткнулся на зловещие спирали из человеческих тел. Друг от друга они отличались только размерами. Огибая их, он попадал в переулки, но бледное свечение на востоке не давало ему сбиться с направления.

Когда он проходил мимо дома Сраоша, уже почти рассвело.

– Сраош! – крикнул Зар, приоткрыв калитку, но ответа не последовало.

Тогда он принял окончательное решение выбраться за пределы Аншана и найти себе убежище в предгорье.

На шестое утро отшельничества у Зара появился пес. Он прибежал из Аншана (откуда же ему было еще взяться?). Когда Зар продрал глаза, пес сидел в нескольких шагах от него и с остервенением выгрызал около хвоста блоху. Почувствовав, что человек наблюдает за ним, пес оставил занятие и замер в позе сфинкса, настороженно уставившись на Зара большими карими глазами.

Пес был черным и смахивал на ротвейлера. На каждой брови у него имелось по одному палевому пятнышку, за что Зар тут же нарек пса Четырехглазым.

Подождав чуток и убедившись в том, что человек не собирается швыряться камнями, Четырехглазый завил хвостом и, вытянув шею, понюхал воздух.

Приручить собаку оказалось проще простого. Так как Пеструха давала молока гораздо больше, чем требовалось Зару, то излишками он стал делиться с Четырехглазым. Пес в свою очередь подарил Зару ощущение более безопасного сна. Теперь можно было надеяться, что в случае неожиданного вторжения чужаков пес предупредит его лаем. Кроме того, Четырехглазый (это имя Зар со временем сократил до Чеза) оказался

общительнее Пеструхи. Он дружелюбно вилял хвостом и, вывесив язык, демонстрировал свою зубастую улыбку всякий раз, когда Зар, устав от молчания, начинал с ним разговаривать.

День Зара начинался с утренней пробежки. Чтобы хитон не пропотел, перед тем, как бежать, он снимал его и развешивал на перекладинах навеса. Четырехглазый увязывался за ним и выписывал циклоиды, пока оба они неслись вдоль линии скал. Пробежав около трех километров на юг от жилища, Зар возвращался назад, обмывался в ручье и вновь натягивал хитон. Затем доил корову, завтракал, занимался хозяйством. После этого велел Чезу сторожить жилище, а сам поднимался на скалы, где облюбовал себе небольшую площадку и упражнялся с огнем.

Осторожно Зар извлекал из ладоней то умеренные, то большие порции пламени. Посылал их в воздух или направлял в скалы, наблюдал за тем, как они рассеиваются. Поработав, давал себе отдых. Затем вновь сосредотачивался, контролировал эмоции во время тренировок: он не забывал предупреждений Митры об опасности, таящейся в огне.

Стремясь понять, откуда появляется огонь, он тщательно изучал ладони, зажигая «искорку», но не находил на коже источника: огонек зарождался из ничего в миллиметре над поверхностью. Но по мере увеличения высоты огня увеличивалось и расстояние от его основания до ладони.

Зар наловчился извлекать снопы пламени длиной до пяти метров. После этого у него оставалось чувство сильной усталости. Но он также научился быстро восстанавливаться, концентрируясь на источнике вечного огня, который находился внутри него и одновременно не имел местоположения, потому что, по сути, был силой беспредельной.

Он до всего доходил интуитивно, а то, в чем он разобраться не мог, приходилось оставлять до тех времен, когда объявится Митра.

Однажды у Зара между ладонями проскочил огненный шар и, отлетев в сторону, завис в воздухе. Зар затаил дыхание, решив, что перед ним шаровая молния. Ослепительный шар медленно вращался в двух метрах от него, а затем стремительно взлетел вверх и унесся куда-то за скалы, и дальнейшая его судьба осталась неизвестной.

Меч Зар решил считать своим запасным оружием. Восстановив в памяти семь субури – базовых ударов мечом – и немного потренировавшись, он счел ежедневное повторение субури нудным занятием и, хорошенько наточив меч, спрятал его в камнях.

Вернувшись после занятий, Зар около часа отдыхал, а потом обедал.

Чтобы не одичать, он временами рассказывал Чезу историю, поведенную стариком, а заодно и пытался привести в порядок мысли.

КОГДА В МИРЕ ВОЦАРИЛОСЬ РАВНОВЕСИЕ, НА ЗЕМЛЮ ПРОНИК НЕВИДИМЫЙ – ЗЛОВЕЩЕЕ, КРОВОЖАДНОЕ, НЕ ИМЕЮЩЕЕ ФОРМЫ, СУЩЕСТВО ИЗ ИНОГО МИРА.

Зар повторял историю Митры неторопливо, вслушиваясь в звуки собственной речи, стараясь приблизить себя к пониманию легенды.

«Не имеющее формы существо из иного мира...»

Что значит – иной мир? – думал он. Преисподняя? Параллельное пространство? А может, другая планета?

Мудрено говорил старик, однако. Надо упростить смысл сказания, перевести на понятный язык.

Дэвы... Ясное дело: это бесы. Те самые, что встречаются в русских сказках. Но что же тогда за птица такая – Невидимый? Неужто Мерзость – это сам дьявол?

Если так, то от города, захваченного чудищем, драпать надо без оглядки, как от атомного взрыва. Девяносто девять процентов населения, включая Митру, так, кстати, и сделали. Удрали все, кого Мерзость не успела в фарш перемолоть. Один ты остался.

Привратник зла, так сказать. Страж мира. Пограничник планеты. Как еще обозвать тебя, герой-самородок?

Ладно. Далее – договор. Кто там посредником был, когда он заключался? Где само это событие происходило? Может, на то время, когда оно совершалось, все трое – и Невидимый, и Светлый, и третье лицо, будучи бестелесными силами, в реальных людей воплотились? Нет, эту загадку без Митры в жизни не разгадать. Ладно, допустим, все это только легенда. Иносказание. На самом деле Невидимый окажется какой-нибудь заразной болезнью, вроде ящура.

Ох, не ври себе! Ты видел и призраков, и безголовых стражников, и вот у тебя на поясе прямое доказательство существования сверхъестественного. Разве не чувствуешь, что между тобой и ремешком связь имеется? Почему, стоит тебе оставить его в убежище и выйти на пробежку, как тебя тут же начинает непреодолимо назад тянуть? Сперва ты подумывал избавиться от ремешка, но потом решил оставить его до тех пор, пока не уразумеешь его предназначение. Не пожалеешь ли об этом?

ПОКА СВЕТЛЫЙ СПИТ, НЕВИДИМЫЙ НАБЛЮДАЕТ ЗА МИРОМ, И ТОЛЬКО ИНОГДА ЕМУ УДАЕТСЯ ВХОДИТЬ В ТЕЛА НЕКОТОРЫХ ЛЮДЕЙ, ПРЕВРАЩАЯ ИХ В СВОИХ РАБОВ, И ТАКИХ СУЩЕСТВ НАЗЫВАЮТ ДЕМОНАМИ ИЛИ ДЭВАМИ.

Он наблюдает...

Они наблюдают...

Ты чувствуешь на себе их взгляды денно и ночью. Невзирая на то, что от твоего убежища до городского центра километров пять будет, верховное чудище и целый легион его тварей наверняка в курсе, что ты вдогон за аншанцами не свалил. Демоны приглядывают за тобой, видят, как по утрам бежишь вдоль скал, как потом карабкаешься на площадку и упражняешься там в своем огнеметании.

А тебе плевать. Ты все равно живешь здесь – считай на самом краю ада. Тебе некуда податься. Без Митры тебе нет дороги в твоё время.

От безнадёги ты пытаешься уверить себя в своей избранности, а сам в то же время силишься разобраться: что, зачем, почему? Но сколько это тянуться будет? Рано или поздно запасы пищи иссякнут, и придется тебе к людям топать. Кроме того, Мерзость наверняка захочет расширить границы своих владений. Хотя, может статься, она уже овладело другими городами...

Эй, послушай, а ты часом не надумал в одиночку остановить Мерзость в случае, если она решит двинуть вслед за беглецами? Ха-ха! Любопытно было бы поглядеть! Одиноким фанатик! Готов поспорить, такие, как Гам по достоинству оценят твоё геройство, когда найдут среди скал твой исковерканный скелет.

Эх, приятель, умеешь ты, однако, сам себе голову морочить.

А ведь, если разобраться, то застрял ты здесь, в скалах, лишь потому, что место оказалось для жилья удобным. И нет иного мотива. Сам погляди. Мерзость сожрала Аншан. Но это не твой город. Твоей-то родины еще и в проекте нет. Тут ты даже не наемник. Аншанцы тебя на костре пытались сжечь, да и новые хозяева к тебе тоже любви не питают. А посему выходит, что нет никакой причины себя избранным считать. Ты никому ничего не должен, ни за что не в ответе. Ты чужак. Тебе здесь никто не нужен, и ты – никому. И та ночь в Аншане не означает для тебя ни посвящения, ни призыва к войне. В этом времени ты по-прежнему всего лишь турист.

Ладно. Как голову не ломай, а все равно не остается ничего другого, как сидеть на месте и ждать. Ну, а чтобы не тратить времени зря и от скуки не тронуться, занимайся своими тренировками, улучшай свое мастерство, укрепляй силы свежим воздухом и коровьим молоком. Придет время, вернутся аншанцы, и тогда ты попробуешь отыскать среди них Митру. Он один знает, как тебе вернуться домой.

Проходил день за днем. Зар привык к своему отшельничеству и стал задумываться о следующем этапе обустройства. Он насобирал в округе камней и начал выкладывать из них стенку, примыкающую к скале. Его целью было превратить свое гнездо в подобие жилища. Зар укреплял камни с помощью ила и песка, которые носил ведром из нескольких небольших заводей, образованных ручьем.

Однажды среди дня его занятие прервал громкий лай Чеза. Отвлечшись от работы, Зар посмотрел куда лает пес.

Там, между двух кустарников, сидел здоровенный волчище. Он был неподвижен. Если бы не Чез, то, наверное, волк мог бы просидеть незамеченным целый день.

Зар подобрал камень и, размахнувшись, запустил им в зверя. Камень не долетел и упал в нескольких шагах от волка. Тот даже не вздрогнул.

– Уходи прочь отсюда! – крикнул Зар и, вооружившись еще двумя камнями, двинулся к хищнику. Он ожидал, что Чез побежит следом, но тот не вдохновился смелостью хозяина. Напротив, пес жалобно заскулил и попятился.

– Эх ты, – обронил Зар. На ходу он снова метнул, и на этот раз угодил в куст. Волк и ухом не повел.

Подойдя ближе, Зар еще раз швырнул камень. Бросок вышел более точным, и камень чиркнул (Зар хорошо это видел) по серому меху волка. Но и это не заставило его пошевелиться.

– Ну, подожди... – Зар потер ладони, сконцентрировался и стал медленно приближаться. Теперь он рассчитывал только на свой огонь. Если сейчас же не прогнать волка, – подумал он, – тот может почувствовать себя хозяином положения и однажды попытается напасть. Волчище выберет момент, когда Зар удалится от гнезда, – например, когда он будет в скалах. Наверняка зверь окажется сильнее Чеза, – а, одолев его, загрызет и Пеструху.

Зар наступал, а волк все сидел, не сводя с него желтых глаз. Когда расстояние между Заром и хищником сократилось до нескольких метров и стало критическим (длина одного прыжка!), Зар поднял обе руки и выплеснул две коротких струи огня. Волк тотчас поднялся на ноги, развернулся и, не издав ни звука, потрусил прочь. Зар опустил руки и смотрел ему вслед до тех пор, пока сгорбленная фигура зверя не потерялась среди кустарников.

Ночью Зару приснился Митра. Они стояли на разных берегах реки, и Митра отчаянно кричал, но голоса не было, словно вдоль реки была установлена стеклянная звуконепроницаемая стена. Река была не широкой – от силы пару десятков метров, и над ней клубился туман. Когда туман рассеивался, Зар видел темные глаза Митры и его раскрывающийся рот. Лоб старика багровел от натуги. Потом туман сгустился, и Митра исчез.

На следующее утро, прихватив с собой Чеза, Зар отправился в селение. Необходимо было пополнить запас овощей, соли, круп и взять для нужд хозяйства еще кое-какой посуды.

Сперва он намеревался сделать ходку в район ремесленников, но на подходе внезапно сменившийся ветер принес такой тяжелый запах тухлятины, что Зар, не раздумывая, повернул обратно.

Решив, что посудой можно разжиться и в крестьянском селении, он выбрал среди домов наиболее добротный и, зайдя в него, принялся ревизовать. В доме нашлись ножи и металлическая посуда, а также кое-какие продукты. Когда Зар вытаскивал из-под полки большой чан с крупномолотой мукой, со двора послышался тревожный лай Чеза.

Вытащив чан во двор, Зар увидел, что пес беспокойно мечется у двери погреба. Опустив добычу на землю, Зар подошел к входу и отодвинул дверь в сторону. Из погреба потянуло вонью. Чез взвизгнул и попятился назад.

– Эй! – позвал Зар. – Есть тут кто?

Ответа не последовало. Зар зажег огонек и начал спускаться.

Погреб напоминал тот, в котором он однажды ночевал у Сраоша. Вместо стеллажей здесь было установлено несколько низких перегородок, образующих ячейки. Одна из ячеек была наполнена крупными корнеплодами вроде репы. В другой лежали две оранжевых тыквы; одна из них была расколота. Зару показалось, что на одной из половинок виднеются следы зубов. Он развернул эту половину ногой, и она отвалилась. В середине закопошились несколько огромных жуков и стали торопливо расползаться в стороны.

– Кто здесь? – окликнул Зар и, не дождавшись ответа, повернулся, намерившись уходить. Вдруг ему показалось, что он слышит чье-то дыхание. Зар перешагнул через две перегородки и лучше осветил темную ячейку.

– А ну-ка вылезай! – сказал он. Нагнувшись, он поднял одной рукой за края лохмотьев пацана лет десяти.

Когда Зар вытаскивал его на свет божий, пацан задергался и принялся изо всех сил вырываться. Почувствовав, что ему это не удастся, он изловчился и укусил Зара за палец. От неожиданности Зар выпустил пацана. Тот опрометью бросился обратно в подвал, но Зар преградил ему дорогу. Пацан упал на четвереньки и попытался прошмыгнуть между ног. Зару пришлось снова подхватить его, хорошенько встряхнуть и вдобавок прикрикнуть, чтобы тот успокоился. После этого он отвел найденыша подальше от погреба и произнес единственную фразу, которую мог бы понять маленький чумазный чертенок, и которая была хоть как-то уместна в этой ситуации. Зар деловито сообщил на арамейском, что он посланник северных волхвов, – теперь он и сам был в этом наполовину убежден.

Фраза не возымела на пацана никакого действия: он даже не посмотрел на Зара. Наверняка, просто ничего не понял. Он стоял, повесив голову, насупив брови и щурясь от непривычно яркого света.

Как только Зар выбрался из погреба, Чез поджал хвост и отпрянул к ограде. Теперь он сидел там, негромко рыча. Спина его была сгорблена, голова низко опущена, словно он собирался прыгнуть.

– Ты-то чего разнервничался? – хмыкнул Зар. – Это же просто пацаненок. Он чудом спасся, а ты на него щеришься.

Окончательно осознав, что вернуться в подвал не сможет, пацан сделался сонным и кротким. Воспользовавшись этим, Зар вывел его за калитку и оставил. Сам он вернулся к дому, пересыпал муку в мешок, подобрал второй, с посудой, и затем оба перекинул через плечо.

– Здесь тебе оставаться нельзя, приятель, – сказал он, выходя на середину улицы. – Тут черти повсюду, понимаешь? – Он приставил ко лбу кулак с двумя оттопыренными пальцами, но пацан этого не увидел: он смотрел себе под ноги.

– Потопали, – сказал Зар и двинулся по дороге в сторону убежища. Пес побежал следом, но предпочел держаться края улицы: он по-прежнему вел себя странно, словно опасался этого маленького незнакомца.

– Как зовут-то тебя? – спросил Зар. – Имя у тебя есть? Я – Зар Степанов. А это Четырехглазый. Сокращенно – Чез.

Пацан не отреагировал на вопросы. Шел, быстро перебирая босыми ногами, не оборачиваясь и не пытаясь отстать.

Он был смугл и лохмат, как цыганенок. Голова яйцеобразной формы, суженная книзу, щеки втянуты, рот маленький, как у героев японского анимэ, а нос наоборот чересчур большой для его возраста. На теле пацана болтались остатки хитона, который, видимо, до него в разное время носили несколько его старших братьев.

– Я тут у тебя кое-что позаимствовал, – сказал Зар. – Ты, небось, все это время одни сырые овощи в своем погребе хрумал? Ничего, сегодня попируешь. Я вот нашел медную кастрюлю. Будем в ней суп варить. Любишь суп?

Всю дорогу Зар был готов к тому, что пацан раздумает идти с ним и внезапно бросится наутек, но этого не случилось. Примерно через час они благополучно добрались до жилища, а новый компаньон выглядел почти умиротворенно. Когда они подошли к навесу, пацан с некоторым любопытством посмотрел вокруг, а потом вдруг уселся прямо на траву, и, уставившись на Аншан, стал бормотать что-то себе под нос. Говорил долго, при этом еще больше насупился, а глаза превратились в щелочки.

Тем временем Зар нарезал печеных овощей, наложил на глиняные тарелки творога, перенес все это на плоский камень, который использовал вместо стола. Затем плеснул в миску Чеза немного молока и свистнул. Пес подбежал и принялся жадно лакать. Зар вернулся к пацану и жестом пригласил его кушать. Тот сразу же сообразил, что от него требуется, и, оставив свое бормотание, на четвереньках перебрался к камню, но все же не приступал к еде до тех пор, пока Зар не показал пример. Тогда уж он принялся уплетать за обе щеки, громко чавкая, шумно дыша, и со своей порцией разделался в мгновение ока. Затем он сгреб остатки творога на ладонь, отправил их в рот. После этого похлопал себя по груди и сказал:

– Хеш.

Чез тоже покончил с молоком, но не стал, как обычно, долго вылизывать миску, а отбежал, опустив хвост, в сторону и улегся на землю. Глаза его были печальны.

– Хеш, – повторил пацан, а затем указал на Зара и произнес: – Ехаш душастин.

– А как же, – согласился Зар. – Это тебе не сырую тыкву грызть.

Новый компаньон был, хоть и хлипок с виду, но к труду привычен.

Зар вменил ему в обязанности два занятия. Первым был ежедневный сбор веток для костра, вторым – обучение его – Зара – аншанскому языку.

Спал пацан рядом с ним. Засыпал он мгновенно, но по утрам, пробуждаясь, Зар всякий раз обнаруживал, что место рядом с ним пусто: Хеш любил проснуться затемно и, отойдя от жилища, сидеть на траве, глядя на унылый город Аншан и бормоча себе что-то под нос. Вид у него при этом был сосредоточенный, и Зар решил, что он разговаривает со своими исчезнувшими родичами.

Хеш имел одну особенность: он никогда не улыбался. (Впрочем, это свойство было присуще всем аншанцам, – Зар обратил на это внимание еще в свою первую экскурсию по городу). Брови Хеша, сросшиеся над переносицей, были неизменно нахмурены, а глаза глядели мрачно, как у злого старика. Не очень-то, видимо, счастливым было его детство, думал Зар, наблюдая за тем, как пацан понуро бродит в отдалении, подбирая под невысокими редкими деревьями и кустарниками осыпавшиеся сучки.

Между тем, маленький аншанец оказался непревзойденным учителем. За первую же неделю благодаря ему Зар умудрился освоить более двух сотен слов (потом он перестал вести им счет). еще через неделю он уже умел произносить несколько десятков несложных предложений, касающихся повседневного быта, движения, приема пищи, времени суток, погоды и некоторых условностей этикета, связанных с приветствием и благодарностями.

Чез по-прежнему сторонился Хеша, – почему-то он невзлюбил мальчишку. Хеш в свою очередь не проявлял попыток приручить собаку, и Зару это казалось ненормальным, – сам-то он в его возрасте норовил всякую псину за загривок потреть.

Недели через три после знакомства словарный запас Зара увеличился настолько, что он мог кое-как уже общаться с Хешем. Тогда он предпринял попытку выяснить, что известно пацану о происшедшем накануне того вечера, когда им со Сраошем удалось освободиться из тюрьмы.

Выслушав вопрос, Хеш отвернулся и сказал:

– Хеш ничего не видел. Хеш спал. Отец, мать и братья ушли. Хеш проснулся и спрятался в погребке. И жил там, пока ты меня не нашел.

Зар взял его за плечи и развернул к себе, но пацан отвел глаза.

– Ты что-нибудь видел?

– Нет.

– Почему тогда спрятался?

Хеш вырвался и пошел к валунам, из-за которых виднелись сухие кустарники. Дойдя до них, он стал собирать ветки.

Зар какое-то время наблюдал за пацаном, раздумывая, не подойти ли к нему вновь и не продолжить ли разговор, но, в конце концов, решил перенести его на потом. Похоже, все-таки, пацан в самом деле увидал нечто такое, что его изрядно напугало, и теперь наотрез отказывается вспоминать. Что же он видел?

Зар продолжал свои утренние пробежки. У Хеша они не вызывали ни удивления, ни мальчишеского желания подражать. Маленький аншанец либо равнодушно следил за бегущим, либо принимался за сбор веток.

Теперь для своих огненных упражнений Зар выбрал другое место. Это была большая расщелина в скалах. Она находилась дальше от привычной площадки и, чтобы попасть в нее, надо было карабкаться вверх. Зато здесь укромно, и это было кстати: во-первых, Зар не хотел напугать парня своими фокусами, а во-вторых, уже начал относиться к своей способности, как к некоему эзотерическому таланту. Работа над скрытыми резервами требовала полного уединения и глубокой концентрации.

Возвращаясь, Зар заставлял Хеша сидющим на траве. Он бормотал свою тарабарщину. Пес, как правило, прибежал немного погодя, и вид у него зачастую был какой-то диковатый, точно что-то его сильно перепугало.

Между тем, Зар чувствовал, что и с ним самим в последнее время творится неладное. Жизнь отшельника, несмотря на изрядные старания устроить быт, соблюдать порядок и следовать режиму, все же накладывала отпечаток на внутреннее состояние. Причем ностальгия по Питеру почти не беспокоила. Гораздо больше тревожило другое: кто ты теперь? Почему оставлен в живых, почему не уничтожен, не изгнан? Для чего тренируешь свои способности?

Порой ему казалось, что нет никакой случайности в том, что он попал в это время, выжил и поселился в скалах на краю мертвого города. Может быть, он страж на границе между добром и злом. Или просто наблюдатель. Но только вот на чьей он стороне?

Бывало, Зар физически ощущал, как две противоположные силы пытаются овладеть им одновременно: каждая из них хваталась за одно из полушарий мозга и тянула в свою сторону, разрывая мозг пополам.

Иногда во время бега Зару начинало казаться, что откуда-то из-за гор слышится едва различимый крик. Зар останавливался и, силясь задержать учатившееся дыхание, прислушивался. И всякий раз перед ним возникало эфемерное лицо Митры. Были ли то попытки старика пробиться к его сознанию или это просто игра воображения – Зар не знал. Чем больше он удалялся от жилища, тем ясней становился крик, но стоило вернуться назад – ощущение зова бесследно исчезало.

Этот зов навевал тревогу, она усиливалась, когда ветер доносил из Аншана звуки, похожие на шепот. Может быть, это всего лишь шелестели сухие ветви кустарников, но в этом шелесте Зару мерещились отдельные слова и даже целые фразы, зовущие его на войну.

И все же до того как Хеш стал изменяться, все шло более-менее нормально.

Гнездо усилиями Зара превратилось в маленькое убежище с двумя окошками и входом, завешенным циновкой, – теперь тут можно и в ливень прятаться, да только

испытать это пока не удавалось – за все время не было ни одного дождя. Продуктов хватало. Растительность по-прежнему буйствовала, зелень для Пеструхи была в изобилии.

Ночи становились все теплее, а днем воздух прогревался так, что бывало жарко. Начали подувать сухие ветры, но здесь, под скалами, они почти не чувствовались.

Зар продолжал осваивать аншанский язык. Теперь он мог бы, проходя по улице или рынку, кое-как поговорить с горожанами, сумел бы попроситься на работу к хозяину, а в случае чего к заученным фразам на арамейском добавил бы целую историю (выдуманную им самим), но город по-прежнему пустовал, и поговорить, кроме как с Хешем, было не с кем. Пацан же ограничивался тем, что произносил ежедневно несколько десятков новых слов и затем терпеливо их повторял – столько раз, сколько Зар его об этом просил, либо лаконично отвечал на вопросы, касающиеся использования этих слов. Остальное время Хеш все так же помалкивал, а если Зар пытался заговорить о его прошлом, то и вовсе замыкался. Со своей стороны, к происхождению Зара он не проявлял ни малейшего интереса.

Однажды ночью Зару приснился сон. Он увидел себя стоящим на краю Аншана, недалеко от святилища Митры.

«Почему бы мне не зайти туда, – подумал он. – Пока никого нет, я могу расколоть чашу, в которой старик разжигает свой огонь». И он вошел в святилище и сделал то, что задумал, а когда вышел, то услышал, как кто-то недалеко облегченно вздохнул.

Зар обернулся лицом к городу и увидел, что крыши зданий почернели и на фоне красного закатного неба похожи на полусгнившие клыки в пасти чудовища. Но он не нашел в этом ничего отвратительного, а наоборот, рассмеялся, и вдруг почувствовал жажду разрушения. «Во мне столько силы, – подумал Зар. – Какого же черта я ее не применяю? Разве не для того огонь, чтобы сжигать?»

И тут со стороны гор послышался шум. Зар поискал взглядом и увидел отряды всадников.

«Возвращаются в Аншан», – решил Зар, и ему это не понравилось. Если царь Сурван снова завладеет городом, то его опять поймают и арестуют, а потом казнят. Значит, надо сделать все, чтобы не пустить царское войско в Аншан.

Высмотрев пригорок, Зар направился к нему и взобрался на самую верхнюю точку. Отсюда было хорошо видно расположение войска. Его фланги двигались все быстрее по равнине, и постепенно войско приняло форму серпа. Должно быть, они хотят окружить город.

В эту минуту Зар пожалел, что мало тренировался. Смелости-то у него хватит, чтобы выступить против целого войска, но справиться с такой силищей будет нелегко.

А войско тем временем приближается. Воины – при полном параде: в белых хитонах, в медных латах. У каждого по одному копью за спиной и по одному – в руке.

Вон там, в самом центре, на черном коне, скачет всадник в красной одежде. Шлем – причудливый, из золота, с рогами, из-под него развеивается выбившаяся грива пшеничных волос. В поднятой руке у всадника сверкает меч – и, похоже, не медный, а железный.

Кто же этот расфуфыренный всадник, как не царевич Аурам? Ясное дело – он. Вот, наконец, тебе и довелось его увидеть. Только теперь ты не станешь помощи у царевича просить, а выйдешь ему навстречу, чтоб сразиться и убить. Аурам – твой соперник. Аурам служит духу, который называют Светлым. (Откуда появилась эта мысль – неизвестно, но то, что Аурам на стороне Светлого – факт!) О да, во всем чувствуется стиль Светлого, буквально во всем... А это что за старец скачет по левую руку? Никак сам Митра решил костями потрясти? Ха-ха! Ну, этот-то герой, с этим тяжело будет справиться. Но чаша его разбита, и теперь запас его сил иссякает. А где же сам царь Сурван? Ах, испугался... Не посмел он против великого духа выступить. Побоялся и спрятался в своем шатре, высоко в горах...

А войско подступает все ближе. Все громче топот его копыт. Крики людей тают на ветру, но уже можно различить знакомые слова.

Зар вытянул перед собой обе руки, точно отодвинул невидимую стену, и ему показалось, что на лицах наступающих появляется выражение ужаса.

«Я встречу вас своей яростью, я всажу в вас свои клыки, я уничтожу вас и уж затем вернусь в темную утробу, чтобы навеки исчезнуть».

Но еще рано выпускать смертоносные потоки огня. Надо подпустить войско Аурама поближе, на расстояние полета стрелы и только потом излить на него всю свою мощь...

Зар расхохотался и с удовольствием услышал, что смех его похож на хлопанье крыльев огромной птицы, и в то же время на рев хищного зверя.

Вот он уже стал различать черты лица Митры. Тот что-то отчаянно кричит, но слов его нельзя разобрать.

На мгновение Зару показалось, что он делает ошибку. Словно кто-то умышленно ввел его в заблуждение, чтобы использовать данную ему силу во зло. Но что такое зло? – тут же подумал он. Кому дано право решать, что такое зло? Ясное дело, тому, у кого в руках мощь. А это значит, что ты не должен полагаться ни на того, кто сзади, ни на того, кто впереди. Ты сам должен делать выбор.

«За-а-а-а-rrrrr!» – долетел крик Митры.

И тут сон оборвался.

Зар открыл глаза и в тусклом свечении луны, проникающем в окошки, увидел, что Хеш сидит на коленях. Нависнув над ним и, слегка наклонив голову, он что-то тихо бормочет.

– Хеш? – Зар приподнялся на локте. Мальчишка вдруг задрожал и бросился к стене, да так резко, что стукнулся о нее плечом. Упав на четвереньки, он быстро полез к выходу. Зар поднялся и успел нагнать его.

– Постой, – мягко заговорил он. – Да успокойся ты... Не надо никуда бежать. Хех... Ну, дела! Чертовщина, блин. На меня, знаешь, тоже что-то нашло... Сон дурацкий. Должно быть, из-за луны.

В сумраке глаза ребенка казались огромными черными дырами. Чтобы прогнать это нелепое сравнение, Зар ласково провел рукой по волосам пацаненка (он заметил, что рука при этом дрожала) и сказал на аншанском:

– Возвращайся спать, Хеш. Все хорошо.

Пацан оттолкнул руку с явным раздражением. Повалившись на сено, притиснулся к самой стене.

Мал, да свиреп, – подумал Зар. Отчего он такой? Иногда прямо одержимый какой-то.

– Ты сделаешь свое дело, – вдруг отчетливо сказал маленький аншанец, – а потом вернешься в утробу Великого.

– Что за бред? – спросил Зар. Но пацан не отозвался.

Некоторое время Зар таращился на спину Хеша. Затем повернулся к выходу, отодвинул циновку и выглянул наружу.

Полная луна, висевшая над южными холмами, бросала на город фантастический голубоватый свет. От этого Аншан казался не просто унылым, а каким-то гибельно-мрачным, будто злом теперь пропитан в нем каждый камень.

На секунду Зару показалось, что это уже и не город вовсе, а зловещий глаз преисподней, который с ненавистью глядит на звезды.

– Чез... – негромко позвал он.

Пес подошел не сразу. Он весь дрожал, хотя ночь не была прохладной. Зар проверил его нос. Вроде бы влажный...

– Лежи тут, – приказал Зар, потрепав пса по холке. Чез прилег, положив голову на лапы, но, когда Зар опустил циновку, было слышно по шуршанию камешков, что он поднялся и отошел в сторону.

Вернувшись на свое остывшее место, Зар стал укладываться. Тут-то он и обнаружил, что пониже правого локтя намотан кожаный ремешок.

15

На следующее утро выпал мелкий дождь. Он едва оросил траву и кустарники, как налетел ветер, стал жадно вылизывать влагу – пока не уничтожил всю. Но через час дождь опять повторился. На этот раз он бил искоса, забрасывая в окошки прохладную морось, и снаружи их пришлось завесить циновками.

Вернувшись с пробежки, Зар умылся, подоил корову, разжег очаг и принялся варить кашу.

Когда все было готово, он кликнул Хеша, решив, что тот прячется в убежище. Но пацана не было.

– Эй! – позвал Зар, обернувшись к валунам. – Иди домой! Еда остывает!

Но Хеш не отзывался.

Зар прошел сотни две шагов вдоль скал к северу. Крикнул еще несколько раз и, не дождавшись ответа, вернулся. Налив молока Чезу, он принялся завтракать.

Поев, вытащил из-под навеса сухих веток, наломал их и подкинул в очаг. Затем поджег и поставил на огонь кастрюлю с водой, а тем временем почистил овощи. Когда вода закипела, посолил ее, положил овощи, а чуть погода добавил рис и стал перемешивать. После того, как огонь перегорел, и бурление почти прекратилось, Зар влил в кастрюлю немного свежих сливок и втянул носом запах почти готового супа. Теперь свободен до вечера.

Выпрямившись, он окинул взглядом равнину. Носившийся над нею ветер пригибал к земле кустарники. Горизонт на юге местами отблескивал янтарем из-за света, проникавшего через прорехи в облаках.

Над Аншаном летали обрывки туч. Зар представил, как уныло сейчас завывают вихри, врываясь в пустой дворец Сурвана, как подрагивают, точно высохшие травинки, волоски на оторванных головах, выглядывающих из спиралей смерти (сколько этих спиралей по всему городу? – этого он так и не узнал).

Набрав полную грудь воздуха, Зар снова пронзительно крикнул:

– Хе-е-еш!!!

Постояв несколько минут, Зар тронулся с места. Направился было в скалы, но тут снова заморосил дождь, и потому он решил переждать в убежище.

Забравшись внутрь, Зар зажег на левой руке огонек, а правой стал взрыхлять сено. Наткнулся на кожаный ремешок, который снял ночью. Поводив взглядом и заметив торчащую из стены корягу, подобрался к ней, погасил огонек и на ощупь, узел за узлом, стал привязывать к ней ремешок. Сделав десятый узел, он остановился и улегся на мягкое пахучее ложе.

Только сейчас Зар поймал себя на мысли, что все это время старался выкинуть из головы воспоминание о ночном сне. Что за чепуха? Почему он хотел драться с Митрой и царевичем Аурамом, и наоборот, своим компаньоном считал всякую нечисть, обитающую во дворце – ту самую, что выгнала народ из города, часть его изрубив на куски?

Он закрыл глаза и погрузился в полудрему, и снова ему привиделось аншанское войско, а впереди всех воин в золотом шлеме и красном одеянии, но на этот раз он был пешим. Зар усилием воли отогнал видение, перевернулся набок, но через несколько минут вдруг провалился в сон...

На этот раз он подпустил их настолько близко, что несколько лучников, оценив расстояние, не останавливаясь, выпустили стрелы. Скорость их полета была небольшой. Вылетев под углом к поверхности земли, они описывали плавные дуги и не представляли угрозы, но все-таки пришлось отступить. Одна из стрел воткнулась в землю недалеко от того места, где только что стоял Зар. Другие упали поодаль.

«Видишь, это твои враги», – сказал кто-то сзади.

«Соперники», – уточнил Зар, потирая ладони одна о другую. Он все еще пытался быть самим собой, но с каждой секундой все острее становилось ощущение, что он принадлежит чему-то внешнему – сильному и беспощадному. Ему это не нравилось, да что тут поделаешь?

«Это враги, – назидательно повторили за спиной. – Убей их всех, не то тебя убьют».

«Да, но их слишком много», – возразил Зар, не оборачиваясь.

«На этот счет не беспокойся, я буду с тобой, – прозвучало уже совсем близко. – Я помогу тебе. Дам силы».

Зар на миг обернулся, но никого не увидел. Тогда он вытянул руки вперед и приготовился к бою.

Теперь уже можно было различить выражения на лицах наступающих. Как ни странно, на них не было ярости. К тому же все воины, за исключением Митры и Аурама, были на одно лицо. Все без исключения смотрели равнодушно. У всех были одинаковые рыжие бороды и усы.

Митра, шедший рядом с царевичем, кричал, но голос был слишком далек, чтобы можно было что-то разобрать, – казалось, его источник был намного дальше, чем сам Митра. Вдруг старик вытянул руку и, не сводя глаз с Зара, махнул ею в сторону. Зар проследил взглядом в указанном направлении и увидел каменные святилища жрецов. Что старик имел в виду?

«Не понимаю!» – выкрикнул Зар.

«Ты... должен ...ти... ...руны! – надрывался Митра. – ...ничтожь... ...не мешает... ...бе!»

Какие еще руны? – подумал Зар.

«Сожги ублюдка первым! – с брезгливостью приказал Голос. – Убей старика! От него все равно пользы никакой».

«Что значит: пользы никакой?» – фыркнул Зар, раздражаясь повелительным тоном Голоса.

«Он нам только воевать мешает, – менторским тоном пояснил голос. – Слишком стар и криклив. Таких надо первыми убивать, дабы впечатления от войны не портили!»

«Резонно», – тихо отозвался Зар и приготовился выпустить первую порцию пламени.

«...тожь ...мешок! – не унимался Митра. – ...шает ...биться!»

Что за мешок? – подумал Зар.

«Ну же», – поторопил голос.

«Да сейчас, потерпи», – огрызнулся Зар и снова стал потирать ладони. Что-то не давало ему сосредоточиться. А ведь надо было выжать из себя не просто струи огня, а нечто такое, чего раньше еще не приходилось извлекать: целые залпы, достаточно сильные, чтобы испепелить войско.

«Ашам воху!» – донеслось до ушей. еще за мгновение до этого Зар почувствовал, как похолодели ладони – словно взялся за лед. Тело охватила такая слабость, что колени подкосились, и Зар стал опрокидываться. Он успел заметить озабоченное выражение на лице Митры, затем стало темно.

Очнувшись, Зар сел. Слышно было, что по-прежнему шелестит дождь. Циновки, занавешивающие вход и окошки, трепал ветер. Свет не проникал в щели между тростниковыми прутьями, словно уже наступила ночь, и это было непостижимым: ведь сон длился от силы пятнадцать минут. Зар решил проверить и, подобравшись к выходу, отодвинул циновку. В лицо неприветливо дунул сырой ветер, оросил холодными капельками дождя. Тут небо разрезала ветвистая молния, озарив на мгновение Аншан голубоватым светом.

Зар вернулся на место. Сел, обхватив колени руками, и погрузился в невеселые мысли.

Как вышло, что день промелькнул, а ты и заметить не успел? Только прилег, чуть вздремнул и на тебе – ночь. И снова эти видения дурацкие. Вот дерьмо... И какого хрена ты опять на стороне того маньяка, что в городе обитает? Почему против Митры с царевичем? Уж с Митрой – одним из двух своих земляков на всей планете – ты точно воевать не должен. Да и царевич Аурам не враг тебе. Разве виноват он в том, что тебя тогда в тюрьму бросили? Старик говорил, что Аурам свой человек. Стало быть, это какой-то неправильный сон. Опять наваждение. Если уж с кем-нибудь ты и надумал бы драться, так это с тем чудом-юдом, что во дворце прячется.

Зар поежился. Захотелось разжечь костер, но даже если хворост под навесом и не промок, то очаг-то за день залило основательно. Сделать второй навес, специально для очага, он намеревался, да руки не дошли.

Что-то скрипнуло сзади, и тут же, словно в ответ, зашуршало высохшее сено. Надо посветить чуток, посмотреть...

Ладони все еще казались холодными, но Зару удалось зажечь огонек. Он посмотрел на циновку и увидел, что она вся промокла. еще бы. Надо было и здесь какой-то навес придумать.

Зар перевел взгляд на ремешок, висевший на коряге. Он хорошо помнил, как завязал его на десять узлов. Теперь узлов было только пять. Кто-то во время его сна пытался снять ремешок. А может, это он сам и развязал узлы?

«...ничтожь ...мешок...»

УНИЧТОЖЬ РЕМЕШОК! – Вот, что пытался сказать тебе старик! Значит он в курсе!

Полоска кожи свисала безвольной тушей убитой змеи, и ее тень зловеще подрагивала на бугристой стене. Зар схватил ремешок свободной рукой. На миг ему показалось, что он и впрямь сжимает тело змеи, но не убитой – живой и только лишь притворившейся мертвой. Зар отдернулся. Глупая была затея оставить у себя *это*. Хватит с тебя экспериментов. Ремешок – заколдованный. В нем живет зло. И надо от него избавиться. Лучше всего – сжечь.

Он снова потянулся к ремешку – той рукой, в которой был огонек, намереваясь поджечь растрепанный краешек снизу. Если не загорится, надо выйти под навес и там устроить небольшой костер.

Огонек коснулся ремешка, и тот стал извиваться, как гадюка. Картина эта вызвала отвращение. Зар усилил огонь, и ремешок заплясал в потоке пламени.

Внезапно Зару показалось, что кроме него за этой мерзкой экзекуцией наблюдает кто-то еще. Резко обернувшись, он встретился с чьим-то злобным пристальным взглядом и невольно содрогнулся.

– Тьфу ты, – выругался, узнав Хеша.

Пацан отпрянул от Зара и метнулся к стене. Там он скрючился в три погибели, весь превратился в нахохленную птицу.

Придя в себя, Зар поднес огонь ближе к Хешу, чтоб разглядеть его как следует. Тот сжался еще сильнее, зыркал исподлобья, прижав подбородок к коленям и пряча под себя руки.

– Ты где пропадал? – осведомился Зар, постаравшись придать голосу строгость.
– Давно тут?

Хеш не ответил, но взгляд его как-то переменялся. В нем уже не было тревоги. Теперь в нем будто бы тлела неприятная насмешка.

– Убери огонь, – глухо произнес Хеш. Зар заметил, как странно потемнели зубы маленького аншанца. Сам же он выглядел на удивление бледным.

В уме Зара вновь проскользнула мысль об эпидемии, но лишь на секунду, потому что в следующий миг приглушенную песню дождя разорвал гром такой неистовой силы, что в убежище завибрировала наружная стена. И тут же сено вокруг зашелестело. Сперва Зар решил, что молния каким-то образом подожгла его, не тронув их с Хешем. Но почти тотчас он заметил маленьких черных скорпионов, неуклюже выбирающихся на поверхность. Их были десятки. Отражая панцирями мерцающий свет огня, они копошились вокруг, раздвигая клешнями сухие травинки и упруго выгибая жала-хвосты.

Быстро нагнувшись, Зар схватил Хеша в охапку и отбросил к выходу. Свет при этом погас. Когда Зар зажег его снова, Хеша уже не было в убежище.

В один прыжок оказавшись у выхода, Зар схватил левой рукой обвисший ремешок и с силой дернул. Старая коряга не выдержала и треснула. Отбросив циновку, Зар выскочил в темноту.

Никогда не знаешь, что ждет тебя впереди, подумал он, осматриваясь и чувствуя, как оживает в руке ремешок.

Уничтожь его, мелькнуло в голове.

«Мешает биться, мешает тебе...»

Что пытался сообщить Митра?

Может, из-за этого ремешка ты не в состоянии как следует биться?

Он бросился к навесу. еще на полпути дождь насквозь промочил хитон. Холодная ткань облепила плечи.

(Мешает тебе...)

Пеструха. Почему она до сих пор не напоминает о себе? У нее же полное вымя. Сколько времени сейчас? Темно, хоть глаз выколи. Где же навес? Вроде бы уж должен быть...

И где Чез?

Зар вытянул руку вперед и зажег огонь. Пламя с шипением пробило пелену дождя, но свет не проник дальше двух-трех шагов и рассеялся в потоке падающих капель. Зар понял, что вместо того, чтобы двигаться вдоль скалы, направился в сторону равнины и почти достиг валунов. Повернув вправо, он побежал по скользким камням и грязи. Тем временем ремешок обвил запястье и с такой силой впился в него, что Зар заскрежетал зубами от боли и замедлил бег. Непроизвольно, чтобы ослабить давление, он сунул левую руку в пламя, и тут же от одной руки к другой прокатился разряд электрического тока. Сердце подпрыгнуло. Руки разлетелись в стороны с такой силой, что их чуть не вывернуло из суставов. Зара швырнуло в грязь, но удара он не почувствовал: падение происходило словно во сне – плавный полет в пустоту, невесомость, беззвучие...

Какое-то время он ничего не чувствовал. Потом ему стало казаться, что его несет холодный поток.

– Аккуратней надо бы... – прошептал Зар – видимо, для того, чтобы убедиться, что все еще находится в реальности.

Первым ощущением была вернувшаяся боль. Ремешок сам собой скользил по предплечью и уже почти достиг локтя. При этом силу давления он ничуть не уменьшил. Было такое ощущение, что слышно, как под ремешком скрипит кожа.

Чуть погодя Зар осознал, что лежит на спине. Резко сев, он тут же вцепился в ремешок и стал яростно сдирать его, но тот лишь глубже въедался в кожу, как будто хотел добраться до костей.

Пытаясь справиться с головокружением, Зар поднялся на ноги. Покачнувшись, но все-таки удержал равновесие. Затем зажег на руке большой факел. Почти тотчас увидел навес: до него было всего несколько метров.

Пеструхи не оказалось под навесом, зато на ее месте лежала груда чего-то непонятного — дождь не давал рассмотреть.

Напрягши мышцы левого предплечья так, что ремешок затрещал, Зар шагнул вперед. Перед самым навесом снизил высоту огня и нагнулся, стал всматриваться в бесформенную массу, наваленную поверх слоя сена.

Наконец, он понял, что это такое.

Развороченная туша коровы напоминала безглазую голову фантастического чудища, высунувшуюся из норы: две уцелевшие конечности были его рогами; широко разодранное брюхо с торчащими во все стороны ребрами и зияющее пустотой, походило на огромную пасть, — на одну из ее сторон вылезли внутренности, смахивающие на уродливый вывалившийся язык.

— Во славу великому Манью, — послышался сзади голос, похожий на скрип ветхой калитки. Зар обернулся, осветил темноту и увидел Хеша, вернее то, во что он превратился.

Хитон безобразного существа, стоявшего перед ним, промок до нитки. Туловище было сгорблено; руки свешивались плетью; с узловатых пальцев на мокрую ткань извилистыми потеками стекала кровь. На месте глаз — огромные дымящиеся дыры. На лбу кожа сморщилась, как у старца, а на щеках высохла, как у мертвеца.

— Тебя тоже ждет утроба великого. — Существо ухмыльнулось. Зар понял, отчего его зубы кажутся такими темными: на них Пеструхина кровь.

— Сгинь, выродок, или я тебя сожгу... — прорычал Зар, и в этот миг раздался треск. еще не понимая, что треснуло — ремешок или его собственная кожа, он погасил огонь и бросился под навес. Нащупал на стеллаже нож. Перевернув лезвие острым ребром кверху, подsunул под полоску ремешка и стал резать, чувствуя, как острое прокалывает руку. Ремешок разом пришел в движение, нож соскочил. Зар повторил попытку, но ремешок заскользил так быстро, что нож стал выворачиваться. В темноте Зар исковырял себе руку, которая и без того уже онемела от сжатия.

Зар отшвырнул нож и снова зажег огонь. Не хотел, чтобы в темноте мерзкое существо к нему приблизилось. Но то, во что превратился Хеш, уже исчезло.

— Мешает биться, — произнес Зар слова из сна. Он вышел из-под навеса. Рука ныла, но, кажется, хватка ремешка чуть ослабла.

— Что тебе от меня надо?! — крикнул он, повернувшись к Аншану.

Огонь шипел. От него валил пар.

Зар почувствовал, как ноет затылок. Видно, стукнулся, когда падал.

— Чез! — крикнул Зар, но пес не откликнулся.

Вдали сверкнула молния, и на миг стало видно равнину — бугристую, покрытую шипами.

Зар начал спускаться по склону. Под ногами текли мелкие ручейки. Было скользко, и Зар старался ступать на твердый грунт.

Как же так? Пацан-то... Неужто он теперь тоже дэв? Получается, это он корову так?... Ну и дерьмо! Как же это? Ведь вроде рядом все время был. Ну, бормотал там себе иногда что-то невнятное, но вот так вот взять и в чудо-юдо с дымящими зенками превратиться!

Неожиданно в темноте мелькнул призрак Митры — далекий, едва уловимый. Голоса слышно не было, но Зар чувствовал, Митра пытается прорваться к нему сквозь толстый слой защитной оболочки, которую вокруг него установила Мерзость.

Мешает пробиться, — вот что он имел в виду, когда говорил о ремешке.

Мешает пробиться! Уничтожь ремешок, он мешает пробиться. Как сотовая связь — в метро.

Если так, то теперь ясно, почему все это время Митра никак на связь выйти не мог. Значит, дэвы – или кто там? – нарочно устроили так, чтобы он из дворца ушел с этой заколдованной штукой, с этой дрянью, которая все время следила за ним, создавала помехи да глюки разные навевала. А чтобы все было с гарантией, так к нему пацаненка вдобавок подослала.

Впрочем, на счет пацаненка сомнения были. В Хеша Мерзость могла и позже войти, уже после того, как Зар его в убежище привел.

Тут Зар поскользнулся и чуть не упал. Огонь в руке потух. Он решил его пока не зажигать. Если силы потеряешь, зло окончательно завладеет тобой. До тех пор, пока ты еще как-то отличаешь темное от светлого и большее дерьмо от меньшего, надо быть готовым к борьбе.

Сделать тебя своим воином-огнеметчиком – вот чего хочет тот выродок, что во дворце прячется. И сейчас он тебя прямиком к себе ведет. В точности, как и в ту ночь. Если думаешь, что в этот раз ты от него по собственной воле ушел, то сильно ошибаешься. На самом деле тебя просто вроде как в командировку направляли – на учение. Тут, в скалах, тебе было легче и проще опыт получать. Обманули, значит, тебя.

Сплюнув, Зар подумал, а не вернуться ли назад и не взять ли спрятанный в камнях меч. Однако от этой мысли он отмахнулся. Наверняка это движение приведет лишь к новым болям в руке, а в борьбе с Мерзостью меч один хрен не поможет.

Он шел дальше, замечая, что с каждым шагом давление все ослабевает, словно ремешок пришептывает: вот так, молодец, будь пай-мальчиком, не артачься и тогда больно не будет.

Только вот куда идти-то? Снова во дворец, что ли? Или, может, в Митрино святилище для начала, чтобы чашу его раскурочить – как во сне?

Нет, ни того, ни другого делать Зар не собирался. Мерзость не владела им настолько. А боль в руке – вообще мелочь. Да и какой бы сильной она не была, разве, испугавшись ее, он позволит собой управлять?

И все же гадко ходить с такой вот рукой. Как же избавиться от этой заразы?

Во сне Митра призывал уничтожить ремешок. Стало быть, все-таки это ты его, может, и услышал. А услышав, дальше отошел бы и, глядишь, контакт налачился бы.

Ладно. Важно то, что не оставил Митра тебя. Выходит-таки, точно жив он, ведь недаром говорил, что заговоренный. Вместе с царевичем Аурамом старик к битве готовится. В то самое время, когда Зар Степанов мародерствует и в скалах прячется, притворяясь эдаким Робинзоном и теша себя мыслями о собственной непричастности к этому времени и его силам. Нет, приятель, не сможешь ты туристом остаться ни в каком времени. Непременно тебя куда-нибудь пристроят-приспособят, а уж когда приспособят, то выбирать поздно уж будет.

А ты думал, не нужен никому? Нет, старик помнит о тебе. И не просто помнит, а большие надежды возлагает. Спасти пытается и к борьбе зовет.

Во сне Митра кричал вроде бы про какие-то руны. А может, про струны?

Уничтожь ремешок, говорил старик, он мешает к тебе пробиться. А для этого нужны руны. Так, что ли, получается? Руны – это вроде камешки такие или дощечки для гадания...

Или нет. Где-то в Аншане есть инструмент, а у него волшебные струны... Тринь-брынь – и нет ремешка.

Но ремешок уже и так ослаб. Что, если внезапно содрать его и отшвырнуть подальше? И броситься в другую сторону, бежать, пока ноги будут нести? Вот ведь бред, верно? Не спятил ли ты часом, а? Знаете, доктор, у меня на руке заколдованный ремешок. Я пытался от него избавиться, но он такой хитрющий оказался. Выбросишь его, а он снова на руке. А когда я бываю непослушный, он делает мне бо-бо.

А ночь-то прохладная. Жара – куда и подевалась. Ишь, как земля от дождя остыла, видно, тучи с севера ветром пригнало. Как же не заблудиться в эдакой темноте?

Если бы с самого начала на дорогу вышел, то скоро уж до селения дотопал бы. А тут, по кустарникам да по кочкам черт знает куда прийти можно. Хотя, если с западного направления не сбиться, то напрямик к храмам попадешь. Сперва Митрино святилище, потом – царских жрецов. Их надо справа обойти, тогда на пустырь попадешь, или... Стоп!

А может, не о рунах старик во сне кричал, а о тех самых храмах Варуны? Чтобы избавиться от ремешка, надо попасть в один из них? Ну да, иначе и быть не может! Надо срочно топтать к этим храмам, искать в них то, что ему поможет.

Зар ускорил шаг. Ремешок то ли прочитал мысли, то ли почувствовал неладное, но вдруг как-то уплотнился: не то, чтобы сдавил, но весь напрягся, пришел в боевую готовность.

Ничего, подумал Зар. Рано или поздно я тебя одолею.

Гроза ушла влево, и там время от времени все еще поблескивала молниями. Если лево – это юг, значит, идти надо вперед.

Зар стал всматриваться в темень, пытаясь разглядеть очертания Аншана или культовых строений, и в эту минуту где-то совсем близко завыл зверь.

Вой был такой унылый, что от него свело кишки.

– Пошел прочь! – крикнул Зар, резко выставив вперед руку, готовый в любую секунду выпалить столбом огня.

Этого только не хватало. Здесь, в поле, в темноте, от волка не так-то нелегко будет отбиться. Особенно, если ремешок опять оживет. А что, если волк не один?

Не торопись зажигать огонь, сказал он себе. Вспышка света только ослепит тебя. Хоть волка она и отпугнет, но и сам ты на время потеряешь ориентацию. Если бить, так уж наверняка, когда зверь будет рядом.

Зар прислушался к ночным шорохам. Дождь едва шелестел в узких листьях кустарников. Впереди темнело бесформенное возвышение. Именно оттуда донесся вой.

Зар свернул немного вправо, начал обходить, и тут послышался звук приближающихся шагов: кто-то, продираясь сквозь низкие заросли, обходил сзади. Шаги были осторожными, но принадлежали сильному, уверенному зверю. Может, тут у них логово? Зар всмотрелся в силуэт странного возвышения и тотчас понял, что это одно из строений храмов Варуны. Значит, он прошел мимо святилища Митры, не заметив его.

Обернувшись, он крикнул:

– Прочь отсюда!

Шаги прекратились. По тому, как быстро отреагировал шедший следом зверь, Зар сделал вывод: зверь – один. Зар ощущал на себе его изучающий взгляд.

Что, если попытаться взять его на испуг. Погрозить огнем, отогнать и затем свернуть в сторону. Обойти это место по широкой дуге.

Он выставил руку, повернув ее ладонью туда, где только что слышались шаги, и закрыл глаза, готовясь выпалить. Но тут что-то заставило его поостеречься. Шестое чувство подсказывало: если сделаешь это, навлечешь беду. Он замер, прислушиваясь к зверю. На миг ему почудилось, что он слышит его дыхание, и будто есть в этом зверином дыхании что-то знакомое. Зар открыл глаза, но не увидел ничего, кроме черного контура скал на фоне более светлого неба.

Необходимо пробиться в храм. До здания каких-то пятнадцать метров. Вряд ли хищник забрался внутрь. Скорей всего, сидит где-нибудь у стены и не сводит с тебя злобных глаз. Значит, надо пройти еще метров десять. И уж тогда внезапно плеснуть на стену огнем. Волк, если не попадет под пламя, отскочит в сторону. Тогда нужно будет быстро сориентироваться и запрыгнуть в дверь храма.

Подумав так, Зар двинулся к сооружению. В следующую секунду сзади, в нескольких десятках шагов, раздался хруст, – второй зверь шел следом.

Зар ускорил шаг, но и зверь сзади вдруг побежал. Зар рванул вперед. Когда до здания оставалось несколько шагов, он описал рукой размашистую дугу и плеснул в воздух струю огня умеренной силы.

Стена осветилась. Это был фасад. Зар стоял как раз перед одним из двух входов посреди площадки, выложенной камнем.

На фоне стены, осветившейся оранжевым, сидело четверо волков. Пятый восседал на ступенях, перед самым входом. Несмотря на бьющее над их головами пламя, ни один из зверей не сдвинулся с места и даже не вздрогнул.

Свет огня отражался в пяти парах глаз, делая их мерцающими. Мокрая шерсть облепила мускулистые тела хищников. Была в позах волков какая-то убийственная неподвижность.

Позади вновь затрещало. Один из волков – самый крайний слева – отвел взгляд от Зара и оскалился на неведомого гостя. Тут опять зашевелился ремешок, стал ощущивать запястье. Ага, выходит, не по нраву ему затея идти в храм!

Надо было осветить пространство сзади. Зар почувствовал, что еще может воспользоваться левой рукой, чтобы извлечь огонь. Отвел руку, но, прежде чем успел сделать задуманное, топот зверя, вмиг набравший темп галопа, прозвучал в метре слева, и тут же в круг света влетело что-то черное и мохнатое, бросилось на крайнего волка.

– Чез! – крикнул Зар.

Собака и волк, сплетаясь в единое бесформенное существо, с неистовым ревом покатались по брусчатке. Шагнув вперед, Зар метнул сноп огня в волков, сидевших справа. Тот, что был ближе к входу, мгновенно обуглился. Второй, задымившись, стал с воем метаться по площадке. В сыром воздухе разнесся запах горелого мяса.

Не останавливаясь, Зар направился к входу. Волк, сидевший на ступенях, попятился и тут же быстро нырнул в здание. Зар хотел последовать за ним, но еще один зверь преградил ему путь. Отведя руку назад, Зар приготовился метнуть в него огонь, когда тот прыгнет, но волк не стал прыгать, а просто сел и внимательно уставился Зару в глаза.

– Проваливай! – рявкнул Зар, но волк не шелохнулся.

Зар попробовал его обойти. Когда он приблизился к зверю на расстояние двух шагов, тот негромко зарычал. Стало видно, как напряглись его мышцы.

– Ну, ты, поосторожней, – предупредил шепотом Зар.

Тем временем Чез принимал от соперника жестокий бой. Зар слышал Чезов надрывный хрип, но в эту минуту не мог помочь, – нельзя было повернуться к зверю боком.

Вход в здание был свободен: клыкастый страж ушел вглубь, точно стремился защитить что-то особенно ценное. Зар сделал еще шаг, и тут волк прыгнул. Зар выпалил автоматически. В тот же миг разинутая пасть волка исчезла в огне. Прозвучал громкий хлопок.

В этот последний выброс Зар вложил несколько больше сил, чем требовалось для того, чтобы превратить волка в горсть пепла. Поток яркого пламени раскидал черные лохмотья по всей площадке.

Не тратя ни секунды, Зар бросился на помощь Чезу. Волк был сверху, и Зар лягнул его пяткой, но зверь, казалось, и не почувствовал. Отведя левую руку с факелом назад, а в правой погасив огонь, Зар нагнулся и ухватил зверя за мокрую холку. Отшвырнув его в сторону, он послал вдогонку порцию пламени. Волк вспыхнул и погас, замерши в неестественной позе.

Чез вскочил, но тут же передние лапы у него подкосились, он рухнул и, пытаясь подняться, с жалобным воем стал барахтаться на брусчатке.

Умерив огонь в левой руке, Зар склонился над раненым псом. Увидев, что с ним стало, он содрогнулся. Правая половина морды была изувечена: не было глаза, из разорванной пасти выглядывали клыки. Кровь хлестала из глубокой раны на груди, а одна из передних лап была сломана.

Где-то вдали раздался вой. Зар погасил огонь. На ощупь подхватив пса под бока, он потащил его к ступеням. В то же время ремешок впился в запястье с такой силой, что кисть враз онемела.

Чез зарычал. Зар опасался, что пес, реагируя на боль, может цапнуть, но, похоже, у того уже не оставалось на это сил.

Дотасив пса до верхней ступеньки, Зар резко выпрямился и зажег огонь. Свет проник в небольшой предбанник. Внутри было пусто. Зар убрал огонь и, погрузившись во тьму, втащил Чеза внутрь.

Туловище пса стало скользким от крови. Зар ощущал, как кровь поливает его руки прямо из раны. Псу оставалось немного, – это чувствовалось по тому, как напряжение уходит из его тела, как слабеет вой.

– Эх, приятель, – вздохнул Зар. – Что ж ты такой отчаянный?

Подтащив тяжело дышащего Чеза к стене, Зар опустил его, вытер ладони об пол и поднялся.

Осветив предбанник, он сперва глянул на себя (весь в крови!), затем осветил внутренний вход. Подумалось, что волк, который скрывается где-то здесь, окажется и хитрей, и сильнее остальных. Ведь он вроде как начальник караула. Что он тут стережет?

Из глубины помещения повеяло затхлостью.

Зар был готов как к внезапному нападению, так и к тому, что зверь может таиться в засаде и ждать удобного момента. Но, шагнув внутрь и осветив довольно большую квадратную залу, он увидел то, чего ожидал меньше всего.

Держась руками за широкую каменную тумбу, спиной к входу стояла девушка с черными волосами до плеч. Увидев, что на стены упал свет огня, она вздрогнула и обернулась. Это была Елена, внучка Митры.

16

Елена с ужасом смотрела на Зара, но через несколько секунд узнала его.

– Ох, как же ты меня напугал, – прошептала она. – Значит, это ты устроил шум перед храмом... Ты всех их убил?

– Откуда ты здесь, Елена? – воскликнул он. – Где Митра? Где все остальные?

Девушка быстро шагнула к нему, прислоняя палец к губам.

– Тише... Они могут нас почуять. Они повсюду здесь... Боже, да ты весь в крови. Бедняжка... Ты ранен?

– Это не моя кровь. Волк загрыз несчастного пса.

Зар осмотрелся в поисках волка, но того не было видно.

– Пса... – задумчиво повторила Елена, будто пытаясь понять смысл сказанного.

– Пса – это ничего... Главное, чтобы ты сам был цел. Тебе следует беречь себя, дорогуша. А сейчас нам обоим надо срочно уходить отсюда, иначе они тебя уничтожат.

Дорогуша? Чего это ее потянуло на сюсюканье? И как она вообще тут оказалась?

– Они – это кто? – Зар поднял повыше руку-факел. Потолок был покрыт незнакомыми символами, а также изображениями людей, быков и каких-то мифических животных. Этому потолку лет сто пятьдесят, не меньше.

– О-о... – вздохнула Елена. – Вижу, ты так ничего и не понял. Но, может, это даже к лучшему. А то ведь они знаешь какие опасные...

Тут она с гнлянула на его левую руку, и ее глаза странно сверкнули.

– Ремешок, – сказал Зар. – Это из-за него я...

Вдруг он понял, что давления больше нет. Зар хмыкнул и поднял руку. Напивавшись кровью Чеза, ремешок превратился в мокрую тряпицу. Теперь он уже не

стискивал руку, а безжизненно с нее свисал. Достаточно как следует тряхнуть кистью, и он шлепнется на пол. Так Зар и сделал.

– Ты с ума сошел! – завопила Елена. Зар уставился на нее, не зная, удивляться или нет. Лицо Елены перекосилось не то от гнева, не то от страха, словно только что Зар совершил ужасную, непоправимую ошибку.

– Ты чего? – спросил он. – Это же чертов заколдованный ремешок. Что-то вроде метки. Мне его во дворце подсунули. Я сам не заметил – как. Кажется, эта тварь хотела, чтобы я на нее работал. А теперь, похоже, эта дрянь перестала действовать.

– Подними его, – прошипела Елена. Лицо ее еще больше перекосилось, и сама она вся как-то подозрительно съежилась-скукожилась, руки сжались в кулаки, лоб наморщился, глаза потемнели. Что-то знакомое увидел Зар в этой ее ярости.

Он глянул на ремешок. Тот был неподвижен. Кровь Чеза каким-то образом его парализовала.

– Зачем мне эта дрянь? – медленно спросил Зар, вытянув руку с огнем к Елене – так, чтобы лучше было видно ее изменившееся лицо. – И куда, черт побери, подевался волк? Большой такой. Зубастый. С хвостом. Я своими глазами видел, как он сюда вбежал. И какого хрена здесь как в холодильнике?

– Просто... подбери... его... – прошептала сквозь зубы Елена, все больше изменяясь. – Подбери и уйди. Он не станет тебя терзать, обещаю... Только ты должен пойти во дворец. Там тебя ждут. Иди...

В эту секунду огонек задрожал, и Зар почувствовал, что запас энергии в нем быстро иссякнет.

Елены уже не было. На ее месте стоял выродок Хеш. На этот раз глаза его не дымили. Сейчас они напоминали два незаживающих рубца, в центре которых чернели отвратительные свищи.

Мысль о том, что в этом нелепом существе все еще может каким-то образом жить мальчишка, обнаруженный в подвале, удерживала Зара от немедленной расправы. На всякий случай он поднял обе руки и угрожающе нацелил их ладонями на Хеша. Тот злобно ухмыльнулся и исчез, словно его здесь и не было.

Зар быстро подошел к тумбе, у которой только что стоял выродок. Поверхность тумбы представляла собой четырехгранное углубление с отверстием в центре. Сток, черт его побери. Сток для крови.

Присмотревшись, Зар увидел на камне вокруг отверстия бурые пятна. Эта штука – что-то вроде алтаря, подумал он. Должно быть, тут жрецы приносят кровавые жертвы своим богам. Что же это за боги? Чудо-юдо, которое в Аншане живет, – не один ли из них?

Зар посмотрел вверх. Каменный наплыв вроде массивного короткого сталактита свисал с потолка. В центр его был вмонтирован мощный крюк. Так-так... вот сюда жрецы и вешали несчастную животину, прежде чем брюхо ей вспороть.

Представился жрец Нахат – толстый, черный как эфиоп, в бусах и с огромным ножом. Вот гад, под носом царя привел в город своих злобных духов.

То ли от этой мысли, то ли от всего, что пришлось в эту ночь пережить, Зар почувствовал в теле такую слабость, что захотелось присесть. Однако место не годилось для отдыха. Было здесь неуютно и уныло.

Огонек стал уменьшаться. Может, стены храма забирают силы? Уходить надо.

Зар опять взглянул на ремешок. Кровь не нем утратила блеск, стала матовой. Что, если, высохнув, ремешок вернет себе силы?

(Уничтожь ремешок в храме Варуны.)

Действуя по странному наитию, он подобрал с пола ремешок и, взобравшись на алтарь, погасив огонь, на ощупь привязал пакостную удавку к крюку на несколько крепких узлов.

– Тут и виси, – заключил он, спускаясь.

Опершись на алтарь, отдышался. Силы все больше покидали его.

– Проклятье, – процедил он сквозь зубы, силясь зажечь огонь. На этот раз из ладони даже искорки не возникло.

Выставив руки вперед, Зар вслепую двинулся к выходу. Ноги отяжелели, каждый шаг давался с трудом. Казалось, что-то сдавливает его со всех сторон. Пол становился все холоднее, все тяжелей и смраднее дух.

Наконец, руки коснулись дверного откоса. Зар остановился, снова попробовал вызвать огонь. Какое там! Ладонь будто заледенела. Кровь Чеза засыхала на ней, стягивая кожу. Внутри было пусто и холодно. Силы ушли. Зар почувствовал, что вот-вот свалится, если немедленно не выберется из этого проклятого заведения.

Цепляясь за стену, он выбрался в предбанник, прислушался. Чез не издавал больше звуков. Спасибо тебе, друг... если бы не твоя жертвенная кровь, ремешок был бы все еще при силе.

Снаружи доносились тихое урчание и непонятный скрежет. Может, убитые волки ожили?

Зар вышел на ступени. Дождь прекратился окончательно. Воздух был влажным и теплым. Все еще пахло горелым мясом и шерстью.

Небо все так же темно. И неясно, что это шуршит и шипит у самых ног – и дальше: кажется, вся темнота вокруг наполнена этими странными звуками.

Он поднял руку. На этот раз возникло предчувствие: вот сейчас вспыхнет. И правда, загорелось, да только огонек слишком мал. Похож на искорку умирающей свечи. Таким даже маяковать не получится. Хотя к чему маяковать-то? Ведь и без того все эти создания, которые вокруг, видят тебя, пронизывают взглядами, ждут...

Огонек не хотел разгораться. Он едва достиг размеров пламени зажигалки. Храм Варуны помог избавиться от подлого ремешка, однако вместе с ним отобрал много сил.

Зар наклонился и осветил ступени. Верхняя была чиста. На второй, задрав хвосты, сидело шесть или семь скорпионов. Дальше свет был не в состоянии пробить тьму.

Отпрянув назад, Зар погасил огонь и прислонился спиной к стене.

Ноги-руки были все еще ватные. Клонило в сон. Мерзость одолевала. Откуда черпать энергию?

Как же отвратительно пахнет сыростью, мертвечиной, гарью...

Кровь на ладонях окончательно высохла, превратилась в корку. Зар потер руки о влажный хитон, пытаясь от нее избавиться. Кровь не оттиралась.

Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Ситуация – хуже некуда.

Что там, впереди, так шумит и скрежешет? Полчище скорпионов? Слишком многоголосый хор. Там что-то еще. Тысячи отвратительных тварей. Они повылазили отовсюду по команде своего властелина, чтобы убить того, кто не захотел покориться.

Вытянув обе руки вперед, ладонями вверх, он застыл, собираясь с силами. Интуитивно стал взывать к собственным скрытым глубинам, о существовании которых только мог предполагать. Медленный вдох, пауза, концентрация, выдох... Где-то там, под толщей тьмы, хранятся силы, которые ждут своего часа. Зар все явственней чувствовал это. Но как заставить их выйти наружу?

Внутри начинало разливаться тепло, но слишком медленно, в то время как гул вокруг становился все пронзительнее.

Ах, как медленно, – никак не хочет с ним делиться глубина. Но ждать больше нельзя.

Паххх! – и на ладонях зажглись факелы. Он нарочно воспламенил их только на миг, экономя энергию, но этого мига хватило, чтоб увидеть десятки волков и еще каких-то тварей поменьше, сидящих вокруг. Пространство между хищниками занимала кишачная масса змей, ящериц и бесчисленных насекомых. Где границы этого полчища?

Зар почувствовал, как по телу прошла дрожь.

Если ты сможешь вернуть себе часть сил, то хватит ли их тебе, чтобы пробиться сквозь гнусную орду?

Правую стопу что-то пощекотало. Зар рефлекторно пнул гнусную тварь, чем бы она ни была, и тут же начал наступление.

Сила пламени оставляла желать большего. Все же порции, выплеснутой одной правой хватило, чтобы полностью очистить лестницу.

Сбежав до нижней ступени, Зар бросил вперед, словно дорожку, два огненных потока. Раскатившись на несколько метров, огонь выжег в копошащейся массе широкую полосу, убив четверых волков. Осознавая, что этим показательным выбросом лишил себя сразу половины сил, Зар бросился вперед, расставив руки в стороны и небольшими порциями выплескивая оборонительные огни.

Шевелящееся месиво тысячеголоса зарычало и хлынуло со всех сторон. Вмиг широкий проход сузился, и Зару пришлось вновь обильно полить вокруг себя огнем.

Пространство тут же наполнилось дымом, шипением и воем. На несколько секунд Зар очутился в довольно широком кругу, усыпанном искрами, золой и обгорелыми звериными трупами. Используя этот краткий миг, он сосредоточился, взывая к собственной глубине. Вдохнув полной грудью, он вернул часть сил и шагнул по горячей брусчатке вперед, обжигая подошвы, прямо навстречу разинутым пастьм хищников.

– Порочь, твари! – закричал он.

Зар пытался умерять силы и не тратить огня больше, чем требовалось для того, чтобы освободить дорогу вперед и очищать тылы. Но как сохранить рассудительность в этом бушующем хаосе мерзейших созданий, рвущихся к нему, чтобы разорвать клыками, пронзить жалами, отравить смертельным ядом?..

Он не знал, сколько времени тянется бой – секунды или минуты? Скоро ему стало казаться, что идет он по кругу, и нет конца и края полчищу тварей.

Несмотря на яркий огонь, видно было плохо – вокруг мутной пеленой стоял дым. Рваный пепел сыпался на землю как черный снег. Рев хищников, шипение змей, стрекот насекомых – все слилось воедино, и этот душераздирающий гул разлился, наверно, теперь по всей равнине. Звери, гонимые силой Мерзости, натываясь на огонь, ошалевают от боли, ужаса и ярости. Они сгорали, а на смену им лавиной надвигались все новые и новые.

Один из волков успел прыгнуть до того, как Зар среагировал, и огонь слишком поздно вырвался ему навстречу. Пылающий труп зверя обрушился на Зара, сбив с ног. Полулежа, Зар расшвырял по сторонам остатки пламени. Затем с трудом спихнул с себя вонючую тушу. Когда ему, наконец, удалось подняться на ноги, он понял, что наступил конец. Теперь из рук не высечь даже искры.

Поле боя окутала темнота. Лишь кое-где еще тлели кустарники. Судя по тому, что гул был не совсем близок, Зар сообразил, что стоит в центре выжженного круга. Он снова попытался собраться, но руки дрожали, дыхание сбилось, полученные ожоги не давали сосредоточиться.

– Дрянь – дело!.. – мрачно процедил он.

Ревущее кольцо сужалось. еще несколько секунд и...

Зар огляделся по сторонам. Где ж этот храм чертов? Авось как-нибудь можно обратно прорваться? Да только темень вокруг. Глаза почти ослепли от вспышек, и не поймешь теперь, где здание.

Зар сжал кулаки, принял стойку. Отчаяния не было: охватила бессильная злоба. Он стиснул зубы – не хотелось умирать под собственный вопль.

Вот тут-то и появился Митра.

Зар не сразу узнал старика. Сперва ему показалось, что с неба сбросили напалм. Враз стало светлее и жарче. Описав над полем боя дугу, пылающая бесформенная масса грянулась в круг, разбрызгала на десятки метров огненный шлейф. Несколько метров

огненный вихрь двигался по инерции, пропахав землю и оставив за собой горящий след. Остановившись, он принял человеческий облик.

Пришелец светился так ярко, что сначала его нельзя было толком и разглядеть. Прищурившись, Зар увидел, что перед ним настоящий витязь. Он был вооружен двумя мечами, на голове красовался остроконечный шлем.

Витязь стоял вполоборота. Затем он повернулся, осматривая надвигавшуюся нечистую рать, и Зар сразу узнал Митру.

Вскинув мечи, старик оттолкнулся от земли и взмыл в воздух. Он описал стремительный круг и наполнил пространство оранжевым светом пламени.

Пах-пах-пах! – раздалось несколько громких хлопков – это в клочья разлеталось зверье, пораженное пламенем. Кольцо расширилось. еще один испепеляющий круг – и свободного пространства стало еще больше.

Над омерзительным полчищем пронесся нестройный гул. Едва ли существовала сила, которая могла бы заставить одержимых тварей испугаться и повернуть назад, но неожиданный натиск создал в их месиве еще больший хаос.

Митра мчался по спирали, сея огонь и смерть. Круги его постепенно увеличивались. С каждым витком гул зверья слабел, понемногу превращаясь в разрозненные рыки и квелый шорох.

Силы мало-помалу возвращались к Зару, но не так быстро, чтобы он мог ринуться на помощь к Митре. Да тот, судя по всему, нисколько в ней и не нуждался.

К тому времени, как Зар оклемался настолько, что смог зажечь достаточно яркий факел, Митра остановился недалеко от ступеней храма Варуны. Какое-то время он постоял, осматриваясь по сторонам, а затем не спеша двинулся к Зару.

По мере его приближения Зар разглядел на лице старика подавленное выражение.

– Здравствуйте, – сухо проговорил Митра. – Наконец вас нашел.

Остановившись в трех шагах от Зара, Митра сунул мечи в ножны и скрестил руки на груди. Лицо старика излучало яркое свечение, но Зар сумел разглядеть, как оно постарело и осунулось. Даже громадный горбатый нос казался тоньше. Митра внимательно осмотрел Зара с ног до головы и с пафосом произнес:

– Позвольте выразить восхищение вашей целеустремленностью и находчивостью.

– Издеваетесь? – отозвался Зар. – Меня сейчас чуть заживо не сожрала свора этих тварей. Если бы вы свалились с неба на секунду позже, меня бы уже в живых-то не было.

Митра, видимо, пропустил эти слова мимо ушей.

– Вы уже догадались, почему я не мог связаться с вами раньше, – скорее заключил, чем спросил он.

– Ремешок.

– Да, – кивнул старик. – Блокатор. Дэвы часто используют подобные трюки. Теперь вы от него избавились, связь налажена, дорога расчищена. Я советую вам немедленно покинуть территорию храмовника.

Зар посмотрел вокруг. Земля под ногами вся была укрытая слоем пепла, и по-прежнему дымилась.

– Я не знаю, куда мне податься.

– Наша армия стоит в долине между Двуглавой вершиной и горой-Цветком. Это около тридцати километров на восток от Аншана. Отправитесь с восходом – к полудню доберетесь.

Так-так-так... Армия... Ну уж нет... Мысль о том, что придется подходить к постам вооруженных ратников, Зару определенно не нравилась.

Он погасил огни в руках, всмотрелся туда, куда указывал Митра, но увидел только тьму.

– Добраться-то я доберусь, – сказал он задумчиво. – Но что потом? Персы снова меня схватят. Или придется драться... Знаете, если не застать меня в расплах, я теперь могу быть опасен.

Митра покачал головой.

– Драться с аншанцами вам не придется. Армию теперь возглавляет Аурам лично. Когда погиб царь, он взял командование на себя. Аурам знает о вас. Я вложил в его уши весть о том, что вы можете быть одним из сильнейших воинов Аншана. Всем дозорам отдан приказ привести вас к царевичу тотчас, как вы приблизитесь к расположению армии.

– Царь Сурван умер? – уточнил Зар.

– Царя нет. – Митра вздохнул. – Случилось то, чего я опасался больше всего. Аншан захватил Манью Невидимый. Он вселился в Ханру, когда тот путешествовал по Египту. С помощью него Манью замыслил установить свое господство в Персии.

Если бы сам не посмотрелся разных невидальщин, решил бы, что старик чокнутый, подумал Зар.

– Ханра хочет стать царем Персии, – задумчиво проговорил он. – А что со Сраошем? Не знаете? Мы были вместе, а потом он пропал.

– Увы. Со Сраошем нет связи. Либо он во власти Манью, либо... – Лицо Митры помрачнело еще больше.

Зар почему-то вспомнил тот момент, когда он стоял под аркой караульного двора, а Сраош, забавно размахивая руками, голый, бежал по плацу.

– Мне известно, что вы не зря потратили время, – сказал Митра. – Позволю себе повторить: вы можете быть одним из сильнейших воинов Аншана и всей Персии.

– Да ну?

Силы после пребывания в храме Варуны все еще не вернулись. Зар едва держался на ногах. Обожженные подошвы пекли. Хотелось присесть, но всюду были гарь и пепел. Опять начинал моросить дождь. Он с шипением тушил остатки пожара.

Митра был неподвижен. Он не разглядывал Зара, а смотрел в сторону, словно давая ему возможность подумать.

– Как все это случилось? – спросил Зар.

Митра неторопливо провел рукой по волнистой бороде. Взгляд стал задумчив. Прежде, чем начать говорить, он какое-то время был погружен в себя. Через минуту старик произнес:

– Ханра, а вернее сказать – Манью, затеял войну. Все началось с суда над теми сорока восьмью сельчанами, что привел Ханра. Царевич объявил их преступниками. Он потребовал от царя, чтобы их немедленно распяли на глазах у всего народа. Но царь не допустил произвола, хоть и был несказанно рад возвращению сына. Надо сказать, Сурван, хоть и бывал чересчур гневлив, но все же являлся сторонником справедливости. Его военный суд всегда отличался внимательностью к разбору дел. Были по очереди допрошены все солдаты свиты царевича, затем все сорок восемь сельчан. Наконец, настало время вынесения приговора. Разумеется, Ханре доложили о его содержании еще до того, как приговор был озвучен в суде. Всех до единого сельчан должны были оправдать...

Митра снова потербил бороду. Зар заметил, как с нее слетело и растаяло в воздухе несколько искорок.

– Чуть погода, – продолжал старик, – когда я начал раздумывать над происшедшим, мне показалась странной такая неуклюжая попытка завоевать авторитет. Допустим, Ханра в Египте настолько поправил свою нарушенную психику, что вздумал соперничать с братом. В таком случае он не должен был приступать к делам, в исходе которых не был уверен. Хоть умом Ханра никогда и не блистал, но все же наравне с Аурамом получил образование, достойное царевича, и невеждой в вопросах дел дворцовых и политических никак быть не мог. Откуда же взялась подобная истерика?

Позже я понял. Невидимый не способен тонко мыслить. Он – грубая, кровожадная сила. Когда Ханра узнал, что сельчане будут отпущены на волю, он просто взорвался. Я сам видел, как он метался по дворцу, требуя наказать сельчан, якобы покушавшихся на его жизнь. А потом, когда открыли дворцовую площадь, впустили горожан и вывели обвиняемых, на средней площадке зиккурата вдруг появился Ханра. Я в это время стоял на балконе правого крыла дворца в компании жреца Нахата и военачальника Трора. Как обычно, Ханра был в маске, и на нем по-прежнему был черный дорожный костюм. Царевич попросил слова как обвинитель. Но, получив его, стал бормотать что-то несусветное про какие-то клыки и утробы, потом перешел на древнеегипетский, которого никто уже не знает. Увидев такое дело, Сурван, сидевший на троне, послал к нему людей, но те не смогли подняться по ступеням, словно наткнулись на невидимую стену. Внезапно Ханра указал на царя и обозвал его *бамбалом*, что на фригийском значит пенис. Пораженный этим неслыханным оскорблением, народ онемел, и в эту самую минуту Ханра сбросил с себя маску. И тогда всему миру предстало лицо просто невыносимой красоты. Ручаюсь, что человек, сбросивший маску, – настоящий Ханра, ведь я знаю его много лет, и долгое время был его личным лекарем. Не знаю, как это могло случиться. Быть может, маги Египта излечили его. Рубцы уродующих ожогов исчезли. Но вместе с физическим преображением произошло нечто фантастическое. В царевича Ханру вселился злобный дух. И в ту роковую минуту на площадке зиккурата перед народом Аншана стоял не сын царя, а могучее сверхъестественное существо.

Митра перевел дух, а затем свирепо двигая выпуклыми глазами, продолжил:

– И тут начался хаос! Ханра заревел страшным голосом на всю площадь. Внезапно поднялся такой ветер, что людей стало сносить с ног. Ханра крикнул: «Смотрите все! Я оскопляю Аншан!» С этими словами он махнул рукой, и Сурвана затрясло на троне так, словно через него пропустили электрический ток. Охрана бросилась на помощь к царю, но дунул такой ураган, что стражников смело. И тогда Ханра, перескакивая сразу через несколько ступенек, бросился к царю, на ходу увеличиваясь и раздуваясь. Я рванул в здание, намереваясь выбежать на террасу и оказать царевичу сопротивление, но вдруг на меня кинулся Нахат и, обхватив обеими руками, повалил на пол. От неожиданности и удара на минуту я утратил способность двигаться. Когда мне удалось скинуть с себя этого семипудового пузана и вскочить на ноги, я увидел, что люди, давя друг друга, рвутся к воротам, а царя на троне уже нет. Зато по всей террасе разбрызгана кровь. И еще я увидел мутноватый смерч, что двигался над площадью. Он подлетел к эшафоту, замедлил вращение и на глазах всего народа трансформировался в звероподобное существо, ужаснее которого мне вдеть не приходилось. Строение чудовища, его невероятная мускулатура и огромные конечности указывали на предназначение убивать. Я хотел вопреки всем своим кодексам и правилам применить силу, но Нахат снова попытался меня повалить. Я успел заметить, как существо ринулось на связанных арестантов. От удара его когтистой лапы человеческие тела взрывались кровавыми брызгами. Я оттолкнул Нахата, и им занялся Трор, который к тому времени начал приходить в себя после увиденного. Я глянул вниз. Существо покончило с арестантами и, покинув эшафот, пронеслось над толпой и, не задев никого, перемахнуло через стену. В этот миг я сказал себе: началась война, которую можно было предотвратить. Сбежав вниз, я устремился на поиски Аурама, но он со свитой исчез. Мне удалось пробраться в левое крыло. Я попытался связаться с царевичем телепатически, но странное марево, повисшее в помещениях, отбирало силы. С двумя бежавшими офицерами охраны через черный ход я покинул дворец. За стеной я вновь попытался связаться с царевичем. Я должен был предупредить его об опасности. Самой главной задачей было сохранить армию и вывести ее за пределы Аншана. Но я не успел связаться, потому что в эту минуту началась атака. Поднялся ураган невероятной силы. Он валил людей с ног. Над толпой бегущих носился настоящий тайфун. Он налетал на толпы людей, уничтожая их. Я со всех ног бросился к своему дому. Там меня ждала Елена... –

Тут в глазах Митры промелькнула необъяснимая тревога. – К счастью, Елена была в порядке. Взяв коней, мы поскакали к Горбатой Долине по короткой дороге. Там мы и нагнали Аурама. Он сумел-таки с помощью военачальников мобилизовать армию и направить ее в отступление. С армией ушла большая часть населения. Ханра-Манью не набрался сил настолько, чтобы преследовать войско за пределами Аншана. Но мечта его сбылась: теперь он царь Аншана. Мы засели под Двуглавой Вершиной. Аурам назначил нескольких военачальников, в том числе и меня. Мне он вверил три тысячи человек. Но наши войска бессильны против злого духа. Ни у одного из людей я не обнаружил хоть мало-мальских способностей к пирокинезу. Аурам опасается нападения на Пасгард, поэтому решено пережидать в горах. Продовольствие доставлено из Кармании. Гонцы направлены во все концы Персии. Надо собрать магов и всех тех, кто может противостоять Манью. Несколько раз в тонких телах я проникал в окраины Аншана. Я видел, что случилось с теми, кто не успел уйти. Основной моей целью было найти вас, Зар, но Невидимый сумел сделать вас недоступным для меня. Силы мои ограничены. И все же нам удалось встретиться...

По мере рассказа Митра внешне становился все более сумрачным. Наблюдая за ним, Зар вспоминал кровавые спирали, виденные на улицах Аншана.

– Против Манью армия Аншана бессильна, – проговорил старик с тяжким вздохом. – Нужны маги. Те, кому даны пирокинетические силы. Вы – один из немногих. Обучение и инициация сделают вас еще сильнее. Сплотившись, мы сможем противостоять врагу и одолеть. Вы сумели выжить. Вы набрались опыта. Чем раньше вы достигнете расположения аншанской армии, тем скорее мы с вами начнем подготовку к битве. Я на вас очень рассчитываю.

Зар чувствовал, как голос старика проникает в самые глубины разума, касаются потаенных струн души...

Что же ты медлишь-то? Надо спешить. Скорее, туда, в расположение армейских частей, в горы, быть с ними, учиться воевать, чтобы стать на защиту... На защиту вот этих гор и равнин, домов и лачуг... Домов... и лачуг...

Зар резко встряхнулся.

Что это было? Цыганский гипноз?

Старик был спокоен, почти бесстрастен. Только глубокие морщины на лбу и у глаз выдавали в нем мрачное настроение.

Зар смотрел на Митру, пытаясь проанализировать услышанное. Несмотря на то, что примерно такого продолжения событий он и ожидал, категоричное предложение Митры его вдруг покорило. Выглядело так, словно ему вручают повестку в военкомат. Кому? Туристу! Изгою! Бежавшему заключенному!

– С чего вы взяли, что я стану драться на стороне армии? – спросил Зар хмуро. – Да и за что мне столько чести?

Старик пристально посмотрел Зару в глаза.

– Вы – самородный воин, – произнес он. – Я это вижу. Справедливость для вас – одна из первостепенных ценностей. Вам даны силы. Вам подвластен священный огонь. Это единственное оружие, с которым можно идти на битву с Невидимым. Аурам с нетерпением ждет вас. Если он увидит, что вы сильный человек, на которого можно положиться, и если вы оправдаете его доверие, вас ждет высокий пост в государстве.

– Да ну? – воскликнул Зар с раздражением. – Вот это перспектива! И.О. царя меня ждет? Но к чему мне все это?

– Как к чему? – искренне удивился Митра. – Храбрость, сила, благородство и ум сделают вас героем и принесут славу в обществе!

– Вот как? – Зар говорил все более запальчиво. – А если мне глубоко плевать на это ваше первобытное общество? Как по мне, так пусть царевичи сами решают, кому из них царем быть. Лично для меня ни тот, ни другой ничего полезного не сделал. Пусть Ханра сидит в пустом городе, а Аурам новый себе построит. Если ему надо, пусть сам

огнем управляет, научите его. А я, если бы и надумал геройствовать, то предпочел бы заниматься этим где-нибудь в двадцать первом веке. Вы что, в самом деле считаете, что я собираюсь тут надолго осесть?

– Покуда не могу сказать, сколько еще вам придется пробыть в Аншане, – посерьезнев, проговорил старик. – Посему предлагаю не тратить времени попусту, а с сегодняшнего же дня заняться подготовкой. Быть может, дорогой мой Зар, вам суждено оставить след в истории.

– Что?! – с досадой выкрикнул Зар. – Думаете, меня так легко завербовать? Черта с два! Мало того, что вы со своей внучкой затащили меня сюда, не спросив согласия, так я еще должен за этих дикарей сражаться?..

Митра странно дернулся. Во взгляде его мелькнуло уныние, какого прежде Зар не замечал у старика. Надо же, – подумал Зар, – решил, значит, старик на чувствах сыграть. Ну, этим ты меня не проймешь. Я ведь тебе не марионетка. Не по душе мне, когда от обстоятельств завишу. Не люблю, когда вот так вот, не спросившись моего мнения, решают мою судьбу. Сперва отобрали все достижения века, включая Интернет, телевидение и мобильную связь. Потом отколошматили, а в довершение еще и в тюрьму кинули. А теперь они, видите ли, надежды возлагают! Да я одними только вашими тыквами сыт по горло!

– Знаете, что? – холодно сказал Зар. – На самом деле риск я люблю. Предпочитаю его унылой рутине. Но только тогда, когда он оправдан. Сейчас я не вижу никакого смысла с кем-то воевать. Все, что мне на самом деле было нужно в последние недели, это разыскать вас. Я хочу, чтобы вы меня отправили обратно. Нет, я требую.

Митра печально усмехнулся.

– Неужели для этого вы учились управлять огнем?

– Я делал это, чтобы не было скучно, – фыркнул Зар. – Что тут такого? Раз уж во мне это проявилась, почему бы не усовершенствовать? Ну а теперь отправляйте меня назад.

– Вынужден повторить вам, – терпеливо проговорил Митра. – К сожалению, в настоящее время вернуть вас обратно не представляется возможным. Я не могу позволить себе проводить столь серьезный эксперимент до тех пор, покуда полностью не буду уверен в его безопасности. Но, раз уж вы отказываетесь принимать участие в битве, я смогу устроить вам убежище в горах. Есть одно укромное местечко... Вам будут регулярно приносить пищу, и вы сможете просидеть там до тех пор, пока не разрешится сложившееся противостояние.

Эти слова еще больше задели Зара. Но он ничего не ответил, только снова глянул в темноту.

– Сейчас вам надо выйти на равнину, – чуть изменившимся голосом продолжал Митра. – Доберетесь по восточной дороге до развилки и пойдете налево. Обойдете гору и сразу увидите тропу: она идет вверх. По ней подниметесь, не сворачивая, пока не выберетесь на плато. Там я снова свяжусь с вами.

Старик замолчал и отступил назад. На минуту воцарилась тишина. Зар искоса поглядел на старика. Тот начинал уже таять. Искорки разлетались на ветру. Лицо теряло контуры, но было все еще видно, что на нем лежит печать уныния.

– Мне показалось, я видел вашу внучку? – сказал Зар. – Только на самом деле это была не она. Это был один мальчишка, который превратился в какую-то тварь... Но где сейчас ваша внучка?

– Ушла, – тихо отозвался старик.

– Как? – поразился Зар. – Куда? Вы говорили, она была с вами.

– Елена ушла, как только закончила работу над текстами. Она оставила мне «Авесту» и направилась в Аншан. Ушла ночью, оставив записку. Я не могу с ней связаться. Елена научилась блокировать меня... – Голос Митры звучал издалека.

– Черт! – воскликнул Зар. – Почему? Как вы допустили?!

Митра оглянулся, но не в темноту этого пространства, а куда-то туда, где находился в это время физически. Затем посмотрел на Зару изучающим взглядом и произнес:

– У нее своя точка зрения... Буду говорить прямо: Елена считает себя виновной в повороте истории. Она не видит в летописных текстах и мифах отражения того, что сейчас происходит в Персии. Она идет в Аншан к Манью...

– Черт! Но зачем? Почему вы ее не остановите? Разве... – Но ему пришлось замолчать: собеседник внезапно растаял в темноте.

17

Зар двигался на восток, считая востоком сторону, в которую дважды указывал Митра. Надо поскорее убраться с территории храмовника. Если Елена уже в Аншане, ночь – не самое подходящее время для поисков. Лучше где-нибудь пересидеть до утра. Возвращаться в убежище не хотелось – там все залито кровью Пеструхи. Зар решил дойти до селения и провести остаток ночи в первой попавшейся лачуге. Достигши хижин, все же внял голосу разума и двинулся дальше. Обошел селение, стал пробираться по пустырю вдоль восточной дороги. Обожженные, исколотые подошвы зудели от боли. Он старался не думать об этом. Главное – не прозевать шорохи крадущихся волков, а то и каких-нибудь тварей поопаснее.

Избавившись от «блокатора», вряд ли ты заслужил милость Невидимого. Если дух захочет стереть в порошок, он сделает это, не задумываясь. Его ничто не остановит. А уж повода для того, чтобы разбушеваться, ему предостаточно. За ночь ты вместе с Митрой такого наворотил! Одно дело скорпиона поганого сжечь или пускай даже зверя хищного, другое – против всесильного духа восстать. Обо всех возможностях Невидимого ты до сих пор представления не имеешь.

Иногда Зар останавливался и смотрел назад. Аншан был погружен в морозящую тьму. Толща черных облаков скрывала небо, сдерживала наступление рассвета. Чувствовался взгляд Невидимого. Он был тяжелый, испытующий. Все же чутье подсказывало Зару, что он выберется. Похоже, чудовище и на этот раз даст ему возможность уйти. Какая же между вами связь? В общем-то теперь все логично: Невидимый не прочь перетянуть на свою сторону бойца, способного стрелять огнем. Но только ли это? Тут Зар подумал о том, кого Митра называл Светлым Атаром. Любопытно, а какова его доля во всем этом деле? Где он сейчас? Митра говорил, он вроде как спит. Что это за сон? Анабиоз?

Когда стали попадаться валуны, немного посветлело. Скоро Зар начал узнавать местность. Не сходить ли все-таки в убежище за мечом, снова подумал он, но для этого пришлось бы делать крюк почти в полтора километра. Дойдя до скал, Зар свернул налево. Он шел по размытой дождем тропе, иногда сбиваясь, но тут же снова находя ее. Одежда на нем почти просохла. Есть не хотелось, но слегка начинала мучить жажда. Зар надеялся, что по пути ему попадется ручей. До рассвета он успеет обойти гору, а когда станет совсем светло, отыщет тропу, о которой говорил Митра.

Дурацкое было положение. Продолжать оставаться эдаким самозванным стражем у подножия гор и продолжать играть в гляделки с хозяином Аншана было глупо. Принимать предложение Митры тоже не хотелось, так как это значило признать свою полную зависимость от него. Но все же перспектива быть превращенным в одного из зомби Невидимого была куда менее привлекательна, чем возможность повоевать на стороне персов.

Примерно через полчаса Зару показалось, что он уже начал огибать гору по дуге. Не прозевал ли он тропу?

Зар свернул чуть вправо и стал восходить по пологому склону вверх. Под ногами попадались то глина, то щебень. Вскоре угол подъема увеличился, стало трудно идти по скользкой грязи. То и дело, чтобы не упасть, приходилось хвататься за редкие кустарники. Однажды Зар кубарем скатился вниз, сбив колени и вымарав хитон. Оказавшись на узкой площадке, он поднялся и осмотрелся вокруг. Ему показалось, что он забрался невысоко, на каких-то двадцать-тридцать метров. Дальше карабкаться было просто бессмысленно: никакой тропы видно не было. С немалым трудом Зар спустился вниз и присел, опершись спиной о большой валун и обхватив колени руками. Он закрыл глаза и вскоре задремал...

– Ты – глупый узколобый урод, – говорил царевич Ханра, на котором не было маски. Царевич одет во все черное, глаза у него злые как у голодного волка. – Я тебе что, мало намеков и знаков дал? Идиот гребаный! Я предлагал тебе все, о чем ты еще недавно и мечтать не мог. Но ты не захотел принять мое предложение. Мало того, ты испортил целое войско. Превратил его в пепел. Оно должно было провожать тебя по пути ко мне, как почетный эскорт. Войчко я не прошу.

Зар стоял перед царевичем и буквально кожей ощущал поток гнева, который Ханра изливал на него.

– Ты оказался гораздо тупее, чем я предполагал! – завопил царевич. – Сбежал как последний трус. Сам не знаешь, куда теперь идешь. Не к тем ли, кто желает тебе смерти? Ты идешь к своим врагам! Надеешься, что они уже передумали тебя убивать. Напрасно ты в это веришь. Что бы ты не предпринимал, все сложится не в твою пользу. В последний миг своей никчемной жизни вспомни, урод, что я предупреждал тебя. И еще вот о чем не забудь. За то, что ты отказался служить мне, я возьму себе в слуги твоего брата. Заберу его душу. Вдохну в него свое начало. Вылеплю игрушку себе по вкусу. Он еще не рожден и не знает жизни. Кстати, его имя будет не Михаил, как хочет твоя чокнутая мамаша, а Николай... Коля! Я сделаю его своим бойцом еще до того, как он выберется из утробы. Он станет моим лучшим бойцом. И твоим врагом. Придется как следует поработать. Думаю, он будет моим любимцем. Я научу его искусству убийства. Никто на земле не сможет делать это так, как он. Твой братец Коля Степанов будет делать это легко. Без сомнений. Знаешь, что я сделаю? Я просто погашу в нем чувства. Для меня это – раз плюнуть. А знаешь, каким будет мое первое поручение? Для начала я заставлю его убить мамашу. Как тебе это?

Идеально правильное лицо Ханры было умиротворенным и ослепительным, – такими православные художники иногда изображают архангелов. Слова звучали грубо, но существо, произносившее их, было бесстрастным: об этом говорили глаза – пустые, холодные, равнодушные. Зар чувствовал, как трудно ответить этому существу. Но, собрав силы, он сказал:

– Я доберусь до армии твоего брата. Я докажу ему, что я сильный человек, что на меня можно положиться. Мы соберем всех магов и убьем тебя. А если ты не сдохнешь, мы загоним тебя в ту дыру, из которой ты выбрался, чудо-юдо!

– Ха-ха! – воскликнул Ханра, причем глаза его остались безразличными. – У меня нет и не было никакого брата. И нет магов, у которых хватит сил, чтобы победить меня. Сами маги это знают. И никто из них не придет на помощь самозванцу Аураму. Персия принадлежит мне. И маги тоже.

В приступе ярости Зар вытянул руки и выдохнул пламя, но вместо огня по рукам заструились струйки крови.

Ханра улыбнулся одними губами.

– До скорого, – прошептал он и отступил в темноту.

Зар вздрогнул, но не проснулся полностью. Он немного поворочался, по-другому прислонился к нагретому спиной валуну и погрузился в следующий сон.

Что-то вторглось извне, заставив пробудиться. Где-то посыпались камни.

Зар с трудом разлепил веки, огляделся.

Солнце успело проклюнуться из-за гор. Оно сияло ослепительно, испаряя нагретую влагу. Хитон почти высох и так нагрелся на солнце, что кожу припекало.

Место напоминало просторный котлован между двух горных склонов. С одной стороны он оканчивался ущельем, с другой – выходом на равнину. Этот выход был весь засыпан валунами.

На один из них изо всех сил пыталась вскарабкаться женщина. В длинной темно-серой рубаше и светлом платке, скрывавшем волосы, она походила на студентку-арабку. Рубаша мешала ей, но женщина делала все возможное, чтобы взобраться.

Вскочив на ноги, Зар протер глаза и заорал по-аншански:

– Эй, ты, подожди! Не бойся! Я вреда не причиню.

Женщина на миг обернулась, но тут же снова принялась карабкаться с удвоенной прытью.

Кто она такая? Откуда? Какого хрена ей нужно в Аншане, в этом проклятом умершем городе? Вопросы промелькнули в мозгу за миг до того, как Зар сорвался с места и бросился к насыпи.

Пробежав рысью несколько шагов, он поскользнулся на мокрой глине и упал, едва успев выставить перед собой руки.

Когда вскочил снова, женщина стояла, прижавшись к валуну спиной. Она вознесла над головой руку с камнем и терпеливо ждала приближенья Зара. Платок сбился на лоб, но Зар разглядел ее лицо и сосредоточенный взгляд.

– Елена?!

Девушка тоже узнала его. От удивления она приоткрыла рот и так и осталась стоять с камнем над головой.

– Вот так встреча! – обрадовался Зар.

Наконец, Елена медленно опустила руку. Гнев на лице сменился выражением усталости.

Зар подбежал к насыпи. Перепрыгивая с камня на камень, стал взбираться к валунам. Смотри ты, как все просто оказалось. Даже искать не пришлось, – сама девчонка пришла. Может, надо как-то внимание Митры привлечь?

Тут вдруг вспомнился сон и угроза Ханры-Невидимого. Эй, а нет ли подвоха в этом внезапном явлении? А что если девка очередным видением окажется?

Видение заговорило первым.

– А, это ты! – возгласило оно тоном, в котором улавливались гордыня и недовольство.

– Ну я, – откликнулся Зар.

– Я подумала, это кто-то из местных. Тебя с бородой не узнать.

Девушка стояла неподвижно, все еще сжимая в руке камень, щурясь от яркого солнца и то и дело зыря по сторонам.

Зар вытер о хитон перепачканные руки.

– Идешь в храм Варуны? – поинтересовался он.

Девушка уставилась удивленно.

– С чего ты взял?

– Ночью я уже встречал одну такую, – ответил Зар. – Ну, тебя... Короче, в точности как ты была. Оборотень, ясно? Знаешь, что с ней случилось? Пару минут со мной говорила, а потом зашипела, как змея, и превратилась в маленького страшила.

Елена фыркнула.

– Не волнуйся. Я не собираюсь ни в кого превращаться.

– Почему мне знать, – усомнился Зар. – Та сначала тоже вроде не собиралась.

Девушка безразлично пожала плечами.

– Мне-то что? Я тебя убеждать ни в чем не намерена. Я – это я. Хочешь, сам как-нибудь убедись. Только без рук. – ее глаза сверкнули. Она порыскала взглядом по сторонам, словно вновь хотела камень подобрать.

– Ладно, – кивнул Зар. Он молодецки тряхнул головой, прогоняя остатки сна. Сколько же ты проспал, братец? Часов пять – не меньше.

– Эй, а зачем ты здесь? – крикнул он. – Место – жуть.

– Я знаю, что это за место, – холодно сказала Елена. – Я здесь по делам.

– Почему от деда ушла? – Он проигнорировал сухость ее тона. – Дед твой расстроен. Что тебе в Аншане понадобилось?

Елена не ответила. Она отвернулась. Перебирая руками по валуну, перешла на другое место. Отсюда ей проще было влезть наверх. Задрав ногу, попыталась взобраться. Зар заметил, что на ногах у нее кожаные башмаки со шнуровкой.

Наконец она влезла на валун, осмотрелась. Затем круто развернулась, села и свесила ноги. еще раз осмотревшись, она стащила платок, встряхнула волосами и стала такой, какой Зар увидел ее впервые. Только в лучах утреннего солнца казалась еще симпатичнее.

Нет, вовсе она не похожа на деда своего. У того нос, как клюв орла, и глаза выпучены, как два ореха. А Елена – красотка: румянец на щеках, брови вразлет, губы – алые маки.

Ну, и что прикажете с ней делать? Догнать и скрутить – дело одной секунды. А дальше-то что? Волоком тащить обратно, к лагерю Аурама? Черт, ну где же Митра?..

– Понимаешь?.. Там, во дворце, злой дух, – на всякий случай сообщил Зар: – Место – дрянь. Женщинам тут нечего делать. Лучше возвращайся.

Елена посмотрела с таким видом, будто Зар сморозил чушь.

– Тебе что, нравится одно и то же повторять? – насмешливо поинтересовалась она, прикрываясь ладонью от солнца.

Тьфу ты, в самом деле, чего и впрямь заладил: место паршивое, духи злые... Пусть себе топает, куда ей нужно, разве ты нанимался спасать ее?

А с другой стороны, пускай вначале скажет, куда она, такая хрупкая и нежная, топает одна-одинешенька. Черт, да там ведь впереди – логово чудовища. Кучи трупов! Хрен его знает, зачем она из-под защиты дедовой сбежала? А что, если у нее тоже «блокатор» где-нибудь висит, и Манью Невидимый к себе ее призывает?

– А ты что, умеешь говорить на местном наречии? – вдруг спросила Елена. – Или мне только показалось?

– Ну, умею, – пожал плечами Зар.

– И насколько хорошо?

– Ну, могу спросить у местного мента, где ближайший банкомат. А че?

– Да ни че. Молодец, – бесстрастно похвалила Елена, набрасывая платок на плечи. – Прости, мне надо идти...

Тяжело вздохнув, она закинула ноги на поверхность валуна, поднялась.

– Постой, не спеши! – окликнул ее Зар. – Если он тебя зовет, должен быть способ избавиться от этого. По себе знаю.

– Никто меня не зовет, – ответила Елена, не оборачиваясь.

Разведя для равновесия руки в стороны, она двинулась прочь и через пару секунд скрылась из виду. В следующее мгновение раздался ее вскрик. Послышался грохот падающих камней.

Фу ты, ну ты! В мгновение ока Зар оказался на валуне. Перегнулся, увидел Елену внизу, лежащую. Запутавшись в длинной рубахе, она барахталась между двумя большими камнями, пытаясь выбраться. Легко спрыгнув на один из камней, Зар уперся ногой во второй камень и, наклонившись, обеими руками взял Елену за рубаху, аккуратно извлек из ловушки. Девушка застонала и схватилась за колено.

– Сама виновата, – сказал Зар.

Усадив ее, он поднял край рубашки и осторожно ощупал ногу. По колену расползлся синяк, но кости, похоже, были целы.

– Вроде, ничего такого, – заключил он. – Попробуй встать.

Она поднялась, но опираться на ногу не смогла.

– Держись за меня, вместе вниз полезем, – сказал Зар.

Помогая ей спускаться, он вдруг почувствовал, что одежда его слегка пованивает. Странно, и как он раньше-то этого не замечал? Вот сейчас только, рядом с Еленой понял это... Надо срочно постираться, помыться. Да и о еде-питье неплохо бы побеспокоиться.

Оказавшись на ровной поверхности, Елена прислонилась к валуну и заскрежетала зубами. По щекам потекли слезы.

– Рано ревешь, – хмыкнул Зар. – Беды еще нет никакой.

Неожиданное появление Елены перемешало и без того нечеткие планы.

Куда теперь? Отсюда не так уж далеко до брошенного хозяйства, но показывать Елене то, что там случилось, не стоит. Наоборот, хорошо бы отвести ее назад.

– Ногу лечить надо. Как смотришь, если я проведу тебя туда, откуда ты пришла? – раздумчиво спросил он. – Заодно и мне дорогу покажешь.

– Нет! Я не для этого сюда шла, – запротестовала Елена. – У меня здесь дело.

Во дает!

– Видно, ты все-таки не понимаешь, – сказал Зар. – Там, в городе, не просто опасно. Там – смертельно опасно. Запретная зона. Войдешь в Аншан – и в любом случае умрешь. Митра что, не объяснял?

– Объяснял... Сперва он пусть разберется, кто опаснее, – сердито ответила Елена. Губы ее задрожали от гнева. – Дед никак не может главного понять. Думаешь, я сдуру из лагеря ушла? Я сбежала, чтоб его опередить. Дэвы! Он слишком долго жил среди них. Сорок лет... Они его с пути сбили.

Что еще за новости? Старик с причудами, конечно, но Зар не мог припомнить, чтобы в жизни встречал кого-нибудь умнее и сильнее. Не говоря уж о способности Митры появляться из ниоткуда.

– Сбили с пути, – повторил Зар. – Хочешь сказать, есть во всей этой истории кое-что такое, чего старикан не знает?

– Есть такое, чего дед понять не хочет, – в тон ему ответила Елена. – Видишь ли, это не соответствует его теории и опыту.

Елена насупилась и устремила взгляд на равнину.

– Что чему не соответствует? – попытался уточнить Зар.

– Не важно, – сказала она.

– Ну, уж нет, – вспыхнул Зар. – Начала, так говори.

– Нам с тобой все равно не по пути, – отрезала Елена.

– С чего ты решила? Может, нам как раз в одну сторону?

– Нет. Ты сам говорил, у тебя есть планы.

– Планы иногда могут меняться.

Елена уставилась на него. Собралась что-то сказать, но в последний момент передумала.

– Так чего Митра понять не хочет? – не унимался Зар.

Елена закусила губу. Брови ее надвинулись на переносицу. Ее явно раздирали противоречивые желания – все рассказать и не говорить ничего.

Наконец она не выдержала и спросила:

– Ты вообще-то в курсе, кто такие дэвы?

– Ну, видал нескольких. Они – вроде как бесы из сказок. А что?

– Дедушка всю свою жизнь расшифровывает мифы, – сказала она. – Я, конечно, не против... Только ошибки могут дорого стоить.

– Какие ошибки? Рассказывай!

– Послушай! – неожиданно закричала Елена. – Послушай меня! Ты должен понять. Дед считает, что два пришельца поделили мир. Решили по очереди пользоваться. Только один из них перехитрил другого. И теперь он грозит всей планете. Всему будущему! Он якобы собрал всех дэвов. Хочет создать армию. Самую сильную в мире. Это дед так думает. Он считает, надо эту армию обезглавить. Убить Невидимого.

– Есть в этом резон, – заметил Зар. Он пытался уловить нить.

– Во многом дед действительно прав, – возбужденно продолжала Елена. – При таком раскладе вещей, как сейчас, неизвестно, возможно ли будущее. Наступит ли когда-нибудь двадцать первый век? Или Земля будет лететь в безжизненном космическом пространстве? Мертвая, пустынная, покрытая льдом. Неизвестно. Во всяком случае, этот ужас надо предотвратить. Дед хочет, чтобы все маги объединились для войны с Невидимым.

– Я знаю, – сказал Зар. – Старик и мне предлагал вступить в их команду. Хотя я и не маг.

– И что ты ответил?

– Отказался. У меня свои планы. Хотя я и не считаю, что все это миф. Мне уже на своей шкуре пришлось почувствовать нрав Невидимого.

– Отказался – и правильно сделал. – Елена попробовала наступить на больную ногу, и лицо ее исказила гримаса. – Ой!.. Ага, так ты почувствовал нрав Невидимого? Ну, и как?

Зар пожал плечами.

– Станный он какой-то, этот дух. Его трудно понять. Зачем-то выгнал всех из города, дал им уйти, при этом искромсал часть стражников и горожан. То ли запугать хотел, то ли еще по какой причине? Со мной он играл, как кот с мышкой. Я был в самой берлоге его. Он попытался меня завербовать, но не вышло. Потом напустил на меня свору волков. Спасибо, Митра, дед твой, выручил. А по ночам случается, что Невидимый во сне приходит. Говорит, как обычный человек.

Вспомнив это, Зар поежился. Неужели так все и было?

– Этот Невидимый – Ханра, так? – спросил он у Елены. – Только вот что я никак в толк не возьму. Настоящий Ханра – он еще Ханра или уже окончательно этот... Манью?!

Елена покачала головой.

– Ни то, ни другое. Сейчас попробую объяснить. Только скажи сначала: какие у тебя планы? Ты говорил, у тебя есть свои планы.

– Да пока в общем-то неопределенные, – уклончиво ответил Зар. – Мне, честно говоря, некуда отсюда идти. Думал, в самом деле к вашим примкнуть, но и это ведь не выход. Чужой я им. Так случилось, что за все время, что живу в Аншане, ни с кем не познакомился ближе, чем с этим самым Манью. Ну, не считая Митры, конечно. И еще одного мальчишки, которого тоже послал дух.

– Какого еще мальчишки? – удивилась Елена.

– Его зовут Хеш. Он один из них. Короче, дэв.

– Хешман, – пробормотала Елена.

– Чего? – не понял Зар.

– Так, – твердо сказала она. – Я должна тебе все объяснить.

– Валяй.

– Сперва скажи, что дед говорил.

– Ладно. – Зар уселся на камень и вкратце изложил все, о чем ему поведал в камере старик.

– Выходит, ты представляешь, для чего дед перенес самого себя в Персию, – заключила Елена. – И знаешь его точку зрения, которую он уже много лет подряд внушает Аураму, за что, в свою очередь, деда якобы ненавидел главный жрец.

– Главный жрец? Его, кажется, зовут Нахат.

– Совершенно верно.

– Я знаю, что он толстый, – сказал Зар. – И что он почему-то хотел помешать Митре, когда Ханра напал на царя. Значит, Нахат работает на Манью, так?

Елена покачала головой.

– Нахат – сообщник дэвов. Он – одна из точек доступа.

– Точка доступа? Как это? – не понял Зар.

– Слушай внимательно – узнаешь.

В этот момент невдалеке что-то зашуршало. Зар оглянулся. Ему вдруг показалось, что Митра где-то рядом. Явился своим традиционным способом и наблюдает за ними. Но никого поблизости не оказалось.

– Дед говорил тебе, откуда пришел Невидимый? Если хочешь, будем называть его Манью.

– Не помню. Митра говорил о договоре. А еще о магах. Они хотели предупредить царя Сурвана. По договору каждому из духов положено поедать людей. В течение трех тысяч лет. Так? Но Светлый...

– Оставь это, – перебила Елена. – Подумай лучше вот над чем. Армия царя Аурама сейчас в горах. Пока еще власть Аурама действительна, поскольку он старший сын убитого Сурвана и его прямой наследник, хотя Сурван и собирался разделить империю на Западную и Восточную Персии. Конечно, уже в самых дальних закоулках державы узнали о том, что случилось в Аншане. Наместники продолжают управлять провинциями. Но вскоре начнут вспыхивать восстания, которые перерастут в настоящие войны. Вот уже месяц, как войско Аурама готовится к битве. Что бы сейчас ни произошло в отдаленных точках Персии, Аурам и с места не сдвинется. Аурам делает то, что ему советует Митра. Их главная цель – Ханра. Дед утверждает, что у Ханры есть своя армия. Что она состоит из дэвов, которые пришли из разных земель по зову Манью. Они уверены, что Манью готовится к войне.

– Ты знаешь, у меня почему-то впечатление, что так оно и есть, – сказал Зар. – Чертов Манью пришел, чтобы завладеть миром. Он занял столицу. У него полный дворец привидений.

– Но зачем, по-твоему, ему армия? – спросила Елена. – Ведь он и в одиночку мог бы справиться со всеми армиями мира.

– Как зачем? Манью ведь не сможет слопать всех за раз. Ему понадобятся сильные воины, чтобы контролировать человечество.

– Примерно так же думает и дед, – кивнула Елена. – Я знала это еще до встречи с ним – по его старым записям, которые он оставил бабушке перед тем, как попал в заключение – еще там, в Советском Союзе. Дед мечтал стать костью, которая застрянет в глотке Манью. Он просто фанатично этого жаждал. Дэвы это как-то предвидели. Они сделали все в расчете на Митру.

– Как так?

– Он станет тем, кто разрушит точки доступа и выпустит в мир эту ужасную силу.

Тут Елена уставилась на Зара широко открытыми глазами, словно соображая, продолжать ли дальше.

– Говори же! – нетерпеливо потребовал он.

– Хорошо, – кивнула девушка. – Слушай. У меня есть куча подтверждений – исторических и мифологических – что Манью – вовсе не какое-то злое существо, пришедшее истребить наш мир. Манью – физическая сила, вроде атомной. Этой силой научились управлять дэвы. Издавна они боролись с людьми за право владения миром. Но по своей природе всегда уступали человеку. Их тела неустойчивы. Дэвам то и дело надо перевоплощаться. Именно поэтому они вынуждены идти на любые хитрости, чтобы догнать человека. Это все становится понятным из одного древнего текста – «Дамтат-наска», главы «Авесты», раньше считавшейся утраченной. Я отырла эту главу в

древнекитайском переводе. Этот перевод в корне отличается от известного среднеперсидского пересказа «Бундахишна».

– Ты хочешь сказать, что во всем этом деле рулит не та штука, которая порубала на кусочки народ в Ашнани, а группа монстров вроде Хеша?

– Именно так. Но то, что ты видел, – всего лишь что-то вроде демо-версии силы. Ее малая часть. Ханра – точка доступа. Он – «привратник». Через Ханру, словно через ворота, сила Манью смотрит в наш мир. Но одного Ханры мало. Нужна триада. Кроме Ханры есть еще две точки. Одна из них, как я уже говорила, Нахат. В этом я уверена. «Дамтат-наск» это подтверждает. Дэвы подготовили Нахата уже давно. Он был первым. Ханра – вторым. Вместе они, как две фазы трехфазного провода.

– А кто третий провод?

Елена вздохнула.

– Этого не знаю. Надо узнать. Причем, срочно! Если дед сожжет Ханру, Нахата и третьего «привратника», то сам превратится в проводника Манью. И тогда дэвы смогут с легкостью управлять человечеством. А если захотят, то уничтожат его полностью.

– Какого черта они все так запутали? Чего ради понадобилось делать ставку именно на царевича со жрецом? Не проще ли было найти трех бедняков, подключить к ним Манью, а потом всех разом укокошить?

– Нет. Чтобы уничтожить барьер, преграждающий проникновение силы в наш мир, точки доступа должны быть разрушены огнем Атара. Чтобы оставить след в истории и привлечь могучего мага, у которого хватит сил активизировать реакцию, дэвы и смоделировали эту ситуацию.

– Надо же! Выходит, сейчас твой дед – чуть ли не самый опасный человек в мире?! – Зар присвистнул.

– Я пыталась убедить его. Но он ведет себя так, словно в него самого дэв вселился. Он просто одержим идеей уничтожить Невидимого. Никакие аргументы теперь не в силах его остановить. Все, что я говорю, он считает несерьезным, а перевод «Дамтат-наска» называет подделкой. Поэтому остается один выход: выкрасть и спрятать одну из точек доступа, а если это невозможно – ликвидировать ее.

– По-твоему, это сработает?

– Не знаю.

– И ты ушла от деда, всерьез веря в то, что можешь сама одолеть Ханру?

– Я надеялась, что моих сил хватит, чтобы как-нибудь справиться с Нахатом, – сказала Елена, слегка покраснев. – А если дэвы его охраняют, то, может, удастся разыскать третьего. Но... Теперь, когда я сбежала, дед занервничает. Мой побег может спровоцировать его.

– Блин, даже нет времени подумать, – заметил Зар. – Как ты вообще до всего этого докопалась?

– Работа у меня такая. Я историк. Это семейное... Впервые дедовы записки попались мне в тринадцать лет. С них-то все и началось. Когда я прочла их и вникла в теорию, то буквально заболела историей. Принялась штудировать книги, что остались от деда. Одну за другой глотала. Позже увлеклась мифологией и философией... Изучала артефакты. Чем больше углубляешься, тем сильнее сходишь с ума. Понимаешь, Зар, половина из того, о чем пишут в книгах – вранье. Вскоре вся традиционная история показалась мне несерьезной. Я начала искать новые знания, пока не наткнулась на эту утраченную главу.

– Да-а... Ну, и дела! – вздохнул Зар. – И как мы, интересно, узнаем, кто такой этот третий «привратник»?

– Понятия не имею. «Дамтат-наск» об это почти ничего не говорит. Есть только один туманный намек. Дословно там сказано так: «Провидящий из троих младше и несущий дальше. Сам себе боль принесет. Умерев – воскреснет, запоет». Эти слова говорят о многом и вместе с тем не говорят ни о чем. Их можно к каждому применить. Но

может статься, что когда Аурам выставит войско во главе с дедом и другими магами, все трое – и Ханра, и Нахат, и эта загадочная персона инкогнито – выйдут им навстречу, чтобы сгореть в огне Атара. Все трое станут на пути огня.

– Нет, этого нельзя допустить, – твердо сказал Зар.

18

Он взобрался на крупный валун и осмотрелся. После дождя равнина сияла изумрудным блеском. До Восточной дороги было около трех километров. Тропа к ней пролежала сначала на север, большей частью по склону, иногда огибая отроги и вдалеке спускаясь к равнине. В другую сторону – на юг – тропы не было. Там начиналась низина. Трава в ней росла гуще и выше, местами были участки, поросшие тростником. Примерно в полукилометре от того места, где они сейчас с Еленой находились, в зарослях поблескивала вода.

– Должно быть, там ручей, – сказал Зар, указывая на заросли.

Спрыгнув, он предложил Елене опереться на его локоть. Девушка стиснула зубы и безропотно поднялась, и они медленно двинулись вдоль скал.

Напитанная влагой почва местами вязла под ногами. То и дело вспархивали и тяжело разлетались в стороны крупные насекомые.

Елена шла, сильно прихрамывая. Видно было, что каждый шаг причиняет ей страдания. Все же она не проронила ни звука и всю дорогу, стиснув зубы, терпела.

Зар, мысленно ругая себя за свой дурно пахнущий, перепачканный глиной и пеплом хитон, придерживал Елену за талию и локоть, ощущая под тонким полотном живое девичье тепло.

Им попалась змея, гревшаяся на плоском желтом камне. Елена не вскрикнула, а лишь сильнее прижалась к Зару. Змея скользнула по камню и беззвучно исчезла в траве.

Теперь они шли по самой границе тени, отбрасываемой скалами. Солнце любопытно выглядывало из-за их зубчатых вершин, – оно выползало поглядеть: что за ктавасия призошла ночью в этом проклятом месте.

Дойдя до зарослей, они обнаружили болотце. Трава здесь была чуть ли не по пояс, но кое-где ее вытоптали животные. Влажные берега были покрыты многочисленными следами.

Свернув к склону, они вскоре наткнулись на крошечный водоем с чистой водой. Водоем был окружен камнями, скатившимися со скал. Чуть выше отыскался родник. Он слабо бил из-под камня и, стекая, превращался в узкий, беззвучный ручеек.

Напившись воды, они присели неподалеку на мягкую, влажную траву.

Рассказ Елены не казался ему настолько убедительным, чтоб бежать в Аншан, сломя голову, в поисках таинственной «третьей точки». Победить Ханру каким-нибудь другим способом кроме огня было тоже маловероятно. Но дефицит времени заставлял принять решение немедленно.

Итак, троих надо убить. До того как их не убрал Митра – своим адским огнем. Кстати, тем самым оружием, которое и в твоём скудном арсенале является главным.

В версии Елены есть здоровое зерно. По крайней мере, теперь Зар видел какое-то объяснение своему пребыванию на этой земле, а действия дэвов и Ханры, насылающего смерчи, перестали казаться бестолковыми. Точки доступа, сила Манью... Конечно, Елена могла что-то перепутать в переводе. Но что, если все так и есть? Тогда, черт возьми, надо торопиться!

Только с чего же начать-то? Логика подсказывала, что прежде всего необходимо найти надежное место, где можно спрятать Елену. Куда ее, хромого-то? Более подходящее убежище, чем то, в котором Зар провел последние недели, на ум не приходило. Навести там порядок – пара пустяков. Есть кров и очаг. Быт налажен. Можно

даже привести из Аншана другую пеструху, хоть молоко у коров уже, наверняка, перегорело и не доится. Но разве все это изгонит мерзкий, подлый дух, которым пропитались камни, земля и воздух того места? И как предложить девушке постель, которая еще недавно кишела скорпионами? Нет. Место следует выбрать другое. Подальше отсюда и понадежнее. Что, если Аурам со своим войском нагрянет? Настоящая война здесь разрастется. Поэтому убежище хорошо бы где-нибудь в скалах устроить. А уж после того, как он отведет туда Елену, можно будет и делом заняться.

Видно, догадавшись, о чем он думает, девушка сказала:

– Отек, наверное, скоро спадет. Я смогу дойти до Аншана.

– Может, и дойдешь, – отозвался Зар. – Только воин из тебя все равно будет никакой.

– Неправда! – сердито воскликнула она и тут же добавила: – Я что-нибудь придумаю!

– Придумаешь, как же, – кивнул Зар. – Пересядешь в инвалидную коляску. Возьмешь в руки копье – и в наступление.

Елена обиженно насупилась. Взявшись руками за колено, стала осторожно поглаживать.

Зар недолго поразглядывал изящные мазки ее бровей, затем оглядел прилегающие склоны, состоявшие из уплотнившихся от времени осыпей, там и сям утыканных камнями. Ручей рядом – это, конечно, хорошо, а вот само место не слишком для жилья удобное. Тут как на ладони.

– Значит, ты считаешь, что этот злобный тип, Нахат, враг народа, подлец и негодяй, не ушел вместе с другими из города? – уточнил Зар.

– Его не было с нами, – буркнула девушка. – Из рассказов деда я знаю, что он всегда делал ставку на Ханра, а Ханра в свою очередь покровительствовал ему. Ты что, до сих пор сомневаешься в том, что я рассказала?

– Не в том дело. Просто пытаюсь мысли систематизировать, – раздумчиво ответил он.

Стало быть, либо Нахат погиб, либо прячется где-нибудь во дворце, – подытожил Зар. Если жрец сейчас в Аншане, то вполне резонно, что он где-нибудь рядом с Ханрой.

– По идее вот как, – продолжил он вслух. – Дэвы должны Ханру со жрецом недалеко друг от друга держать. Раз уж они так хотят, чтобы Митра одолел Ханру, а заодно и жреца поджарил, то их для Митриного удобства рядышком поставят, когда он придет их убивать. Ну, на линию огня то есть. То же касается и того, кого ты третьей точкой обзываешь. «Привратник», да? Он, этот самый «привратник», сейчас вместе с ними должен быть. Если хотим его найти, надо во дворец, к Ханре. Я правильно рассуждаю?

– Чтобы до этого додуматься, особого ума не надо, – сказала Елена, откидывая со лба упавшую прядь. – Если все три точки собраны, они вместе. Ну а если нет?.. Если третья точка еще не готова?

– Не знаю... – Зар задумался. – Война-то уже началась. Если даже точки эти еще и не в полном комплекте, то недостающая где-то на подходе должна быть. По любому, наша цель – дворец. А уж там по месту как-нибудь придется сориентироваться...

– Сначала оружие надо выбрать, – предупредила Елена.

– Насчет этого не переживай. Оружие есть. – Зар вытянул правую руку. Посреди ладони вспыхнул огонек.

От неожиданности Елена шарахнулась в сторону.

– Нет! – взвизгнула она. – Откуда?..

– Ты чего? – не понял Зар. – Дед не говорил что ли? Он меня сам этому фокусу научил. Ну, еще там, в камере...

– Нельзя! – Елена завопила так неистово, словно Зар собирался выпить яду. – Это – огонь Атара! Ты не можешь его использовать! Забудь вообще, что он у тебя есть! Или лучше совсем уходи отсюда! Уходи! Спрячься где-нибудь в горах!

Щеки ее покраснелись. Глаза расширились от внезапного гнева.

– Черта с два! – фыркнул Зар дружелюбно. – Сговорились вы с Митрой в горах меня прятать. Не собираюсь я никуда уходить.

– Если у тебя огонь Атара, дэвы узнают об этом! – не унималась Елена.

– Да они и так знают, – пожал плечами Зар. – Да что там знают? Мы с ними тут уже месяц в игры играем, в гости друг к другу навещаемся. Кстати, они сами организовали для меня что-то вроде курсов усовершенствования. Понимаешь? Чтоб я потренироваться мог. Правда, это я только теперь понял. Раньше я считал, что все это Манью устроил...

Тут только до него дошло окончательно, какую шутку с ним сыграли подлые дэвы. На случай, если Митра передумает драться или раскусит их намерения, нужен другой «проводник».

«Да ведь ты же запасной вариант!» – сказал он мысленно.

– Расскажи, как это было? – потребовала Елена.

– Что? Курсы? – Зар поскреб затылок. – Да обыкновенно... Голос во сне слышал. Пару раз. Думал, это Ханра со мной болтает. Или Манью. В одном лице. Я считал – оно агитирует. Оно и в самом деле говорило мне, чтоб я на его сторону перешел. Чтоб Митру, деда твоего, грохнул.

Он вспомнил, что во сне полностью был послушен голосу, но решил об этом не распространяться.

– Митрин голос тоже иногда прорывался, – продолжал Зар. – Старик настаивал, чтоб я воевал против Ханры. Если честно, на самом деле я думал, что и те, и другие просто меня вербуют, и мне плевать было на них. Я хотел выжить и назад вернуться. А сегодня был дурацкий сон. Мне оно... как его там... Ханра-Манью – угрожало.

– Дэвы тебя провоцировали, – пояснила Елена. – Они не вербовали тебя, а просто обрабатывали. Дэвы хотели, чтобы ты решил, будто тебя вербуют. Теперь ты тоже в этой игре, понимаешь? Думаю, ты опасен почти так же, как дед.

– Ладно тебе, – усмехнулся Зар. – Во-первых, мне до твоего деда далеко вато еще. Я ведь еще толком ни черта не умею. Он сорок лет учился, а я – месяц. Если я и опасен, то больше сам для себя. – Он хохотнул. – Во-вторых, если меня и пытались во что-то втянуть, то лишь как запасной вариант, на всякий пожарный... В резервную группу. Что-то вроде того.

– Пойми же, наконец! – Елена схватила его за руку и ткнула пальцем в ладонь. – У тебя здесь – огонь Атара! Самый настоящий! Это ключ к гибели всего человечества. Понимаешь?!

Она уставилась на Зара широко раскрытыми, горящими глазами.

– Уходи сейчас же! – внезапно процедила она.

И уйду, – чуть не вырвалось у Зара, но в последний момент он все же взял себя в руки.

– Да не переживай ты, – буркнул он. – Раз нельзя огонь – то нельзя.

Он встал, молча походил вдоль водоема. Искоса лянул на Елену. Девушка не сводила с него глаз, – она буквально сверлила его взглядом, сощуриив черные цыганские глаза.

Тьфу ты! Что за девка! Чуть что, сразу в нападение. Спокойно поговорить не может, что ли?.. Сама же виновата, что колено ушибла. Теперь вот такая раздраженная. Зачем было убежать-то? Ведь он же с ней по-человечески говорил, понять пытался. А она как кошка дикая. Только и умеет, что кусаться и царапаться. Ну, невозможно разговор так вести. Просто истеричка какая-то. При этом еще всерьез уверилась, что сама сможет что-то решить. Сдурела, что ли? Куда она с такой ногой доковыляет?

Сейчас Елена напоминала ему маленького хищного зверька, который пытается своим видом отпугнуть бредущее мимо крупное животное.

Ладно. Дела серьезные. Сейчас не до обид и тем более не до выяснения отношений.

Подойдя к Елене, он решительно сказал:

– Вот как поступим. В четырех километрах отсюда у меня жилье устроено. Я должен наведаться туда, кое-что взять. – Зар думал о мече, который был наточен и лежал, спрятанный в камнях. – Ты подождешь здесь, Елена. Не волнуйся, я недолго. Бегом туда и обратно. Я по этой равнине каждый день мотаюсь. По утрам. В общем, это не больше часа займет. Только вот сперва костюм простирну. Покуда туда-сюда, он как раз и высохнет. Но сперва помогу тебе перебраться в другое место. Видишь, тут у зверюшек водопой. Черт его знает, что за зверюшки сюда ходят. Вон тот след, например, не очень мне нравится. – Он ткнул пальцем в ямку, в которой свободно поместилась бы его ладонь с растопыренными пальцами. – Поэтому давай-ка ты пересидишь вон там, на склоне. Когда вернусь, начнем то, что задумано.

Сосредоточенно обдумывая его слова, Елена поглаживала больное колено. Прошла минута или две.

– Обещаю, что не применю огонь против Ханры или Нахата, – сказал Зар. – Только ты по моем возвращении растолкуешь мне получше, что там, в той утерянной главе написано. Идет?

– Хорошо, – сказала Елена. – Я подожду. Куда идти?

Зар высмотрел метрах на склоне горизонтальную желтоватую плиту, торчащую в виде выступа, и указал на нее.

– Там безопасно. К тому же сможешь, пока меня не будет, наслаждаться видами Аншана и равнины.

Елена с его помощью поднялась. Опершись на плечо Зара, поковыляла за ним к склону. Когда начался подъем, она не выдержала и застонала.

Наклонившись, Зар быстро приподнял край ее рубахи. Колено распухло еще больше, стало сине-багровым. Кожа на нем была растянута и блестела.

– А ну-ка, хватайся за шею! – сказал Зар. Осторожно подняв девушку, он понес ее вверх по склону. Стараясь не задеть колено, держал Елену чуть ли не на вытянутых руках. Девушка обессилена охватила его шею и закрыла глаза.

Стараясь не съехать с влажного склона, он шел не спеша, ощупывая при каждом шаге глинисто-каменистую поверхность.

Наконец, добравшись до плиты, Зар помог девушке устроиться, предварительно убедившись, что плита не качается.

– Выпрями ногу, – посоветовал он. – Попробуй подремать. Я постараюсь как можно быстрее.

Не тратя ни секунды, он сбегал вниз, скинул хитон, швырнул его в водоем. Затем запрыгнул туда сам.

Вмиг по телу прокатилась волна бодрости. Зар резко нырнул с головой, выскочил по пояс, быстро растерся и принялся стирать свое отяжелевшее одеяние. Кое-как его выполоскав, закинул на плечо, стащил под водой трусы, простирнул и их, вновь натянул и, стараясь не вымазаться в глине, выбрался наверх.

Через несколько минут он уже бежал по равнине, а мокрый хитон его остался сохнуть на ветвях кустарника, растущего близ водоема.

Несколько раз он замедлял движение и оборачивался. Елена сидела на плите, смотрела вслед. Увидев, что он оглядывается, махала рукой. Затем улеглась.

Пускай отдохнет, подумал Зар. Он отодвинул в сторону мысли и сосредоточился на дыхании.

Когда проносился мимо того самого завала, через который неудачно перебралась Елена, боковым зрением он уловил, что кто-то сидит на одном из валунов.

Зар резко повернулся, но никого не увидел. Пришлось потратить пару минут – взбираться наверх, но и по ту сторону завала никого не оказалось.

Зар выругался, жалея о потерянном времени, прыгнул и побежал дальше. Спустя несколько секунд он восстановил прежний ритм бега.

На ум пришел странный сон, в котором Ханра молот угрозы насчет брательника. К чему бы имя такое приснилось – Коля? Эх, мать по символическим снам специалист, она бы растолковала...

Солнце поднималось все выше. Тень, отбрасываемая скалами, отступала. Почва под ногами вязла уже не так сильно, а местами совсем просохла.

Зар выбежал на тропу, плавно поднимающуюся вверх. Не сбавляя темпа, он понесся по склону. Озаренная солнцем равнина казалась приветливой и живописной, и с трудом верилось, что еще несколько часов назад она была погружена в непроглядный мрак, и над ней носился зловещий вой сотен и тысяч хищных тварей. Зар вглядывался в храмовые постройки на краю Аншана, но отсюда невозможно было разглядеть то место, где ночью произошла битва.

Через пятнадцать минут он подбежал к своему бывшему убежищу.

Кровь на растерзанной туше Пеструхи потемнела. Тучи мух роились над зияющей полостью в туловище, над вываленными внутренностями. Зар побрезговал зайти под навес, где на полках стоял глиняный горшок с отжатым творогом, который мог бы еще оказаться не совсем перекишим, и другой горшок – с простоквашей.

Он подошел к очагу. На нем стояла кастрюля с рисово-овощным супом. Взяв миску, Зар налил себе этого варева и стал с аппетитом хлебать, давась, шумно хватая воздух из-за не восстановившегося еще дыхания, – ждать, когда оно восстановится, было некогда. Быстро расправившись с супом, он налил немного добавки, съел и ее. Затем взял глубокий горшок с крышкой, наполнил варевом, стараясь набирать погуще, закрыл и укутал в один из мешков, заткнутых в расщелину скалы. После этого сходил к тайнику и, раскидав камни, извлек меч. Сразу представился пожилой толстяк в хитоне и высоком головном уборе вроде того, в каких были Митра и Сраош при первой встрече. Этот толстяк смотрел умоляюще, просил пощады, но Зар хладнокровно проткнул воображаемого жреца мечом. Затем сделал это еще раз. И еще.

Вернувшись к очагу, он подобрал завтрак для Елены и, спустившись к тропе, пошagal в обратном направлении.

Временами он ускорял шаг и даже переходил на бег, но тяжелый клинок затруднял движение, а сквозь мешковину начинала проступать жижа. Тогда он снова сбавлял скорость, но шел так быстро как мог.

Прошло не больше пятидесяти минут с момента расставания с Еленой, когда он приблизился к насыпи. Отсюда уже было хорошо видно плиту, на которой он оставил Елену, но девушки на ней не было. Она могла лечь на другой край. Чтобы проверить это, надо было добраться до того места, но неприятное предчувствие защемило внутри.

Зар глянул по сторонам: может, перебралась куда-нибудь? Да только нигде ее не было видно. Он снова побежал, заворачивая по склону вверх, опираясь на меч, уже не заботясь о супе, который сочился из мешка, капая на землю. Да к черту суп! Добежав до плиты, Зар с размаху шмякнул об нее горшком, и он с глухим стуком раскололся.

Елена ушла. Это казалось непостижимым. Зар осмотрел равнину. Отсюда до самых крайних домов пригорода Аншана полчаса быстрой ходьбы. Но скорость, с которой могла бы двигаться Елена, в несколько раз меньше, чем при самой медленной прогулке.

Может, она забралась повыше? Однако склон всюду только загибался вверх, местами переходя почти в отвесную скалу. Выходит, отсюда путь либо обратно, в ущелье, а оттуда на плато, о котором говорил Митра, либо на равнину, где тоже три направления – на север, на юг и в Аншан. Поверить в то, что Елена пошла на север, Зар не мог: туда даже тропы не вели. Если бы Елена двинула на юг, они бы обязательно встретились. Стало быть, она отправилась назад или каким-то образом смогла заставить ногу гнуться,

преодолела боль и пошла в Аншан. Если Елена все же решила вернуться, ей придется туго. Старик говорил, до места стоянки армии километров тридцать. Как бы там ни было, Зар не собирался тратить время на поиски строптивой девчонки. У нее есть дед – великий и могучий маг, пусть сам и заботится о ней.

Пнув ногой мешок с осколками, Зар вприпрыжку побежал вниз.

Хитон был еще влажен, но постиранный выглядел гораздо привлекательнее. Освежившись еще разок в водоеме, Зар обсох и натянул его, немного пахнувший тиной и травой. Подобрав меч, он пошагал к Аншану.

То, что девчонка строптива, вовсе не значило, что она не права. Может ее версия и не стопроцентно верна, но многие моменты казались Зару правильными и понятными. Жаль, не успел побольше выспросить о той утерянной главе, больше на слово поверил. Что он знает, например, о том же жреце Нахате. Ну, ругают его все, что, мол, нехороший человек. А что к чему – неясно. Верно ли, что его подлецы-дэвы обработали так, что теперь стоит его поджарить в огне, как через его тело в мир вторгнется ужасный Манью, опутает все человечество невидимой сетью и поставит на колени перед дэвами? Если это так, имеется ли способ подтвердить это?

Как добраться до Нахата, не попадаясь на глаза Ханре? Яростному, непобедимому и невменяемому Ханре, против которого этот меч – пушинка.

Как удержаться от использования огня. В безысходной ситуации, когда поражение будет неминуемым, ты сделаешь это рефлекторно. Досадно, что старик не успел передать тебе свое учение.

Надо придумать план операции. Надо пробраться во дворец. Надо найти все три «точки» и обезвредить их, оттранспортировать в безопасное место...

Да нет, чушь это. Весь Аншан во власти дэвов. Стоит пройти по его улицам, как злобные дэвы тебя сразу заприметят, все узнают о твоих планах, заглянут в душу, прочитают мысли.

Но, поскольку все равно здравые идеи в голову не приходили, Зар шел, не сбавляя шаг, держа курс на Восточное Поселение.

Время от времени он взмахивал мечом, повторяя семь базовых субури, разрубая пополам воображаемого Нахата.

Ситуация была неясной, а дальнейшие события столь непредсказуемыми, что вопрос вины Нахата и его причастности к этому делу стоял далеко не на первом месте. И все же, несмотря на то, что на кону судьба большого числа людей, а может даже всего человечества, рубить с плеча каждого подозреваемого Зар не собирался. Если будет возможность, надо попытаться выкрасть Нахата. И только, если не окажется другого выхода, его придется убить.

Зар не стал идти к дороге – шел напрямик.

Местами попадались неглубокие низины, заросшие высокой травой; Зар обходил их по выходящим на поверхность земли каменным плитам. Воздух над равниной висел густой и влажный. Ветра не было. То там, то здесь, распластавшись на желтых камнях, грелись на солнце, ящерки – зеленые, темно-серые и янтарные. Они не бросались наутек, а провожали Зара косыми, немигающими взглядами.

С неба донесся клекот. Зар на ходу задрал голову, глянул вверх.

Высоко в небе парил орел. Он что-то выслеживал в равнине. Может, выискивал суслика или куропатку, а может, присматривал за странным одиноким путником, с медным клинком в руках шагающим к городу, захваченному чудовищами.

В принципе, любое учение – это раздутый опыт, думал Зар, входя в деревянные восточные ворота Аншана. Ведь то, чему не успел его научить старик, тоже когда-то кем-

то было получено из опыта. Да многие ли на земле умеют огнем управлять? Вряд ли. Если верить Елене, дэвы специально старика из будущего переманили, потому что в этом времени не нашлось никого равного ему.

Значит, можно допустить, что в основном Митра до всего дошел сам. А ты чем хуже? Ты ведь тоже имеешь такую способность. И кой-какой опыт есть.

Что из этого следует? А то, что дэвы захотят тобой, как проводником (по Елениной версии), воспользоваться, поскольку все, о чем ты только что подумал, знают не хуже тебя.

Захотят или не захотят? Как это все может выглядеть? Что-то вроде игры в поддавки? Ну, положим, войдешь ты во дворец, а тут все трое – Ханра, Нахат и третий – навстречу тебе выйдут и станут над тобой глумиться, на огонь нарываться, раззадоривать, да так остервенело, что ты не выдержишь и выпалишь по ним весь свой огненный запас. И тогда начнется...

Почему-то не особо верилось в такой вот примитивный расклад. Чутье говорило, что все как-то иначе произойдет. Не будет ни изгаляющегося Ханры, ни потешающегося Нахата. Будет что-то другое. Ловушка, например. Да такая на этот раз, что хрен выберешься – похлеще того ремешка. Дэвы предложат тебе такую игру, в которой заведомо займут позицию победителей. Ты сам не заметишь, как они обведут тебя вокруг пальца.

Ладно, хоть ломай голову, хоть не ломай, а все равно судьбу не перехитришь. Хитрость – не то единоборство, в котором тебе с дэвами состязаться. У тебя есть меч – голова с плеч да огонь, который только на крайний случай и только не против этих троих камикадзе.

Зар вышел на освещенную ярким солнцем квадратную площадь перед зданием караула, пересек ее по диагонали.

Он не сомневался, что во дворце сейчас боевая готовность номер один. Может, внешне все выглядит не так серьезно, как это бывало в пожарной части, когда звучал сигнал, не столько шуму и беготни, но уж наверняка обитатели дворца знают (в отличие от тебя), кто, что и зачем будет делать.

Зар прошел по переулку и свернул налево. Видимая часть дороги была пуста. Кое-где валялись брошенные предметы домашнего хозяйства, какие-то тряпки – грязные, прибитые дождем. Тут бежала толпа, в ужасе покидая Аншан.

Дорога сворачивала, плавно поднимаясь вверх. Вскоре из-за желтоватой глинобитной пристройки, выпяченной за общую линию домов, выглянула первая спираль из разлагающихся тел. В ней ковырялись несколько жирных ворон.

Зар прошел еще десяток шагов. Тут ветер подул в его сторону, и он почувствовал невыносимый смрад.

Проклятье! Разлагающаяся плоть, увлажненная дождем, разогретая горячим солнцем, источала смертоносный дух. Что делать? Возвращаться назад? Искать другую дорогу? Нет смысла. Тут всюду одно и то же.

Он согнул руку в локте и уткнулся в нее носом. Дышать было трудно, но запах притупился. Ускорив шаг, Зар двинулся к куче. Вороны взлетели.

Между краем спирали и стеной дома была узкая полоска чистой дороги. По мере приближения Зар слышал нарастающий гул. Это были мухи. В отличие от ворон они не испугались его приближения.

Обходя спираль, он прижался к стене, чтобы ненароком не влезть босой ногой в бурое гниющее месиво. С отвращением покосился. Руки, головы и другие части тела были изувечены клювами, изъедены червями и тлением.

Отвернувшись, Зар прошел мимо. Отойдя на несколько десятков шагов, опустил руку, стряхнул с себя жуткое впечатление.

Выйдя к дворцовой стене, Зар побрел вдоль нее, поглядывая по сторонам. Начало припекать, и он свернул в тень. Теперь он впервые обратил внимание, что здания

на противоположной стороне улицы выше и старше остальных в городе. Видно, их построили первыми в те времена, когда начали воздвигать сооружения и стены дворца. Под крышами зияли круглые дыры. Зар всматривался: не наблюдает ли кто оттуда, но никого не заметил.

Дойдя до полуоткрытых ворот, он остановился и прислушался. Со двора не доносилось никаких звуков. Ему представилось, что дэвы во главе с Ханрой-непобедимым в молчании стоят на ступенях дворца и ожидают его. Но когда Зар осторожно выглянул из-за ворот, то увидел, что площадь пуста, и на широкой лестнице главного здания никого нет. Опустив меч клинком вниз, прижав рукоять к плечу, Зар рысью помчался через площадь, над которой висел горячий воздух. Он бежал к лестнице. С разбегу заскочил на ступени и, лишь добежав до середины, перешел на шаг. Взойдя на нижнюю террасу зиккурата, бросился к стене рядом со входом, прижался к ней спиной. Быстро, но детально изучил площадь. Никакого движения.

Успокоив дыхание, Зар прислушался к тишине в помещении дворца. Вспомнился лютый холод, наполнявший залу той зловещей ночью, а еще хохот призраков и змеящееся пространство. Стало до того тошнотно, что захотелось бежать куда подальше. Зар стиснул зубы и, оттолкнувшись от стены, шагнул к входу.

Сразу же стало прохладно, но это была обычная летняя прохлада каменного здания. Воздух всего на несколько градусов ниже, чем на улице, и немного суше. Зала была сумрачна и безлюдна. Рельеф на колоннах не двигался, и призраки не являлись из ниоткуда со своими истерическими воплями вроде «Держи вора». Ничто не говорило о присутствии нечистой силы.

Быстрым шагом он обошел просторное помещение. В нем было три двери, ведущие вглубь здания. У одной из стен стояли два огромных дивана, длинный, низенький столик. Другую стену прорезали три окна-щели. Свет из них падал наискосок на пустой бассейн. В одном из углов лежал толстый ковер, на нем несколько подушек. Изучать помещение подробнее не имело смысла. Зар вошел в одну из дверей и оказался в темном коридоре. Тут же стукнулся о какой-то кронштейн, шепотом выругался, наклонил голову, двинулся на ощупь, не спеша. Слабо ощущался сквозняк. Наверняка, в пору пребывания тут царя коридоры освещены факелами или какими-нибудь масляными лампами. Зажигать свой огонь Зар не решался. Если уж он так опасен, лучше держать его как можно глубже. По крайней мере, до поры, до времени.

Наткнувшись на стену, Зар свернул налево. Впереди, в нескольких шагах, был еще поворот – слабо освещенный. Дойдя до него, Зар повернулся и увидел маленькое окошко в конце коридора. Падающий свет рассеивался и слабо обозначал контуры двух низких дверей. Подойдя к первой из них, он прислонил ухо. Звуков не было. Зар толкнул дверь. Та поддалась и с омерзительным скрипом раскрылась. За дверью оказалось подсобное помещение. Здесь было достаточно светло, – свет поступал из арочного прохода и ряда круглых отверстий под потолком. Пахло давно перебродившей едой. Войдя, Зар обнаружил подносы, стоявшие на широкой полке, пристроенной к стене. На подносах громоздилось что-то темное, испорченное временем и насекомыми. Пройдя мимо, Зар проник через проход в широкий, короткий коридор, заканчивающийся открытым выходом в задний двор. Выйдя на ступени, он увидел ряд одноэтажных построек, за которым возвышалась стена. Что там может быть? Склады, кухня, какие-нибудь хозяйственные помещения, жилье для рабов и слуг... Вернувшись тем же путем в узкий, темный коридор, Зар подошел к следующей двери. Открыл ее и остоленел от неожиданности.

Комнату наполнял яркий солнечный свет. За привычным, почти стандартным, деревянным кухонным столом сидели двое. Справа – Сраош, слева – облаченный в черный хитон тучный рыжеволосый незнакомец с невероятно пухлым, румяным лицом.

Как только дверь стала открываться, незнакомец повернулся в направлении входящего. Несмотря на упитанность, он сделал это с такой проворностью, что на лице

его всколыхнулся подкожный жир, – Зар успел подметить эту малосимпатичную деталь. От резкого движения содрогнулся стол, брякнула стоящая на нем посуда. Уставившись на Зара, толстяк втянул голову в плечи, шея его исчезла, и он стал похож на гигантскую жабу.

Сраош – или тот, кто чрезвычайно походил на него (после встречи с лже-Еленой Зар стал подозрительным) – тоже повернулся, но запоздало. Его лицо было мертвенно-бледным. Глаза запали и смотрели отрешенно. На губах блуждала улыбка, из-за которой подрагивали кончики усов.

Странный вид восставшего из мертвых приятеля поразил Зара до такой степени, что вместо приветствия он тихо пробормотал:

– Ни хрена себе!

Похоже, Сраош, наконец, узнал Зара.

– Фхады сюда... – произнес он заплетающимся языком. Его сотрапезник чуть заметно кивнул, как бы присоединяясь к приглашению.

За спиной Сраоша была открытая дверь. В ее проеме виднелся кусок террасы с периллами.

Мелькнуло сразу три мысли: Сраоша превратили в безмозглого зомби; странно, что эти двое свободно трапезничают во дворце; и – что там, за дверью?

Сраош попытался еще что-то выдавить из себя, но не смог. Отвернувшись, он ссутулился, сложил обе руки перед собой на столе и потупил взгляд. Кончики его усов однако остались приподняты в окаменевшей улыбке.

Его сотрапезник продолжал таращиться на Зара маленькими, бесцветными, ничего не выражающими глазками.

Сигнал: опасность, – тут же предупредил себя Зар, – дэвы уже играют с тобой.

На всякий случай он крепче сжал рукоять меча. Стараясь выглядеть миролюбивым, кивнул толстяку и шагнул в помещение.

– Приветствую! – бодро проговорил Зар на аншанском.

Боковым зрением оценил пространство справа и слева. Кроме Сраоша и рыжего толстяка никого не было.

Левой рукой Зар прикрыл за собой дверь.

(ПОМНИ: ДЭВЫ С ТОБОЙ ИГРАЮТ.)

Теперь надо обойти со спины того, что похож на Сраоша, и выглянуть на террасу: в любую секунду можно ожидать атаку.

Толстяк заскрипел табуретом, и Зар напрягся, готовясь отбить удар, но незнакомец лишь переменял позу. Теперь он сидел, полностью развернувшись к Зару. Хитон, покрытый разноцветными рисунками, был перепачкан и изодран на груди. Между широко расставленных колен свешивалось огромное пузо. Левой рукой незнакомец упирался в столешницу, правой – в бедро, походившее толщиной на ствол спиленного дерева. Волосы на крупном черепе были редки и всклокочены. Незнакомец пошевелил пухлыми красными губами, увенчанными кудлатой бородой, словно хотел заговорить, но так ничего и не сказал. Вместо этого его губы искривились в отвратительной ухмылке.

Зару почему-то стало совершенно ясно, что толстяк заранее знал о его приходе. Вполне возможно, что и само застолье было организовано именно для него. Значит, игра уже началась? Чего же они ждут? Твоих действий?

Молчание затягивалось и настораживало. Надо было чем-то заполнить паузу.

– Я был в городе, – с трудом припоминая аншанские слова, выговорил Зар. – Вот, зашел посмотреть, есть ли живые. Как здоровье, Сраош?

Тот, что был похож на Сраоша, по-прежнему сидел с идиотской, как у вновь обращенного сектанта, улыбкой и бессмысленно пялился на свои руки. Он ничего не ответил.

Какой же у тебя нездоровый вид, приятель, – хотел сказать Зар, но удержался. Разыгрывать из себя наивного придурка не было надобности. еще немного – и, если это в

самом деле дэвы, то они сами себя непременно выдадут. Парень, похожий на Сраоша, запросто может оказаться маленьким уродцем Хешем. А может статься, что Хеш прячется в этом ухмыляющемся борове?

– Садись, гость! – неожиданно предложил толстяк.

Голос у него был высокий, как у женщины, но какой-то механический. Единственной его характерной интонацией была преувеличенная любезность. Таким голосом в метро сообщают названия очередных станций. Этот тон никак не вязался с мерзкой ухмылкой.

(Так говорит человек, управляемый дэвами.)

– Беда миновала, – вежливо сообщил толстяк. – Мы празднуем.

Слова эти прозвучали до крайности малоубедительно, как и тон, которым произносились. Если на них и возможно было как-то реагировать, то только внешне. Зар не придавал значения ни единому слову, сочтя их полнейшим бредом, но на всякий случай неопределенно хмыкнул.

Толстяк указал на свободный табурет. Зар кивнул, но, прежде чем сесть, обошел Сраоша, выглянул на террасу. Может, толстый незнакомец сочтет этот жест неучтивым, – плевать. На первом месте безопасность.

Терраса была широкой и простиралась до конца стены. Слева ее ограничивал каменный парапет, справа в стене зиял проем. Никого на террасе не было.

Зар вернулся к столу, отодвинул табурет ногой и присел, уперев меч в каменную плиту.

От всего вокруг веяло неправильностью и духом зараженного Аншана. Пустые залы. Застарелый, нежилой запах. Тишина. Унылые сквозняки. И тут это скучное, какое-то несурзкое застолье.

– Ешь-пей, гость, – предложил толстяк и тут же неестественно быстро развернулся к столу. Он пододвинул к Зару глиняную чашу, плеснул из кувшина красно-бурой жидкости. Зар обратил внимание, что фалды его рукавов обшиты золотом и украшены драгоценными камнями.

Пора брать инициативу в свои руки. Решительно вздохнув, Зар спросил:

– Что с ним? – Он кивнул на Сраоша. – Почему сам на себя не похож?

Вытянутая рука застыла. Зар смог внимательно рассмотреть крупный рубин, обрамленный несколькими поменьше. Кто в Аншане может носить такие роскошные наряды? Уж не царский ли жрец?

Думая над ответом, толстяк смотрел стеклянным взглядом в никуда. Наконец он поставил кувшин на место.

– Не обращай внимания, гость, – сказал он. – Твой друг немного устал. Была битва, и мы победили. Празднуй с нами.

Зару даже показалось, что в конце этой тирады послышался щелчок, – словно выключилась запись, но это, конечно, было только игрой воображения.

– Какая еще битва? – спросил Зар, отодвигая чашу.

– Большая битва, – подтвердил толстяк. Налив себе до краев, он стал пить. Вино забулькало в горле.

Тянут время, – смутно осознал Зар. Он почти не сомневался, что подозрительный толстяк – никто иной, как Нахат. Одна из «трех точек». Та самая, которую он должен уничтожить. Вернее – нейтрализовать. Попросту – заколоть мечом. И это можно сделать прямо сейчас, особо не утруждаясь и даже не вставая с табурета. Всего лишь одно движение – и человечество спасено. Неужто так просто? Зар мысленно сопоставил суммарную длину собственной руки и клинка с расстоянием от своего плеча до головы жреца.

(PPPA333!..)

Сердце забилося чаще, а разум тут же пронзила игла сомнения: разве дэвы могут быть настолько тупы, чтобы не предусмотреть этот вариант? Ведь это они все

устроили. Или ты веришь в то, что эти двое полоумных сидят за этим столом и мелют всякую чушь по собственной воле? В таком случае каким образом может угрожать миру этот толстяк? И главное: до сих пор неясно, кто справа – Сраош или всего лишь его оболочка? Ну-ка, попробуй сначала попробуй разгадать этот ребус.

– Послушай, Сраош, – обратился Зар по-русски. – Помнишь, как мы с тобой расстались? Что произошло после того?

Сраош поднял рассеянный взгляд. Лоб его слегка наморщился, лицо напряглось, улыбка начала таять. Он пытался вспомнить. Это длилось несколько секунд. Затем по лицу прошла тень, и оно приобрело прежнее отрешенное выражение. Голова застыла вполоборота.

Только не горячись, приказал себе мысленно Зар, чувствуя, как начинает злиться.

Так, так, так... «Была большая битва?... Твой друг немного устал...»

Нет, это какая-то бессмыслица. Бред сумасшедшего! Перед тобой просто две куклы. В которых вложили всего лишь по несколько фраз. Они не в состоянии сказать что-то осмысленное.

– Мы победили, – снова повторил Нахат, но на этот раз Зару показалось, что в его голосе слышалась явная издевка.

Рука крепче сжала рукоять меча.

– Беда миновала, – увещающим тоном сказал жрец. – Они ушли и больше не вернуться. Мы их прогнали... А ты, гость, к сожалению опоздал. Если бы пришел раньше, то, помог бы нам. Но ты не пришел. Мы справились сами – я и этот парень. Нам хватило своих сил. Твой меч не понадобится, ты опоздал...

Зар с силой саданул кулаком по столу, и все стоявшее на ней с громоханием подпрыгнуло.

– Хватит! – выдохнул Зар. – Беда не миновала! Вы не ушли! Вы, как и раньше, сидите здесь и ждете меня.

Сраош словно и не слышал этого выкрика. Он как ни в чем не бывало продолжал улыбаться своим мыслям.

Зато жрец внезапно оживился. Хитро прищурившись, скривив красные губы, он быстро затараторил, но произнес он те же самые слова, что и перед этим, разве что в измененном порядке.

– Мы их прогнали, – проговорил он. – Твой меч не нужен, гость. Можешь о нем забыть. Мы справились без тебя. Они больше не вернуться. Беда миновала.

Говоря это, Нахат бросил в сторону террасы быстрый короткий взгляд. Уловив его, Зар резко повернулся, но терраса была пуста.

– Пей, гость. – Нахат снова услужливо пододвинул к нему чашу. – Празднуй вместе с нами нашу победу.

Зар чувствовал, что терпение вот-вот лопнет. Злобный ухмыляющийся механический бормотунчик – слева – и вареный овощ – справа, – каким-то загадочным образом дополняя друг друга, действуя на пару, постепенно добивались своей цели.

Нет! – твердо сказал себе Зар, – этот ребус не имеет разгадки.

Он взял чашу в руки. Увесистая. Если толково запустить ею в голову жреца, можно его аккуратно отключить.

Зар приблизил чашу к носу, всколыхнул темную жидкость. Почувствовал терпкий запах.

– Итак, беды нет! – подытожил Зар. – Верно?

– Верно. – И бесцветные глаза жреца враз сделались недобрыми.

– И меч не понадобится. Так?

– Так.

Враг выходил наружу. Нахат становился все больше похожим на огромную надувную куклу. Права Елена в своей теории о трех точках или нет – теперь это уже не

имело значения. То, что управляло Нахатом, замышляло зло. Оно лгало и хитрило. То, что осталось от Нахата-прежнего, позволило дэвам войти в его тело. Это тело служил им, – и потому нет ему пощады.

Ребус не имел окончательной разгадки, был бредовым, но ядовитое дыхание врага сочилось теперь отовсюду. У дэвов один метод на всех. Вкрасться и сожрать твой разум изнутри. Не успеешь опомниться, и ты уже в сетях.

Но Сраош! Неужели и он теперь полностью в их власти?

И тут сам собой пришел ответ.

Сраош – третья точка!

Эта мысль стукнула как обухом по голове. Черт возьми! Вот почему он здесь, рядом с Нахатом. Провидящий всех младше, несущий дальше!.. Что и куда ты несешь?

Теперь оба «привратника» ждут своей участи. Смерти в огне Атара. Оба готовы к сожжению. Их запрограммировали особым образом. А теперь и до тебя очередь дошла. Дэвы тебя программируют через этого жирного уroda. Разве он ради забавы нарывается? Нет, когда у тебя от ярости начнет крышу рвать, жрец кликнет Ханру и бросит спичку... Но где же сам Ханра? Может, он стоит за тем проемом, что на террасу выходит?..

РУБИ!

Но дэвы опередили. Внезапно Сраош дернулся всем телом и обеими руками вцепился в меч Зара – чуть пониже рукояти.

Зар среагировал мгновенно: он метнул чашу в Нахата. Стукнувшись о выпуклый лоб, чаша раскололась, – Зар успел заметить багровую вспышку вина. Затем лицо с хитом окрасилось багровым. Голова качнулась на толстой шее, и жрец рухнул на стол.

Зар резко повернулся к Сраошу, взгляды встретились. Сраош не превратился в злобного дэва, он по-прежнему смотрел отсутствующе. Зар глянул на его руки. Из-под пальцев по клинку струилась кровь.

– Отпусти! – умоляюще процедил Зар.

Сраош не слышал. Невинно улыбаясь, он тянул меч на себя.

Зар вскочил.

Можно выдернуть клинок одним движением, но он не хотел резать Сраошу пальцы.

– Да уймись же! – И он отвесил Сраошу тяжелую пощечину. Тот свалился с табурета, однако меч не отпустил.

Не раздумывая, Зар схватил со стола другую глиняную чашу и с размаху опустил ее Сраошу на макушку. Голова бедняги безвольно откинулась. Окровавленные руки разжались, и Сраош безвольно растянулся на полу.

В тот же миг очнулся Нахат. Как ни в чем не бывало, он вскочил на ноги, отшвырнул стол – легко, точно тот был сколочен из легкой фанеры.

Глаза его были вытаращены, зрачки уползли в разные стороны, и только края их нелепо выглядывали из-под век.

Жрец угрожающе зарычал и выдернул из-за пояса изогнутый кинжал с белой костяной ручкой. Лезвие со свистом пронеслось перед самым носом Зара. Он едва успел отпрянуть, почувствовав, как ветерок всколыхнул волосы на лбу.

Отскочив на три шага назад, Зар устремил клинок в грудь Нахата. Тот раздувался, прямо на глазах утрачивая человеческий облик.

– Пропади ты пропадом, тварь позорная! – воинственно проорал Зар, изготавливаясь атаковать чудовище.

Гнев в душе нарастал, несмотря на попытки его унять. Хищный вид Нахата вызывал желание убить его. Стереть с лица земли одним махом.

(СЖЕЧЬ!..)

Нет, не позволяй ярости ослепить тебя!

Зар сделал выпад. Нахат ловко ушел в сторону. Перемахнув через поваленный стол, он оказался в двух шагах от выхода. Откуда в теле этого проклятого тюленя столько прыти?

Преследуя жреца, Зар перепрыгнул через лежащего ничком Сраоша, обогнул стол.

Два следующих субури мечом, проведенные в стремительном нападении, не принесли Нахату вреда. Толстяк двигался с бешеной скоростью. Лишний вес ему нисколько не мешал. Напротив, отбив удары кинжалом, Нахат ловко перешел в атаку.

Лезвие засверкало перед глазами. Теперь Зар едва успевал блокировать удары тяжелым мечом. Вспомнив один из приемов кумитачи, которому когда-то научился у Фазана, Зар провел его, но жрец снова парировал удар – так чисто и легко, словно ожидал его. Следующий его выпад был так стремителен, что Зару не удалось от него уйти. Острое лезвие рассекло ткань на животе, оставив на коже жгучий след. Глянуть на рану Зару могло бы стоить жизнь, но он чувствовал, что рана неглубокая.

Ему удалось, не споткнувшись о стол, отступить назад.

Сверкая безумными невидящими глазами, Нахат последовал за ним. В два прыжка он оказался у стены, перекрыв Зару путь к двери. Рот растянулся в тупой ухмылке.

Жрец перекинул кинжал в левую руку и взмахнул им так же искусно, как правой. Издав зловещий рык, он начал наступать.

Внезапно Зару стало здорово не по себе: состязаться с этим амбалом было так же бессмысленно, как биться с несущимся на полной скорости бензовозом. Жрец надвигался черной стеной, выплясывающей жуткий танец.

Арсенал ударов мечом, которым Зар владел, закончился. Понимая, что прижиматься к стене опасно, он попытался откинуть противника назад и провел очередную атаку, метя в голову. На этот раз меч Зара просвистел над самым ухом Нахата. Уходя от удара и вскинув руку, чтобы выставить блок, жрец на мгновение раскрылся, и Зар успел садануть его ногой в живот. Живот спружинил, но удар был достаточно силен, и Нахат попятился. Зар воспользовался этим и тут же атаковал вновь. Ему удалось царапнуть жреца по вооруженной руке. Нахат отпрыгнул. Смертоносный кинжал снова переключался в правую.

Не снижая натиска, Зар провел еще одну атаку, и ему удалось откинуть противника почти на террасу. Перепрыгивая через стол, Зар краем глаза успел заметить, что Сраош шевелится.

Отступая, жрец запнулся и схватился одной рукой за откос. Неужели он все-таки начал уставать, или это всего лишь один из его хитрых трюков. Зар сделал очередное субури, но толстяк успел парировать и стремительно выпрыгнул на террасу. Вывернув корпус, он блокировал еще три последовавших друг за другом удара и мягко, как боксер-легковес отбежал на несколько шагов.

Нахат часто дышал. Нельзя было давать ему ни секунды на отдых. Зар взмахнул мечом, но в этот миг сзади его схватили за запястье. Рука, отяжелев, пошла вниз и, хоть меч и не выронила, лишилась способности двигаться. Не сводя глаз с Нахата, Зар лягнул ногой напавшего сзади. Удар пришелся по ногам. Сраош (а кто же еще это мог быть?) застонал, повалился, но только крепче вцепился в руку. Зар дернул изо всех сил и, подняв с пола Сраоша, швырнул его к стене. В последний миг рука разжалась. Меч звонко лязгнул о пол. Сраош налетел на стену и, шмякнувшись об нее, сполз вниз.

Во время этой борьбы Нахат стоял на прежнем месте. Растопырив руки, негромко урча, он ждал атаки. Но лишь только меч Зара оказался на полу, он поднял кинжал и кинулся вперед.

Времени подобрать меч уже не было. Зар машинально вскинул руки для защиты.

Нет! – запоздало прозвучало в мозгу.

Но было поздно.

Внезапно по предплечьям растеклось тепло. До боли знакомое ощущение. Предчувствие экстаза. Зар стиснул зубы, пытаясь усмирить рождающееся пламя.

Нахат каким-то образом почувствовал это. Поднятый кинжал застыл в воздухе.

В одно мгновение тепло в руках превратилось в нестерпимый жар. еще секунда – и Зар не сможет его больше удерживать.

Нахат стоял как раз напротив проема в стене. Внезапно он сделал шаг в сторону парапета, и в тот же миг из проема на террасу метнулась тень. Рядом с Нахатом возникли одновременно две фигуры. Теперь все трое стояли рядом: жрец, царевич Ханра, а между ними – Елена.

Огонь начал обжигать ладони, и Зар резким движением отвел руки в сторону, за парпет, чтоб избавиться от огня, – однако в следующую же секунду понял, что это произошло только в его воображении. В действительности он так и продолжал стоять, выставив вперед руки, готовые вот-вот ударить огненными снопами.

Все тело было в оцепенении. Теперь он, наверное, не мог бы даже моргнуть. В движении находилась только внутренняя сила – огонь Атара.

Огонь яростно бурлил в теле, и вот-вот готов был вырваться из рук, испепелить все на своем пути, убить юную, прекрасную девушку, разрушить тонкие барьеры из человеческой плоти, разделяющие два мира – человеческий и тот, в котором обитал жестокий, безумный Манью.

Похоже, игра в поддавки приближалась к концу. Вместо шашек были люди.

Зар уже совсем не чувствовал тела. Он просто стоял и смотрел.

На Ханре не было маски. Глаза непроницаемы, как две черные бездны. Одной рукой он удерживал Елену за отведенные за спину локти, другой – зажимал ей рот. В глазах девушки – ужас, отчаяние...

Мелькнула мысль, что царевич с Еленой все это время стояли за проемом, и Ханра терпеливо ожидал нужного момента.

Дэвы добились того, чего хотели. Они сжульничали, но победили.

Каким-то чудом ему все еще удавалось удерживать выброс пламени, но сознание начинало путаться, и он уже с трудом понимал, что делает. Черные бездны затягивали его, он тонул в них, утрачивая остатки воли.

Перед тем, как вырвался огонь, Зар успел подумать, что все-таки права оказалась Елена насчет трех точек, и что так оно, в конце концов, и вышло, только вот кто бы мог предположить, что третьей точкой окажется...

И тогда время почти остановилось, и Зар почувствовал то, чего не замечал раньше, во время прежних сеансов пирокинеза.

Сперва что-то как бы оборвалось на уровне локтей. Это порция пламени, отделилась от огненного сгустка, устремилась к выходу, на лету собираясь в два мощных снаряда.

Одновременно с этим, а может, на долю секунды раньше, он уловил какое-то движение справа. Сраош в невероятном прыжке бросился на замерших в ожидании исхода «привратников».

Зар успел увидеть, как вспышка озарила лицо Нахата и спину Сраоша. В это же мгновенье раздался хлопок, и все пространство террасы поглотило пламя.

На какое-то время Зар отключился.

Темная пустота, в которой он оказался за миг до вспышки, захлопнулась, и его вытолкнуло обратно, к свету. Только свет был рассеянный, картинка – неясной. Перед глазами стояла пелена тумана.

Между тем, скованность отступала, начинали возвращаться движения. Первой ожили голова и шея. Голова плавно качнулась назад. Вслед за этим к рукам вернулась чувствительность. Зар попытался опустить их, но что-то случилось с координацией. Руки сами собой разлетелись в стороны, пол стал уходить из-под ног, и Зар понял, что опрокидывается навзничь. Каким-то образом ему удалось подставить руки, но все же приземлился он неудачно, ушиб правый локоть и копчик. Попытался вскочить и не смог. Тело было как мешок с песком.

Шаря рукой в поисках меча, он навел резкость и увидел барахтающегося поверх Ханры Сраоша. Елена лежала поодаль. И Елена была «третьей точкой». Никаких сомнений.

Слева от Сраоша дымилась бесформенная куча пепла, – это все, что осталось от жреца Нахата. Зар невольно напряг зрение, всматриваясь, не выглядывает ли из-за этой кучи дух Манью, но тут его отвлекла внезапная суматоха.

Сраоша вдруг отбросило на несколько шагов, он стукнулся об стену и как тряпичная кукла снова рухнул на пол. Ханра вскочил, неестественно быстрым движением подхватил на руки Елену и, крутнувшись волчком, нырнул в проем.

Зар почти рефлекторно нащупал рукоять меча. Крепко сжав ее, он поднялся на ноги, покачнулся и едва успел схватиться за парапет, чтобы снова не грохнуться.

Все плыло перед глазами. Перехватываясь за парапет, Зар двинулся следом за Ханрой, но возле двери ему пришлось остановиться. Он постоял с минуту, приходя в себя.

Мало-помалу туман перед глазами начал рассеиваться.

Зар глянул на Сраоша. Тот мучительно морщил лоб и двигал подбородком.

– Держись, – бросил Зар. Собравшись с силами, он ринулся за Ханрой.

Зар бежал по наитию. Из комнаты угодил в темный коридор, оттуда попал в светлую залу. Из нее выскочил на лестницу, – она вела вниз.

Сбежав, оказался в каком-то странном полуподвале. Отсюда через единственное окошко можно было видеть площадь. Никаких выходов не было. Зар выругался. Вернувшись назад, обнаружил дверь, толкнул. Дверь открылась. Он бросился внутрь, пересек длинное, узкое помещение, выбежал на балкон. И успел заметить Ханру с Еленой на руках, – он сворачивал с площади в соседнее здание.

Кинувшись назад, Зар снова пробежал по длинному помещению, миновал лестничную площадку, залу, свернул в дверь, которую не заметил в первый раз и оказался в балюстраде. Она состояла из трех наибольших помещений, наполненных массивной деревянной и металлической мебелью и разделенных арками.

Добежав до конца, наткнулся на закрытую дверь, попытался ее выбить, но дверь оказалась слишком прочной.

Зар рванулся назад, но тут углядел небольшой медный столик. Приставив меч к стене, он схватил столик и, вернувшись к двери, несколько раз саданул им. Дверь затрещала подалась, но засов с другой стороны лишь согнулся. Пришлось повозиться еще пару минут, пока дверь не открылась.

Схватив меч, Зар выбежал в колонный зал, свернул к выходу и помчался вниз по ступеням.

На ходу ему вдруг показалось, что откуда-то из-за дворцовой стены доносятся далекие крики, но останавливаться и прислушиваться времени не было.

Добежав до соседнего здания, Зар заскочил в дверь. Меч он держал наготове.

Внутри было сумрачно. Посредине возносилась к потолку широкая колонна. Оглядевшись, Зар заметил слева каменную лестницу без перил, примыкавшую к одной из стен.

Кинувшись к ней, он стал быстро подниматься. Лестница была не более полуметра шириной, – чтобы не упасть, приходилось прижимаясь к стене поплотнее.

Оказавшись на втором этаже, Зар прошел по узкому партеру, свернул в дверь и очутился в широком помещении с низким потолком. Справа и слева пол плавно

поднимался вверх, уводя куда-то назад, за каменные простенки, из-за которых били потоки яркого света. Завернув за один из простенков, Зар обнаружил открытый выход, за которым синело небо.

Он наклонился, чтобы не стукнуться головой о толстую деревянную лагу, проскочил по проходу и оказался на крыше.

Крыша была покрыта тростником, имела выпуклую форму и опасно закруглялась к краям. Оглянувшись, прямо позади себя Зар увидел каменную будку, из которой только что выскочил. За ней, метрах в десяти, на тростнике сидело несколько гигантских жаб. Каждая была размером в два человеческих роста, а то и больше. Было совершенно непонятно, каким образом крыша выдерживает их вес.

Жабы прижимались к поверхности крыши, готовясь к прыжку. Зар непроизвольно выставил вперед левую руку и чуть было не полил отвратительных чудищ пламенем, но в последний миг сжал руку в кулак и укрылся за будкой.

Ну, и что теперь? – спросил себя он. Броситься на монстров с мечом? Толку-то. Даже, если каким-то чудом прорвешься сквозь их стену, дэвы тут же новую пакость изобретут...

Зар быстро осмотрел себя. Хитон на животе пропитался кровью.

Он оттянул край дыры на ткани, глянул. Царапина была неглубокой, и кровотечение почти прекратилось.

Зар облегченно вздохнул.

Слабость в теле полностью прошла. Зрение вернулось.

Пусть все разрешится прямо сейчас, – подумал Зар.

Кем бы ни были эти твари, – там, за ними, стоят Ханра и Елена. Трюк дэвов до примитивности прост: целишься в призраков, попадаешь в «привратников».

Нахат уже сгорел в огне Атара. Остались двое: Ханра, к которому не подойти, и Елена, – она в его власти.

Елена – «привратник». Кто мог предусмотреть это? Никто. Как ни странно, один лишь Сраош предупреждал, что Елену ждет беда. Беда это или трудная ситуация – неважно: девушку надо выручать. Стало быть, она – одно из главных звеньев в этой истории. В прошлое ее заманили дэвы, а Митра был только связным. Могла ли Елена такое предугадать? Да нет, конечно. Всего три часа назад она изложила тебе свою версию, и вот уже какой накал...

Елена шла в Аншан, чтобы обезвредить «точки доступа», и в результате сама стала одной из них. Это она – «провидящая». Она – «всех младше». И она – «несущая дальше»... Сраош по ходу оказался подсадной уткой. Каждый выполняет свою функцию. Игра придумывается на ходу. Ханра насылал паралич. Дэвы напускают жаб... Тьфу, чертовщина! Чтобы ты ни предпринимал, подлые дэвы окажутся хитрее тебя. еще десятки, сотни, тысячи трюков придумают они, чтобы заставить тебя сделать то, что им надо. Они обладают силой внушения, а у тебя единственное серьезное оружие – огонь, – да и то ты обязан держать его в себе. А ведь Елена говорила, по своей природе дэвы уступают человеку. Не похоже. Ты словно игрушкой в их руках. В любом случае дэвы все сделали так, как задумали. Елена здесь для того, чтобы сгореть в огне, который извергнет из себя ее дед. Ты пришел первым. Оказалось, только для того, чтобы заменить собой Митру.

(СЖЕЧЬ!)

Нет! Забудь об огне. Одну ошибку ты уже допустил. Ты начал открывать шлюзы. еще один неверный шаг, – и плотину прорвет. Если бы не тот отчаянный прыжок Сраоша, все было бы уже кончено. И здесь, в Аншане, и много веков спустя – в Питере...

Тут из-за простенка донеслось басовитое кваканье. Его подхватили другие жабы. Похоже, они ждали наступления. Но ведь это игра в поддавки. Кто поверит в то, что чудовища вызывают его на серьезную битву?

Все! Хватит думать! А что, если эти твари уже влезли и в твою голову и крутят твои мысли по своему сценарию, чтобы привести тебя к исполнению их цели?

Ладно... Была – не была!

Меч в руках, беспощадность к врагу, надежда только на вас, – мысленно проговорил Зар.

Он шумно выдохнул и...

И в этот момент перед ним появилась персиянка. Та самая танцовщица, которую он видел на дороге в Восточном поселении. Это ее лицо, увеличенное в несколько раз, промелькнуло перед ним в дыму на пожаре в музее. Танцовщица пожирала его глазами. В каждой ноздре у нее было по колечку. На висках и скулах извивались бурые татуировки.

– Подлюка ты? – сказала она с укором. – Так и знала, что допрыгаешься. Я предупреждала тебя, зараза, чтоб ты валил отсюда? А ты послушался? И кто ты после этого? Тупой ублюдок – вот кто!

Голос у нее был грубый, как у базарной торговки. Она ухмыльнулась и, не сводя с Зара презрительного взгляда широко раскрытых глаз, продемонстрировала диковинное танцевальное движение: плечи описали восьмерки, голова обрисовала полукруг, а бедра несколько раз крутанули невидимый обруч.

– Уйди с дороги, – процедил Зар.

Он не стал ждать, пока демоница начнет использовать против него свое колдовство. Он махнул мечом, намереваясь рассечь твари грудную клетку. Но меч рассек лишь воздух. Персиянка была бесплотна.

– еще раз так сделаешь – тебе конец! Ясно?! – заорала она. – Не хочешь подохнуть – слушай меня. Сожги их. Кто из вас двоих сделает это, тот не подохнет. Сожги! Если сожжет колдун – подохнешь ты. Дошло?

Рассмеявшись, она подмигнула ему, сделала еще один отвратительное па и исчезла.

Тут же, как по команде, вновь заквакали жабы – так, что заложило уши, но за миг до этого Зар явственно расслышал отдаленные людские крики.

Сзади, из темноты помещения, донесся гул, топот. Что-то приближалось. Дэвы? Танцующие персиянки?

Зар больше не желал вести никаких переговоров. Он выскочил из будки, круто развернулся и бросился с мечом на жаб.

Покрытие прогибалось под ногами, но было достаточно плотным, чтобы в него не провалиться.

Подскочив к первой жабе, Зар изо всех сил рубанул мечом. Он был почти уверен, что клинок пройдет сквозь ее уродливую морду, как сквозь воздух. Но меч, стукнулся о пупырчатую темно-зеленую кожу, отрикошетил и больно отбил руку. Жаба тяжело качнулась, бросила вперед толстую лапу и мощным рывком переместилась, – Зар едва успел отскочить.

За спиной, на площади, кто-то крикнул на аншанском. Слово было знакомым, но времени вспоминать его значение не было.

Внезапно Зара осенило. Если бы получилось совершить маневр и стать между жабами и «привратниками», можно было бы воспользоваться огнем. Но Ханры с Еленой нигде не видно.

Жаба махнула перепончатой лапой. Зар ударил мечом, и снова точно об камень.

Жаба опустила лапу и длинно квакнула.

Проклятье! Эти твари как бронированные.

Отступив назад, Зар оббежал будку, подскочил к краю крыши. Отсюда можно было перепрыгнуть на каменное украшение-рог, приделанное в стене главного здания, – того самого, к которому трехгранной пирамидой примыкала лестница.

Зар глянул на площадь, но никого не увидел. Он пробежал по самой кромке до угла крыши, намереваясь оттуда увидеть Елену. Жабы моментально изменили дислокацию и, скучившись, закрыли видимость.

Кто-то снова крикнул, на этот раз где-то возле ворот. Зар быстро обернулся и поймал взглядом трех вооруженных стражников, которые раскрывали ворота.

Зар глянул на жаб, но они как сквозь землю провалиться. Вместо них плотным полукругом, опустив изящные руки, касаясь друг друга рукавами, стояли девушки. Их было десять или пятнадцать. Головы их были непокрыты, длинные черные волосы струились по плечам, спадали на груди. Девушки не глядели на Зара, их взгляды были устремлены в сторону ворот. Все они казались красавицами.

Перед нападением Зар успел осознать, как очерствел за последнее время. Разве теперь остановит его такая пустяшная мелочь, как незащищенный девичий вид, когда есть возможность прикончить дэва?

Он вскинул меч и рванулся вперед, где-то в глубине разума еще сознавая, что вновь превращается в марионетку, но уже будучи с собой ничего не в силах поделать.

И в этот самый миг над головой раскололось надвое небо. Пронесся сноп пламени. Две или три юные персиянки в один миг черными хлопьями пепла вспорхнули к небу. Вспыхнул тростник.

С обожженным лицом Зар рухнул на колени, уткнув меч в тростник, закрыл голову левой рукой. Тут же вскочил вновь, отпрянул на шаг назад.

Митра уже стоял на крыше. Это опять был нематериальный Митра.

– Нееееееет! – заорал Зар. – Нельзя! Там – Елена.

Старик медленно повернулся. Зар не увидел его глаз: они сливались с ослепительным пятном лица.

– Ханра держит ее! – крикнул Зар. – Они – «привратники»! Она правильно предсказала. Она...

– Это – пери! – трубным голосом перебил Митра. – Они спрятали Елену.

Старик по-прежнему не верил. Не хотел понять. Зара охватила волна ярости. Он почувствовал, что еще несколько секунд, и все его пламя достанется Митре-неверующему.

Между тем оставшиеся девушки утратили свой вид, раздулись, потемнели и вновь превратились в жаб.

Зар бросился на Митру. Бить его ни огнем, ни мечом он не собирался, хотел просто оттолкнуть, но, натолкнувшись на невидимое поле, отлетел сам.

Старик метнул огонь в ближайшего из монстров. Жаба вспыхнула. Старик взмахнул рукой, но Зар его опередил. Не успев осознать, что делает, он метнул в Митру шаровой молнией – порожденной внезапно, точно такой, какую однажды сотворил в скалах.

Сияющий шар угодил прямо в Митрины руки. Тут произошел взрыв, от которого Зар на несколько мгновений оглох. Очертания старика взметнулись слепящей кляксой. Зар зажмурился, а когда открыл глаза, Митры уже не было. На его месте в слое тростника образовалась яма.

На жаб этот взрыв подействовал странным образом. Выставив в разные стороны суставы лап, они прижались брюхами к тростниковому покрытию, сплющились, стали похожи на гигантские лепешки. И тут Зар увидел Ханру с Еленой.

Они стояли на самом краю. За их спинами частоколом торчали верхушки кипарисов, растущих на заднем дворе, а поодаль виднелась стена.

Слышно было, как позади на площадь вбегают люди.

Ханра по-прежнему одной рукой удерживал Елену за локти. Другой – все так же зажимал ей рот.

– Отпусти ее, – потребовал Зар на аншанском.

Ханра не ответил. Только пристально посмотрел в глаза.

Зар почувствовал, как по телу вновь начинает растекаться оцепенение. Опустив глаза, он стряхнул его и шагнул к «привратникам», но неожиданно в грудь его толкнул мощный вихрь. Зар с силой вонзил меч в покрытие. Пронзив его, меч воткнулся во что-то плотное.

Из-под ног стали вылетать охапки тростника. Зар наклонился навстречу вихрю, крепче схватился за рукоять. Только не смотреть в черные бездонные глаза Ханры.

Вихрь на несколько мгновений ослаб, но неожиданно дунул с новой силой. Хитон на спине вздулся парашютом. Меч был не слишком надежной опорой. Шире расставив ноги и еще больше наклонившись, Зар вытащил меч, загнал его глубже, но и это не помогло: вихрь опять усилился, а медь стала гнуться. Зар почувствовал: еще немного, и снесет с крыши.

– Отпусти ее! – заорал он, не поднимая головы. В ответ толстый слой тростника встал дыбом и плашмя ударил Зара, чуть не сшибив его с ног.

И тут Ханра рассмеялся. Его смех был похож на хлопанье крыльев огромной птицы и на завывание ветра. Не иначе, вид борющегося с вихрем Зара так развеселил Ханру.

– Что с тебя взять, дикарь? – прорычал Зар, но его голос утонул в шуме ветра.

Пока руки и ноги слушаются, надо бороться, – приказал себе Зар. Двигаться против вихря. Прямо по жабам.

Крыша оголилась, она была глиняной, и из нее всюду торчали пляшущие на ветру соломинки.

«Сожги их», – прозвучало в ушах.

Это была она – танцовщица с татуировками. Вернее, только ее голос.

Плевать на ее указания!

Зар поскользнулся и упал на колени. На миг ему показалось, что меч выскальзывает из глины, но он успел изменить угол наклона, и меч не вырвался.

«Оставь свой меч, и ветер сам прекратится».

Черта с два! Зар напряг мышцы и поднялся на ноги. Тут же слева ударил яркий свет. Зар повернулся и увидел огненный силуэт. Он обрисовался и тотчас исчез. Митра упорно пытался возвратиться!

Зар стиснул зубы, подвигал меч, убедился в его устойчивости. Клинок заметно искривился и для битвы уже не подходил, но помогал удерживаться на крыше. Зар напряг мышцы и сделал шаг.

«Брось меч!»

Етер был так силен, что стало трудно дышать. Глянув из-под бровей, Зар увидел, что жабы распластались и тоже едва удерживаются на поверхности – настолько силен ураган.

«Псих!» – вопила танцовщица в ушах. Но Зар не обращал внимания. До Ханры надо добраться раньше, чем восстановится Митра.

Зар сделал еще один шаг. Надо переустановить меч.

Тут яркая вспышка света озарила крышу.

Стараясь, не встретиться взглядом с Ханрой, Зар глянул вверх.

Митра – еще более ослепительный, чем в первый раз, – стремительно приземлился на крышу.

Крепче ухватившись за рукоятку правой рукой, Зар разжал пальцы левой и выставил раскрытую ладонь в направлении Митры.

Старик заметил и мотнул головой.

– Не делай этого! – крикнул он.

Митра стоял почти вертикально, лишь слегка наклонившись навстречу ветру. Мимо него проносился тростник и клубы трухи. Казалось, старик осмысливает ситуацию

«Займись Ханрой, – услышал Зар. – Я остановлю тварей!»

Но Ханра разгадал план соперников и среагировал мгновенно.

Тут же прекратился ветер. Смерч накинудся на старика, завертел его так, что в один миг Митра превратился в кокон.

Вырвав из глины искривленный клинок, Зар бросился вперед; босая подошва толкнулась о спину одной из жаб, – она холодная, как лед! – только не смотреть на Ханру! – впереди возникло движение: Ханра шагнул в сторону, Елена попыталась сопротивляться, – другая нога Зара оттолкнулась от жабьего бедра; казалось, Ханра все еще вертел Митру, но движение, которое он начал, непременно должно было перейти в защитное действие, и он успел бы его совершить, но в последний миг Зар рухнул к ногам Ханры – спиной вниз – и вонзил меч царевичу в голень.

Ханра взвыл, – Зар тут же изменил угол меча, создал блок и вслед за этим, взмахнув ногами, ушел от страшного вихревого выброса, от которого тяжело толкнулась крыша.

Закричала Елена. Зар позволил себе бросить мимолетный взгляд на соперника. Одна рука Ханры была свободна, другой он удерживал Елену и прижимал ее к себе, укрываясь, как щитом; в крыше была выбита огромная дыра.

Зар почувствовал на себе взгляд Ханры, – значит, Митра оставлен без присмотра и сможет нанести ответный удар, если уцелел...

Зар вскочил на колени. Следующим движением он должен был вспрыгнуть на ноги, но толчок воздуха сбил его. Зар грохнулся назад и оказался между двух жаб. Монстры уже воспрянули и угрожающе двинулись на него. Зар рефлекторно рубанул одну из жаб. Меч со звоном отскочил, не причинив жабе вреда.

В одно мгновение Зар оказался на ногах. Ханра снова терзал старика. Зар понимал, что это не материальный Митра, а всего лишь одно из его тел, но все равно вид беспощадно истязаемого кокона заставил содрогнуться.

Зар ударил по второй жабе. Та, развернувшись, долбанула лапой, – Зар ушел от удара.

Из тесного пространства между жабами было только два выхода – вперед и назад. Зар ринулся вперед. Встретился глазами с Еленой, – теперь в них была решительность, – девушка стремилась высвободиться из железной хватки Ханры, – царевич держал руку вытянутой в направлении Митры, при этом не сводил взгляда с Зара.

Возможность открылась как раз в то мгновение, когда Зар был в трех шагах от «привратников». Пытаясь вырваться, Елена резко присела и закрыла собой Ханру, зато голова, шея и плечи его открылись для удара.

Зар не позволил себе потерять целую секунду на прыжок и удар: за это время ситуация могла бы полностью измениться: Елена подняла бы голову, Ханра швырнул бы смерч, жабы накинудись бы сзади, Митра не выдержал бы и ударил огнем.

Поэтому Зар метнул меч, вернее погнутую и затупленную о спины жаб полосу меди.

Развернувшись дважды в воздухе, полоса врезалась Ханре в переносицу.

Прекрасное лицо царевича вогнулось внутрь, разделившись на две части. Голова резко качнулась назад. Меч тяжело соскользнул за плечо Ханры.

Не останавливаясь, Зар подскочил к девушке, схватил за рубашку, упер ногу в самый край заваливаясь вправо, намереваясь совершить маневр с ее центром тяжести. Ханра уже падал, Елена за ним. Зар. Используя инерцию падения, изменил его направление, довершил разворот и, падая, бросил Елену на себя.

Тут же пихнул ее влево, подальше от края и лишь в последний момент сообразил, что толкает девушку буквально в пасть одной из жаб.

В следующий миг над ним нависло окровавленное лицо Ханры. Зар успел увидеть разорванную губу и сломанные зубы, и тут на него нахлынула темнота.

Провалившись в темноту, Зар окончательно утратил ориентацию. Воля Ханры стала неудержимо овладевать его сознанием, опутывать тело своими сетями. Зар

чувствовал, как что-то куда-то начало перемещаться внутри: то ползло от головы к ногам, то взметалось обратно; по телу змеились внутренние потоки.

Зара охватило жгучее, неприятное ощущение, будто Ханра бесцеремонно роется в нем своей окровавленной когтистой лапой – ищет то, что ему надо.

Какая-то часть разума пыталась сопротивляться этому, другая просто безвольно следила за происходящим.

Пустота впереди стала приобретать форму, видоизменяться, окрашиваться то в один цвет, то в другой. Внезапно Зар осознал, что он давно уже видит глаза Ханры – холодные, равнодушные. Они были где-то далеко, но вместе с тем и близко. Ханра смотрел тяжелым, немигающим взглядом. Это были глаза неземной твари. В них не было ни ярости голодного зверя, ни трезвого коварства врага. Они смотрели тупо и бдительно. Это был совсем не тот Ханра, который являлся в кошмарах, грязно бранился, требовал прикончить Митру и угрожал завербовать в свои слуги Зарова не рожденного еще брата. Нет. Это было бестелесное сверхъестественное существо, пришелец из далекой, чужой, неизвестной вселенной. Это был Манью. Он явился за твоим огнем, чтобы с помощью него проникнуть в человеческий мир. И он всерьез собрался его взять. Тут Зар заметил, что ему действительно становится жарко, как бывало, когда зарождается большое пламя. Между тем все происходило не так, как всегда.

Огонь будто вытягивался из внутренних пор. Зар не понимал, как Ханра это делает, и от этого его охватил приступ внезапного ужаса. Один за другим в теле в теле начали вспыхивать жгучие огоньки. Зар заскрежетал зубами, напрягся, сиюсь сбросить с себя навалившегося монстра, но тот только сильнее всасывался во внутреннее пространство. Манью знал, что делает. Он не собирался отступать. Своим коварным воздействием он возбудил материю, из которой состоял Зар. Всколыхнул все Зарово существо, намереваясь взять то, что ему причитается.

Где-то далеко кричала Елена. Ее пожирала жаба, но Зара это уже мало беспокоило. Оцепенев от могучего импульса воли пришельца, в мрачном потрясении он смотрел в ледяные глаза Ханры-Манью, сам постепенно превращаясь в пылающую, палящую поверхность. Мало-помалу огоньки стали сливаться в пламя. Со временем огонь заполнил все внутреннее пространство.

И тогда глаза Ханры исчезли, провалились в пустоту. К Зару тут же вернулась часть его воли, которая насильно удерживалась в стороне, но процесс был уже необратим: давление внутри неумолимо нарастало, огонь из всех сил пытался выхлестнуть наружу.

(НЕТ! РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО! ОСТАНОВИ ЕГО!)

Очумевший, парализованный, обессиленный, Зар бросил остатки воли на тушение этого невидимого пожара. Он сконцентрировался, как мог. Скрежетал фантомными зубами, морщил фантомный лоб.

(НЕ ДАЙ ЕМУ ВЫРВАТЬСЯ!)

Распластавшись по пылающей поверхности сознания тем клочком, что остался от воли, Зар завопил беззвучным криком, сжимая фантомные кулаки.

«Локализовать! Огонь локализовать!...» – далеким отголоском донесся откуда-то голос капитана Зайцева.

«Есть, локализовать!»

Зар не знал, откуда взялись эти голоса. Может, дэвы глумились, может, фразу каким-то чудом принесло из другого времени, а может, наступало сумасшествие...

Тело его по-прежнему оставалось обездвиженным, но какие-то ощущения в нем начинали пробуждаться. Сверху давила тяжесть. Многотонная плита. Это был Ханра – изуродованный, истекающий кровью. Умиравшая оболочка царевича. Пришелец Манью – там, внутри этой оболочки. Он все так же тянет из твоих пор огонь.

(СОПРОТИВЛЯЙСЯ!)

«Не допустить расширения границ!...» – неистово призывал Зайцев.

«Останови огонь Атара...» – Это был голос Елены, похожий на дальний шелест листвы.

«Займись Ханрой!» – требовал Митра.

Две силы столкнулись в груди Зара. По телу заметались вибрации, словно со всех сторон к нему подключили высокое напряжение. Не отдавай огонь! Ты умеешь управлять им! Ты – единственный его хозяин! Никому, кроме тебя, не дано его высвободить!

Зар стал растекаться по пылающей поверхности, стараясь не дать ей увеличиться, и вдруг проваливаться прямо в огонь, прямо в эту горящую плоскость, – он нырнул в самые недра пламени, в мгновение ока пересек все его слои и оказался в ослепительно-синем пространстве. Синева дрогнула, засеребрилась, стала еще ярче и внезапно взорвалась невиданным сиянием.

ОГОНЬ СВЕТЛОГО АТАРА!

Однажды Зар уже видел его. На этот раз свет был во сто крат ярче. Он пронизывал все сущее пространство, наполнял собой вселенную. Теперь Зар оказался куда ближе к его источнику, – каким-то образом он знал это, – и видеть его было невыносимо. Перед этой мощью не только взгляд – даже мысли вмиг превращались в пыль. Исчезло все – и время, и пространство. Осталось только сияние и неистовый Заров порыв.

– Огонь!.. Огонь Атара! – отчаянно простонал Зар фантомным горлом. – Пожалуйста, смирись, возвратись туда, откуда вышел!

И тут его взгляд слился с сиянием. Это произошло мгновенно и сразу после того, как он испустил свой беззвучный вопль. И сияние тут же перестало терзать, смягчилось, начало отступать, возвращаясь к своей первопричине.

21

А потом наступило спокойствие.

Зар лежал на спине. Глаза по-прежнему были закрыты.

Он ощущал лопатками колючую поверхность крыши. Он чувствовал боль в спине, ушибленном копчике, ране на животе. Он чувствовал, что движение вот-вот вернется в тело.

Ханра все еще лежал на нем. Что-то с ним происходило. Тяжелые удары сверху сотрясали его. Голова подсакивала, билась о лицо Зара, заляпывала его густой, теплой кровью, – она болталась безжизненно, – Зар это чувствовал даже в таком наполовину одеревеневшем состоянии. Удары сопровождались яростными криками.

Дважды сквозь крики прорвался голос Елены:

– Осторожней! Осторожней!

Потом Ханра сполз. Вернее его стянули, потому что сам он был неподвижен как мешок. Через секунду снизу донесся звук упавшего тела.

Сразу несколько человек заговорили наперебой. Кто-то куда-то побежал, звякнув оружием.

– Это он? – спросили по-аншански совсем близко.

Зару стали вытирать лицо. Затем его взяли подмышки и оттащили подальше от края крыши, положили под голову что-то хрустящее – кажется, охапку тростника.

Наконец, ему удалось открыть глаза. Два темных силуэта в заостренных шлемах маячили перед ним, производя с ним какие-то манипуляции. Чьи-то руки тянулись к его голове, плечам. Кто-то трогал за ноги. Проверили рану на животе.

Зар хотел протереть глаза, но руки двигались плохо.

– Я в порядке, – прошептал он. – Сейчас отпустит...

Один из незнакомцев замер на мгновение и вдруг рассмеялся. Зар тотчас узнал его. Это был Гам. За ним на коленях стоял молодой ратник, – тот самый, что умел

говорить на разных языках. Поблизости околачивалось еще человек десять. Разглядеть их как следует мешала пелена тумана. В этот раз она была еще более плотная, но Зар уже знал – скоро это пройдет.

– Зар, – раздался голос Елены.

Он повертел головой и увидел девушку. Она сидела в двух шагах от него, поджав под себя одну ногу, а второй держась за колено. Точно сказать нельзя было, успели ли Ханра причинить ей вред, но на первый взгляд состояние ее здоровья не вызывало опасений.

Зато опасения вызывал Гам. Зару показалось, что он что-то замышляет. Ему вовсе не доставляло удовольствие то, что сейчас он вынужден валяться, распластавшись блином, перед этим мерзавцем. Напрягши все мышцы, он с трудом оторвал голову от импровизированной подушки, но тут же голова брякнулась обратно.

– Лежи, лежи, – заботливо сказал молодой. – Ты дрался с Ханрой и остался живой. Это чудо! Тебя спас Ахурамазда.

Зар увидел, что на небе успели собраться тучи, и даже начинал накрапывать дождь.

– Где Митра? – спросил он. Голос был слабым и потонул в общем шуме. Молодой ратник заметил движение губ и прильнул к ним ухом. Зар повторил вопрос.

– Он живой! – с энтузиазмом закивал ратник, вскидывая каштановыми волосами. – Митра привел нас сюда. Мы искали юную жрицу. Мы думали, погибнем. Но Митра заставил идти в Аншан. И мы пришли и убили врага. Мы все герои! – Обернувшись, он что-то прокричал остальным, затем, снова наклонившись к Зару, сказал: – Я – Асти. Прости нас, друг. Гам рад, что ты жив и жалеет, что хотел убить тебя.

Он поклонился, перекинулся с Гамом парой незнакомых слов и быстро встал.

– Проверьте все здание! – крикнул Асти.

Ратники один за другим бросились в чердачные двери. Асти последовал за ними. Через несколько секунд из дверей вынырнул невысокий широкоплечий ратник и, опершись на меч, застыл.

Гам внимательно рассматривал Зару.

– Я останусь с тобой, – сказал он. – Я буду охранять тебя и юную жрицу до прихода Митры.

Зар стиснул зубы и приподнялся на локте.

Жаб не было. То там, то здесь были разбросаны кучи черного пепла. В двух местах в крыше имелись прорехи.

– Елена! Как ты? – спросил Зар.

– Колено болит, – удрученно отозвалась девушка.

– Почему ты ушла?

– Из-за деда, – буркнула она.

Неожиданно капли дождя стали крупнее и хлестко защелкали по пеплу.

– Надо под крышу, – сказал Гам.

Он позвал ратника. Тот вставил меч в ножны и с готовностью бросился на помощь. Первым в чердачное помещение, несмотря на протесты, перенесли Зара. Затем помогли добраться Елене.

Зар прислонился к стене и принялся растирать лицо руками. Силы к нему вернулись настолько, что он мог бы уже, наверное, самостоятельно встать. Зар оглядел себя. Вроде все на месте.

Елену усадили рядом. Зар заметил, как лицо исказила гримаса боли.

Широкоплечий ратник занял позицию у выхода на лестницу. Гам сел поодаль на пол.

Внезапно Зара осенило: все кончено! Наши победили!

Стало весело и тревожно одновременно. Из груди вырвался нервный смешок. Зар покачал головой, цокнул языком: ему захотелось как-нибудь состричь, поддеть Елену.

– В смысле расшифровывания древних текстов голова у тебя варит, как надо, – заметил он. – А вот выполнение военных операций – это, все-таки, как ни крути, дело не женское. Почему дожидаться не стала?

– Я же сказала тебе: из-за деда, – сердито ответила «юная жрица». – Он появился сразу, как только ты из виду исчез.

Зар вспомнил, как заметил мелькнувший в камнях силуэт.

– И что? А дворце-то ты как оказалась?

– Пришлось топать... Дед как увидел, что нога у меня распухла, то аж приободрился. Мол, с такой ногой далеко не сбежишь. Сиди, говорит, сейчас мои люди подойдут. Я их еще вчера за тобой, говорит, послал, тут они километрах в пяти рыскают. Подожди, говорит, я метнусь к ним и к тебе направлю. Дед мог бы исцелить меня за секунду, но не стал этого делать, рассчитывая, что травма меня задержит.

– И ты не стала ждать, пока придут люди Митры и двинулась своим ходом на Аншан? – подытожил Зар.

Она кивнула.

– Черт возьми! – вырвалось у него. – И на что ты рассчитывала?

– У нас ведь все вышло, – сказала Елена задумчиво.

Она была права. Перетирать о том, верно или нет она поступила, послушавшись Зара и деда, было типичным занудством.

– Ладно. Что было потом?

Елена поводила рукой по груди, пытаясь нащупать что-то под рубахой.

– Я нашла какую-то палку и на нее опиралась... – продолжала она. – Перед самым Аншаном на меня что-то налетело. Почти сразу я потеряла сознание. А когда очнулась, то обнаружила себя уже здесь. Меня крепко держали. Сперва я не могла понять, где я, и что происходит. Нога не давала покоя. Мне казалось, меня душат. Но мне просто закрывали рот, чтобы я орать не могла. Потом Ханра, – мне таки удалось заметить, что это он, – бросился вместе со мной по темному коридору, и мы оказались на балконе. А дальше ты сам знаешь.

– Понятно. Парни притопали к тому месту, где я оставил тебя, а с ними и старик прибыл... Тут Митра почуял неладное и бросился сюда. А парни двинули следом за ним. Вовремя подоспели...

– Я боялась, они и тебя заденут, – сказала Елена. – Они ему всю спину искромсали, до костей...

– Враг убит!.. – донеслось с улицы. Несколько голосов подхватили и стали вопить эти два слова.

Зару почему-то представилось, как сейчас внизу пинают труп Ханры. Затем что-то выкрикнул Асти, и вопли стихли.

Тут Зар вспомнил про Сраоша. Ему наверняка нужна помощь.

Зар попытался подняться, но Гам остановил его жестом.

– Нет! – Рыжий покачал головой. – Митра сказал, чтобы мы вас охраняли до его возвращения.

– Там Сраош. Друг Митры, – объяснил Зар.

– Митра сказал, тебе нельзя выходить.

Гам поднялся на ноги и на всякий случай положил кисть на рукоять меча.

В другое время Зара взбесило бы поведение рыжего, – целый месяц можно было бродить, где хочешь, и всему миру было на это плевать, а тут вдруг объявились начальники: нельзя выходить, – но Зар был еще слишком не в форме, чтобы даже как следует вспылить. Он просто сказал:

– Не твое дело. Я сам себе хозяин. Сам решаю, куда ходить, куда не ходить. Ясно?

Ему захотелось проделать какой-нибудь из фокусов с огнем. Достаточно он его сегодня в себе удерживал.

И тут Зара вдруг посетила мысль, что Елена по-прежнему одна из «точек доступа» – «привратник». Или кто-нибудь успел уже с нее снять это заклятие?

Девушка была занята коленом. Оттянув рубаху, она рассматривала его. В полумраке чердака распухший сустав казался темно-серым.

– Как тебя угораздило одной из них стать? – осторожно спросил Зар.

– Не знаю. – Она угрюмо пожала плечами. – Я была без сознания.

Дэвы могли сделать это гораздо раньше, подумал Зар. еще в том – другом – времени.

Теперь он не сомневался в возможностях дэвов.

Он протянул Елене руку. Она отвлеклась от колена и, грустно улыбнувшись, протянула свою. Зар подмигнул, но девушка осталась задумчивой.

Елена ведь не опасна, – попытался он себя убедить. Нахат сгорел. Ханра мертв. Елена больше не «точка доступа». Почему же она не радуется?

– Ты – могучий маг и герой, – сказал Гам, едва заметно улыбнувшись. – Но Митра – мой военный начальник, и я его слушаюсь. Прости, друг. Мы тебя не выпустим, пока Митра не вернется.

– Пусть пошлют человека в... – Зар не мог придумать, как объяснить по-аншански: «терраса центрального здания».

Он уперся руками в пол, пытаясь встать. Надо вывести Гама на крышу и показать ему оттуда примерное местонахождение Сраоша.

– Убей меня, – неожиданно сказала Елена.

– Что?!

Девушка выхватила из-за пазухи небольшой узкий нож и протянула Зару.

– Убей, прошу тебя! – Голос звучал твердо. – Пока они не сделали меня чудовищем! Таким, каким был Ханра!

Увидев нож, Гам бросился к Елене.

Автоматически Зар выставил левую руку ему навстречу и пугнул огнем. Обычный факел средних размеров.

Правой рукой он осторожно принял нож.

– Елена, – сказал он, ломая лезвие о каменный пол. – Мы знаем, что Ханра с Нахатом мертвы. На этом наши представления о текущей обстановке заканчиваются. Вернется Митра – вместе разберемся.

– Я опасна, – убежденно сказала девушка. – Оно где-то здесь. – Елена коснулась пальцем лба.

– Может быть, – согласился Зар. – Но может, ты и ошибаешься. Мы все подустали и всякого навидались. Мне самому черт знает что может помешаться теперь...

Он все еще удерживал небольшой факел. Гам пораженно смотрел на огонь, не решаясь сделать ни шагу.

Не опуская руку, Зар встал.

– Пусть найдут Сраоша, – потребовал он. – Другое здание. Главное. Он там. Ранен.

Гам не двигался с места, и Зар сделал еще один небольшой предупредительный выброс. Огонь, хлопнув, взлетел к низкому потолку. Гам отпрянул. Ратник у дверей издал странный гортанный возглас.

– Не надо, – простонала Елена.

– Не бойся, – отозвался Зар, не сводя насмешливого взгляда с Гама. – Просто немного лишнего пара спущу. Никому это не повредит.

Гам смотрел на него с опаской. В позе его все еще чувствовалось намерение быть вежливым и вместе с тем была дерзость и скрытая издевка, – то ли в силу поруганной воинской чести и незабытого желания быть отомщенным, то ли из-за какой-то более глубокой личной неприязни.

Как бы там ни было, но Гам явно прорабатывал тактику оказания сопротивления. Он то и дело поглядывал в сторону, возможно, собиравшись резко прыгнуть и занять позицию за спиной Елены.

Ратник тоже насторожился и приготовился к стычке.

Сейчас вы у меня попляшете, – раздраженно подумал Зар. – Сейчас посмотрим, кому можно выходить, а кому нельзя.

Он бросил мимолетный взгляд на Елену и похолодел.

Женщина в серой рубаше, сидевшая на полу, потирала колено и не сводила с него черных огромных, не мигающих глаз. По вискам змеились бурые татуировки, в уголках рта застыла ненависть.

Старый кошмар превращался в новый. Злая демоница была тут как тут. Она не собиралась уступать. Она намеревалась идти до конца.

– Все кончено! – возразил Зар.

Она не ответила, только крутанула головой, начиная свой танец.

Гам со вторым ратником не видели перемен, произошедших с Еленой, иначе отреагировали бы. Они молчали. Гам стрелял глазами по сторонам, а его напарник таращился на Зарову руку, из которой только что вылетал огонь. Теперь эта рука готова была разразиться пожаром – выплеснуть все, что она с таким напряжением удержала в этот день.

Ханра убит, но огонь Светлого Атара по-прежнему рвется наружу. Может, ты чего-то не понимаешь во всей этой истории? Может, огонь должен сам выйти и уничтожить чертову танцовщицу?

Лицо демоницы нервно вздрагивало. Иногда на нем проступали черты Елены. Неожиданно Зару стало ясно: между Еленой и танцовщицей имелось изначальное сходство (как же он раньше этого не замечал?), правда тварь выглядела значительно старше.

По лицу женщины пробежало страдание. Она тужилась, пытаясь что-то сказать, губы двигались, но тут же их перекашивала презрительная ухмылка.

Правая рука потеплела, наполняясь ощущением зряженности.

Нет, черт возьми, – табу! «Привратника» запрещено убивать огнем!

Но огонь, судя по всему, был другого мнения об этом. Он распалялся все сильнее.

И вдруг Гам прыгнул на Зара. Меч со свистом промелькнул над головой. Зар рефлекторно присел, но пропустил шедший следом увесистый удар в челюсть и полетел вдоль стены.

Пламя, произвольно вырвавшись из левой ладони, окатило стену и ударило в потолок. Правая рука тоже полыхнула в момент падения. Огонь плюхнулся в пол и разлился прямо под Заром.

Повалившись на огненную перину, Зар тотчас вскочил, раскинул руки с неконтролируемо бьющими огненными снопами в стороны. Огонь хлестал как вода из бронсбойта. Пытаясь отвести жар от Елены, Зар развернул кисти назад. Тут же почувствовал спиной, как неумолимо быстро нагревается воздух.

Ратник, стоявший на двери, бросился прочь. Танцовщица медленно встала. Гам, закрыв лицо рукой, выставил меч и шагнул вперед. Он обогнул демоницу и собиравшись прыгнуть на Зара, но тварь схватила его сзади за плечо и отшвырнула как крысу. Гам долетел до противоположной стены и, стукнувшись об нее, шлепнулся на пол.

Сильно припадая на ногу, демоница двинулась на Зара. Лицо ее прояснилось, и злобные черты окончательно уступили место чертам Елены. В глазах девушки появилась растерянность.

Только тут Зар заметил, что его одежда горит. Спину и правый бок жгло нещадно. От пола до колен хитон также обьяло пламя.

Скорее автоматически, чем намеренно Зар хлопнул себя правой рукой по спине и – одновременно – левой по бедру.

Тут же огонь поглотил все вокруг.

22

Холодная вода тяжелой струей дубасила по спине и ногам. Зар попытался отползти в сторону, но кто-то крепко схватил за ноги.

– Отпустите, мать вашу! – рявкнул он, пытаясь вывернуться. Но руки, удерживавшие его, были до того дюжими, что выскользнуть не удавалось.

Огонь, – сообразил Зар. Он попытался выпростать из-под живота руку. Действие это вызвало приступ сильнейшей боли в боку и предплечье, – боль шарахнула по мозгам, и Зар провалился в пустоту...

Когда он очнулся в первый раз, перед глазами растекалось огромное синее пятно, по которому плыли горящие кольца.

Зар лежал на боку. Ему казалось, что в тело в разных местах загнано несколько ножей. Он заскрежетал зубами, пошевелился, но сил вытащить ножи не было.

Пить хотелось нестерпимо. Зар попытался облизнуть губы, но язык был как высушенная хлебная корка.

Кто-то поблизости невнятно бормотал; Зар не мог разобрать ни единого слова. Ему было жарко – гораздо жарче, чем даже в тот момент, когда он пытался тушить себя горящими руками. Ему казалось, что он укутан во что-то влажное и горячее. Какие-то тряпки, напитанные кипятком, жидким маслом, клеем, – все это накинута прямо поверх торчащих из тела ножей, все давит, терзает... Зар попытался скинуть с себя эти противные одеяния, и десятки новых ножей тут же безжалостно впились в тело. Застонав, он снова погрузился в небытие.

Потом были мучительные часы полубессознательного состояния. Перед Заром попеременно являлись Елена, Митра, Петрович, злобная танцовщица, Сраош. Каждый из них говорил о чем-то своем, порой все они начинали между собой толкаться, спорить, каждый норовил занять место поближе к Зару. Но он гнал их всех от себя, пытался оттолкнуть, потому что и без того было тяжело дышать, – воздух был так горяч, что кожа от него чуть не лопалась.

Потом его куда-то поволокли. Рядом шла танцовщица, то и дело насмешливо поглядывая своими черными жуткими глазами. Впереди открылась дверь, и невидимые носильщики внесли его в залу, залитую ослепительным, режущим глаза, светом.

Зара швырнули на большой плоский камень, и тут не него сверху, обернувшись волками, с голодным рычанием накинулась свора поганных дэвов. Твари раздирали его на куски, вгрызались в руки и ноги, а особенно лакомым им почему-то казался его правый бок. Будучи не в силах терпеть, Зар выл от боли, матерился на чем свет стоит и пытался раскидать дэвов, но они крепко схватили его за руки и не отпускали до тех пор, пока он, утратив силы, не потерял сознание.

Когда Зар очнулся, перед ним снова мерцало синее пятно. Приглядевшись, он понял, что это белая ткань, навешенная на перекладину, а синеватой она кажется из-за освещения.

Какая-то женщина поговорила с ним, подергала за руку, и он погрузился в сон, а, проснувшись, снова был среди дэвов и призраков, которые, перебивая друг друга, спорили о том, как им лучше казнить Елену – зарезать или сжечь на костре.

Зар заперезживал. Он стал отчаянно звать стражников, желая предупредить их о том, что задумали проклятые дэвы, но вместо стражников появился какой-то толстяк. Его лицо было укутано белой тряпкой, а маленькие серые глазки так и бегали, как две суетливые мышки. Незнакомец озабоченно спросил Зара, как он себя чувствует. Чем-то

толстяк напомнил Зару Нахата, и он решил его вопрос проигнорировать – только презрительно усмехнулся.

Немного погодя явился муж матери Иван. Он говорил что-то о доме, пронзительно скрипел стулом, поил через соломинку минеральной водой и под его бубнеж и скрип Зар погурзился в полудрему. Потом Ивана увела танцовщица, – на ней был надет белый медицинский халат.

Временами никого подолгу не было. Зар лежал в одиночестве, пытаясь выбраться из состояния топкой дремоты, но стоило немного прийти в себя, как наплзали новые волны тошнотворного дурмана.

– Дайте воды! – требовал он по-аншански, но вместо воды ему приносили кипяток.

Иногда он осознавал, что кто-то пытается ему помочь. Чьи-то руки осторожно почесывали зудящую кожу, не спеша вытаскивали из нее ножи, прикладывали к ранам прохладные повязки. Зар терпел, но порой ему начинало казаться, что его дурачат, что на самом деле дэвы под личиной добродетели готовят очередную подлость. Тогда он скрежетал зубами, ругался, вопил, требовал, чтобы твари убрались, звал Митру, считая, что только старик сможет помочь. Но Митра как назло больше не показывался. Зато объявился какой-то парень в очках. Зар тут же потребовал, чтобы из него немедленно повывтаскивали все до единого ножи. Парень позвал кого-то. Пришла женщина и стала что-то делать с рукой. После этого Зар уснул, впервые надолго, а, когда проснулся, была тихая ночь.

Палату освещала синяя дежурная лампочка. Воздух был уже не горяч, жажда не так мучительна. Зар понемногу приходил в себя. Наконец вернулась способность трезво мыслить, и он понял, что с ним произошло, и где он находится. Откровенно говоря, понимание пришло гораздо раньше, но лишь теперь ум смог целиком охватить все разрозненные элементы, отбросить бред и создать более-менее завершённую картину.

Связь с Аншаном и его обитателями разорвалась бесповоротно. Победенный Ханра, сирепый коварный Гам, злобная демоница, чердак, наполненный огнем, – все осталось в прошлом, где ему и надлежало пребывать.

Зар все еще слышал шелест дождя, бьющего по крыше, все еще помнил, каким растерянным было лицо Елены в тот миг, когда танцовщица выскочила из ее тела, а огонь окончательно вышел из-под контроля. Он хорошо помнил, как все вспыхнуло, и под ногами разверзлась пустота.

Куда же его вышвырнуло? Разве это могло произойти само собой, без специальных ритуалов и заклинаний? Неужели в музее зороастризма случился еще один серьезный пожар? С момента первого всего только месяца полтора прошло...

Стоп! А что, если ты в каком-нибудь другом мире оказался, как в том американском фильме про путешествия во времени?! И может, это и не Питер вовсе! И какой, черт побери, сейчас год?..

Зар стал ломать над всем этим голову, сосредоточенно разглядывая участок простыни перед собой, и от всех этих мыслей застучало в висках.

Он попробовал приподняться на левом локте, на всякий случай стиснув предварительно зубы. Когда он пошевелился, боль моментально отозвалась в ногах и боку, но все-таки к сегодняшней ночи она заметно притупилась, и Зар не проронил ни звука.

Ощущался неприятный сладковатый запах мази. Зар попытался заглянуть за ширму, которую образовывала простыня. Там висели какие-то излучатели, – от них исходило тепло. Зар пробовал отодвинуть край простыни, но она оказалась надежно закреплена. Тогда он немного пошевелил ногами и повертелся, стараясь определить, насколько серьезны повреждения.

Судя по всему, особенно сильно пострадал правый бок – ребра, поясница и участок спины, а еще часть левого бедра и обе голени.

На лбу, щеках и груди также ощущался слой мази. Зар подвигал мышцами лица, – слегка запекло, но, в общем, было терпимо. Наклонив голову, он стал изучать кожу на груди. В синеватых сумерках следы от лопнувших пузырей, покрытые полурастаявшей пеной, казались серыми дырами, а краснота – мертвой кожей. Зар с опаской ее потрогал: чувствительна и не особо болюча. Стало быть, ожог на груди не слишком глубок. Значит, можно надеяться, что и лицо не напрочь обезображено.

Зар медленно повернулся. Рядом с койкой была тумбочка. На ней стояла бутылка с водой и стакан. Из стакана торчала согнутая пополам соломинка. С кряхтением Зар дотянулся до бутылки, раскупорил ее и налил до краев. Расплескивая воду, поднес стакан к подушке, поймал губами соломинку и принялся жадно тянуть.

Год! – внезапно осенило Зара. – Он должен быть обязательно обозначен на этикетке, – точно так же, как и завод-изготовитель. Оторвавшись от питья, Зар приблизив бутылку, стал всматриваться в нижнюю размеченную линию.

2008... 2009... 2010...

Слава богу! – Зар облегченно вздохнул. Данные о заводе он разобрать не смог: освещения не хватило, чтобы прочесть микроскопические буквы, но название воды – «Кристалльная негазированная» – вполне обнадеживало.

Допив воду и поставив бутылку со стаканом на место, он осторожно опустился на левую лопатку.

И тут губы сами собой растянулись в улыбке.

– Ты – дома, – внезапно выдохнул он. Сердце в груди так и заколотилось.

Дома, черт побери! Ты – дома! Дома!

Он стал повторять эти слова мысленно – фраза за фразой. Странно, но поверить в то, что вернулся, оказалось еще труднее, чем шесть недель назад принять мысль, что его закинуло в прошлое.

Но это правда! Тебе удалось-таки вернуться. И главное, ты сам сделал это, не так ли? Черт! А ведь мог бы запросто и погибнуть. Отправился бы в самое пекло вслед за Нахатом. Митра-то предупреждал, что огонь опасен. При таком потенциале сжечь самого себя – дело нехитрое. Целую домну в себе таскал. Но огонь не убил тебя, везунчик. Малость, правда, поджарил, прежде чем из Аншана вышвырнуть, – может, для остротки, в назидание, чтоб не повадно было с царевичами драться и в войны с погаными демонами играть. А может, просто обиделся огонь за то, что волю ему не давал. Как бы там ни было, мягко отомстил тебе огонь Светлого Атара за то, что ты его в неволе держал. За это ему спасибо.

Зар на всякий случай пошевелил пальцами ног, еще раз поочередно прошелся мысленным зондом по участкам тела. Вроде, все в относительном порядке. Здоровье богатырское – как-нибудь выкарабкаемся. Главное – жив остался и домой вернулся.

Он слабо хихикнул и поднес к глазам ладони, шепотом повторяя: «Дома...»

Ладони, как ни странно, были вовсе невинны, если не считать парочки незначительных пузырьков.

Зар снова и снова негромко хихикал, осторожно трогал щеки, мазюкая пальцы в пену; пытался найти лазейку в ширме, поднимал поочередно ноги; пробовал опереться на всю поверхность спины. В конце концов, он утомился и уснул.

Наутро его разбудила медсестра – симпатичная, зеленоглазая женщина лет сорока. Она растирала ваткой предплечье.

– Здрасьте, – подал голос Зар. – Не скажете, где я?

Женщина улыбнулась приветливо и удивленно.

– Ну, наконец, – воскликнула она со вздохом облегчения. – Слава тебе... Видно, жар спал, сейчас измерим... Подожди-ка, только капельницу поставлю. В ожоговом центре ты, вот где. На Будапештской.

– Где это?

– Не знаешь? – Медсестра сделала паузу и, сосредоточившись, вставила иглу. – Фрунзенский район.

– В Питере? – спросил он нетерпеливо.

– А то? – удивилась женщина. – Интоксикация у тебя. Ожоговая болезнь. С вечера первый раз спокойно уснул. Сиделок матом крыл, такого наговорил – еще ни разу не слыхивали тут. Чуть ли не связывать приходилось.

Лекарство закапало в вену. Медсестра измерила температуру, записала на листке.

– Если что – зови, – сказала она и вышла.

Потом пожилая санитарка принесла утку.

Затем был завтрак – картофельное пюре с рыбной котлетой и свекольным салатом и чай.

Потом начался обход, на котором присутствовали уже знакомый очкарик, оказавшийся лечащим врачом, и толстяк, бывший заведующим, и во время которого Зар узнал, что сегодня девятнадцатое октября, и что он в больнице находится уже девятый день.

Ну и дела! Провалился девять дней, а показалось – одна долгая кошмарная ночь.

Стало быть, он вернулся из прошлого в тот самый день и в то самое место, откуда начал свое путешествие!

Примерно через час после обхода явился Петрович в белом халате, и маленькая одноместная палата сразу наполнилась шумом.

Петрович очень обрадовался, увидев Зара вменяемым. Положил на тумбочку грейпфруты с бананами, уселся на стул, передал привет от ребят, стал травить анекдоты и решительно ушел ото всех вопросов по поводу случившегося.

– Чуть поправишься – вот тогда и поговорим, – бодро заверил он, но Зар успел заметить, как на миг веселые глаза-буравчики затуманила какая-то скрытая мысль.

– Тебе пить надо побольше, – назидательным тоном поучал Петрович. – Так доктор велел. Ожоги, видишь ли, много влаги испаряют. Для почек это плохо. А почки тебе еще пригодятся, равно как и печень. Про медаль-то не забыл? Пиво с тебя никто не отменял. Только на работу выходишь – сразу и проставляешься. Ха-ха! А пока, Степанов, смотри, больничный режим не нарушай. Докторов и сестер слушайся. Тебе вон какую сложную пластику сделали. Из одного места кожу брали, на другое пересаживали. А где не хватило твоей кожи, там свиную использовали. Ха-ха! Не шучу я, так доктор говорил. Так что, таблетки не выплевывай, понял? И следить за собой начинай, а то, вишь, снова бородавка отросла, как тогда... – Он запнулся, насупил лохматые брови и вдруг, воскликнул, спохватившись: – Эй!.. А чего это я молчу-то? Ха-ха! Мать-то твоя в роддоме уже! ее еще вчера вечером отвезли. Вроде, как рожать сегодня должна. Ты не волнуйся только, все с ней хорошо. Я с Иваном твоим разговаривал.

– Как? Да ей же еще срок не пришел...

– Ну, это понятие вполне относительное, – успокоил Петрович. – Бывает недель раньше, недель позже. Вот меня видишь? Я на месяц раньше срока вылупился. Зато Светки моей первенец на три недели запоздал, – Лешка. Так он с тебя уже вымахал, не меньше. Вот так-то. Так что готовься, Степанов, братишку своего встречать. Давай, банан почищу тебе.

Жуя банан, Зар почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы обиды. Как так? Мать рождает, а он к роддому даже приехать не может. Ей, небось, нужно чего-нибудь?..

– Эй, да ты чего погрустнел-то? – стал тормошить Петрович. – Радуйся. Все путем будет. Мать твоя в порядке, просто время пришло ей рожать. Сейчас же сообщу им, что тебе полегчало, ей тоже легче станет. Я договорился с Иваном, чтоб он к тебе заехал.

Обязательно приедет после того, как мать родит, все подробно расскажет. Так что, жди вестей.

Рассказав еще пару десятков анекдотов, Петрович пожелал скорейшего выздоровления и ушел.

Попробуй в голове столько впечатлений уместить! еще не переболел своим чудесным прошлым, не успел отметить победу над нечистью, грозившей уничтожить целый мир, как дома свежие новости. Да какие! Мать за это время успела надумать рожать. Ну и дела! Мишка сегодня появиться должен. Брат!

Удивительно это. Ты уже вполне взрослый, мужик практически, а у тебя брат появляется.

С блаженной улыбкой Зар погрузился в полудрему.

После обеда температура снова начала подниматься, и врач назначил другой антибиотик. Опять поставили капельницу.

Зар лежал, разглядывая синюю ширму, и день за днем восстанавливал в памяти события прошедших шести недель.

Иван явился в полвосьмого вечера. Он был слегка подшафе, и у него случилась небольшая перепалка в коридоре, но, узнав, что за событие его сюда привело, медсестра тут же выдала ему халат и бахилы и пропустила.

– Здорово, Назар! Поздравляю с братом! – сказал с порога Иван. – Красавец будет, как и ты. Ну, как? Да я и сам вижу – лучше! Температура спала, да? А ведь прямо горел весь. Я Татьяну насилу удержал, чтоб не шла к тебе. Слава богу, уговорил. Не хотелось, чтоб видела тебя таким, понимаешь?

Спать и на радости он был непривычно болтлив, и Зар с трудом вклинился:

– Как она?

– Татьяна? Все в порядке! Да она и не рожала практически, а просто выплюнула его! Три минуты – и готово. Тьфу – и вот он, богатырь! Я ей успел перед родами передать, что ты на выздоровление пошел, мне дружок твой, звеньевой, Николай Петрович, спаситель твой сообщил. Так что Татьяна в настроении, довольна. Вставала уже с кровати, видел в окно ее. Бледненькая немного, но улыбалась зато. Если все хорошо, через пять дней выпишут.

– А как братеньник мой, – улыбнулся Зар. – Рост, вес?

– Колька-то? Да богатырь! Три девятсот с копейками. А рост...

– Постой, почему Колька?.. Мишка ведь... Какой еще Колька? – Тут в сердце кольнула игла ледяного ужаса. Он вспомнил свой последний сон в Аншане, и страшное пророчество Ханры-Манью.

– Так это мать, – немного удивившись, сказал Иван. – Она сама захотела Колькой назвать. Категорически захотела. В честь, опять же, звеньевого твоего. Это ж он тебя из огня вытащил. Да ты не помнишь, наверное... Эй, да что с тобой?

(«...За то, что ты отказался служить мне, я возьму себе в слуги твоего брата...»)

В глазах Зара помутнело. Ему вдруг показалось, что тень убитого Ханры промелькнула в палате.

– Мишкой надо было назвать... – упавшим голосом прошептал он.

А в ушах уже шумали страшные слова:

«...Я вдохну в него свое начало. Вылеплю игрушку себе по нраву. Он еще не рожден и не знает жизни... Я научу его искусству убийства... Я погашу в нем чувства... Я заставлю его убить мамашу...»

– Эй, Назар! Тебе что, поплохело? Подожди-ка... Вот я щас за сестрой сбегаю.

Иван выскочил, а Зара охватило чувство холодного отчаяния.

Пришла медсестра, измерила температуру, давление; сходила за доктором. Ивана выпроводили. Зару сделали укол и оставили в одиночестве.

Он лежал, погруженный в мрачные размышления. Ему мерещилось мясистое, горбоносое лицо Митры и глаза Елены, наполненные вдохновенным светом, какими они были в те минуты, когда она рассказывала о «точках доступа».

И теперь он гораздо лучше понимал этих людей, их непримимость к дэвам и духу Манью, их одержимость. И ему хотелось вернуться к ним, спросить совета, призвать на помощь, потому что еще ничего не закончилось, а все только начинается, и впереди еще много дел, усилий и трудностей, которые нужно преодолеть.

